

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

4 (39)

журнал выходит четыре раза в год

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**
№ 4 (39), 2018

Научный журнал. Издается с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционный совет

Акад. РАН *В.И. Тишков* (*председатель*);
член-корр. РАН *Х.И. Амирханов*; акад. РАН *Н.Н. Казанский*;
акад. РАН *А.Б. Куделин*; член-корр. РАН *В.В. Наумкин*;
д.и.н. *Ю.А. Петров*; д.и.н. *В.В. Трепавлов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *Б.Х. Бгажноков*, д.ф.н. *Б.Ч. Бижоев*, д.ф.н. *Ж.М. Гузеев*,
д.ф.н. *А.М. Гутов*, к.и.н. *А.Г. Кажаров*, к.и.н. *З.М. Кешева*,
к.ф.н. *Д.М. Кумыкова* (*ответственный секретарь*), д.ф.н. *Х.Х. Малкондуев*,
к.ф.н. *Л.Х. Махиева*, к.и.н. *Р.Г. Оширов*, к.и.н. *Д.Н. Прасолов*,
д.ф.н. *Х.Т. Тимижев*, к.и.н. *В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

4 (39)

the journal comes out four times a year

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH**
№ 4 (39), 2018

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l c o u n c i l

V.I. Tishkov (chairman), Member of the Russian Academy of Sciences;
H.I. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
N.N. Kazansky, Member of the Russian Academy of Sciences;
A.B. Kudelin, Member of the Russian Academy of Sciences;
V.V. Naumkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
U.A. Petrov, Doctor of History; *V.V. Trepavlov*, Doctor of History

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *Zh.M. Guzeev*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *H.H. Malkonduev*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *R.G. Oshroev*; Candidate of History *D.N. Prasolov*;
Doctor of Philology *H.T. Timizhev*; Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Бгажнoков Б.Х.</i> Пахота, пахотные орудия и сyпряга в традиционной культуре земледелия черкесов	7
<i>Бгажнoков Б.Х., Фоменко В.А.</i> О колесницах предскифского времени населения Западного и Центрального Предкавказья	15
<i>Фоменко В.А., Хоконова Л.А.</i> О некоторых этнографических соответствиях каменноостско-березовским древностям	22
<i>Алоев Т.Х.</i> Битва на переправе Жырышты: кабардино-крымская кампания 1731 г. и ее итоги	27
<i>Кожев З.А.</i> Бахчисарайский поход (Бахъшысэрей зекӀуэ): проблема датировки	45
<i>Жанситов О.А.</i> Формирование и деятельность политических группировок в Кабарде и Балкарии (февраль 1917 – март 1918 г.)	55
<i>Глашева З.Ж.</i> Создание и функционирование особых государственных органов управления на Кавказе в 30–50 гг. XIX в.	62
<i>Сабанчиева Л.Х.</i> Трансформация жилищно-поселенческого комплекса народов Кабардино-Балкарии: факторы и этнические маркеры	69

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Кушхабиев А.В., Алхасов М.М., Табаксоев И.А.</i> К проблеме трансформации экономических ценностей населения Кабардино-Балкарии в современный период (по результатам социологического исследования)	80
---	----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОР

<i>Гутов А.М.</i> Основные принципы текстологической подготовки и перевода материалов адыгского историко-героического эпоса	88
<i>Берберов Б.А.</i> «Тимуровский цикл» в карачаево-балкарском фольклоре и «Сказание о хромом Тимуре» Д.-Х. Шаваева	97
<i>Бухуров М.Ф.</i> Структурно-типологический анализ мотива подкидыша (найденыша) в адыгском эпосе	104
<i>Алхасова С.М.</i> Этнокультурная специфика современной женской поэзии: Статус. Аспекты	112
<i>Бетуганова Е.Н.</i> Психология и мировосприятие героя современности в малых жанрах кабардино-черкесской литературы	117
<i>Биттирова Т.Ш.</i> Литературоведческие исследования в карачаево-балкарской диаспоре	123
<i>Гулиева (Занукоева) Ф.Х.</i> Карачаево-балкарские религиозные легенды	129
<i>Гутова Л.А.</i> Фольклор в трудовом воспитательном процессе адыгов (на материалах, приуроченных к ведению домашнего хозяйства)	135
<i>Кучмезова Л.Б.</i> О некоторых фонетических и лексических особенностях диалектной лексики карачаево-балкарского языка	142
<i>Малкондуев Х.Х.</i> Родовые предания чегемского общества (Сарбашевы, Акаевы и Аппаевы)	148
<i>Хагожеева Л.С.</i> Коммуникативные императивы в адыгских сказках	155
<i>Тхамокова Ж.Г.</i> «Песня волка»: к жанровой идентификации в системе адыгского фольклора (сравнительно-вариативное исследование)	162

CONTENT

HISTORICAL SCIENCE

<i>Bgazhnokov B.H.</i> Plowed land, arable tools and supryaga in the traditional standard of farming of circassians	7
<i>Bgazhnokov B.H., Fomenko V.A.</i> About the chariots of the pre-scythian time of the population of the Western and Central Ciscaucasia	15
<i>Fomenko V.A., Hokonova L.A.</i> On some ethnographic analogies to Kamennomost-Berezovka antiquities	22
<i>Aloev T.H.</i> The battle at the ferry Zhereshchty: the kabardino-crimean campaign of 1731 and its results	27
<i>Kozhev Z.A.</i> The Bakhchisarai campaign (Бахъшысэрей зекӀуэ): the problem of dating	45
<i>Zhansitov O.A.</i> Formation and activity of political groups in Kabarda and Balkaria (February 1917 – March 1918)	55
<i>Glasheva Z.Z.</i> Creation and functioning of special state administration bodies in the Caucasus in the 30–50's. XIX century	62
<i>Sabanchieva L.H.</i> Transformation of the housing-settlement complex of the people of Kabardino-Balkaria: factors and ethnic markers	69

PROBLEMS OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT

<i>Kushkhabiev A.V., Alkhasov M.M., Tabaksoev I.A.</i> To the problem of transformation of the economical values of population of the Kabardino-Balkaria in the modern period (by results of the sociological research)	80
---	----

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM. FOLKLORE

<i>Gutov A.M.</i> Basic principles textological preparation and transfer of materials of the adyg historical-heroic epos	88
<i>Berberov B.A.</i> «Timur's cycle» in the karachay-balkar folklore and «The legend of Timur the lame» by D.-Kh. Shavaev	97
<i>Bukhurov M.F.</i> Structural and typological analysis of motive finder (found) in the adyg epos	104
<i>Alkhazova S.M.</i> Ethno-cultural specificity of contemporary women's poetry	112
<i>Betuganova E.N.</i> The psychology and worldview a hero of our time in small genres of the kabardino-cherkess literature	117
<i>Bittirova T.S.</i> Literary studies in karachay-balkar diaspora	123
<i>Gulieva (Zanukoeva) F.H.</i> Karachay-balkarian religious legends	129
<i>Gutova L.A.</i> Folklore in the labor educational process (by the materials timed to housekeeping)	135
<i>Kuchmezova L.B.</i> Lexical features of dialect words malkar dialect of karachay-balkar language and their reflection in the translation dictionaries	142
<i>Malkonduev H.H.</i> Tribal legends of the chegem society (Sarbashevs, Akaevs and Appaevs)	148
<i>Hagozheeva L.S.</i> Communicative imperatives in adyg tales	155
<i>Tkhamokova Z.G.</i> The song of the wolf: to the genre identification in the system of adyghe folklore (comparatively variable research)	162

УДК 39 (470.62/.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-7-14

ПАХОТА, ПАХОТНЫЕ ОРУДИЯ И СУПРЯГА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ЧЕРКЕСОВ

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), bbarasbi@yandex.ru

В статье рассматриваются основные черты и традиции плужного земледелия черкесов. В том числе закрепление традиций пашенного земледелия в языке и языковом сознании народа, особенности использования в практике весенне-полевых работ тяжелого черкесского плуга, некоторые другие аспекты черкесской агроэтнографии. Подчеркивается, что основной фонд земледельческой лексики черкесского языка сформировался в глубокой древности, возможно, еще в неолите, и уже тогда были четко выделены все этапы земледельческой деятельности, среди которых главенствующее место занимала пахота с последующим севом. Характеристики тяжелого черкесского плуга рассматриваются в связи с их адаптацией к условиям подвижного, переложно-залежного земледелия. Представлена общая характеристика традиций взаимопомощи и коллективного труда во время пахоты, роли так называемого вако тхамата – «главы пахоты» и сельской общины в целом в организации слаженной работы крестьян в полевых условиях.

Ключевые слова: черкесы, пашенное земледелие, пахотные орудия, агроэтнография, тяжелый плуг, воловья упряжка, традиции взаимопомощи.

Пахота и пашенное земледелие в языке и языковом сознании черкесов

Будучи простейшим односложным словом, глагол *вэ/вэн* (адыгейск. *жъон*) – «пахать», «рыхлить почву», является одним из древнейших в лексическом фонде черкесского языка. К числу общеадыгских, базовых и самых древних, относятся также термины, фиксирующие все другие наиболее важные этапы земледельческого труда: *сэн* – «сеять», *хын* – «жаты», «жатва», *гун* – «лушение», а также образованный в результате редупликации композит *вэн-сэн* – «пахота-сев», который является изначально обозначением весенне-полевых работ в целом.

В тесном взаимодействии с обозначениями пахоты, сева и жатвы находятся многие другие лексические единицы черкесского языка. Что касается глагола *вэн*, то производными от этого слова являются в первую очередь термины, так или иначе связанные с земледелием. В том числе и термины особенно важные для закрепления знаний и навыков пашенного земледелия, как одной из первых и наиболее сложных культурных форм добывания пищи. Ср.:

вагъэ – «пашня», *вэныжь* – «залежь», «залежная земля», *вэнтхъулъэ* – «целина», «целинная земля», «дикое поле», *вэклэ* (адыг. *жъуаклэ*) – «умение пахать, способ пахоты», *вагъэдэтхъу* – «способ пахоты, при котором пашню вспахивают, начиная с концов участка двигаясь к ее середине», *ваклуэ* (адыг. *жъонакло*) – «пахарь», *вабдзэ* (адыг. *цубзэ*) – «лемех», *ва-фэ* (адыг. *жъуа-шъо*), букв. «пахотная кожа» – «ремень для прикрепления

плуга к передку», *вагъэбдзумэ* (*жъуагъопцумэ*) – «пласт земли, переворачиваемый плугом», *жъогъэжъ* (адыг.) – «зьябь», *вагъэмбэжъу* – «борозда», *жъоныгъу* (адыг.) – «время (для начала) пахоты», *жъоныгъуакI* (адыг.) – «окончание пахоты», *жъоныуж* – «время после окончания пахоты» и др.

У кабардинцев даже в наименовании навоза – *вэн-вей*, которым наряду с золой удобряли почву, определяющее значение имеет, как видно, слово *вэн*. Создается в результате слово с буквальным значением «помет для пашни». При этом нельзя исключать, что вторая часть этого сложного слова – *вей* восходит к названию воллов – *вы* (адыг. *цу*). Отсюда одно из адыгейских названий навоза/помета – *цуй/цые* (наряду с терминами *ебз*, *чыгъэшилу*), позволяющее по аналогии с кабардинским обозначением навоза сконструировать его адыгейский вариант – *жъон-цуйей*.

В нижнечеркесском варианте адыгского языка на возможность такого (выпадающего из общего процесса словосложения) способа развития земледельческой лексики указывает также обозначение лемеха – *цу-а-бзэ*, в котором первый значимый компонент *цу* является, видимо, наименованием вола/быка, как тягловой, рабочей силы, а второй – *бзэ* используется как существительное с собирательным значением «орудие», «механизм».

Не случайна, быть может, и кажущаяся только внешней связь корня *вэ/вэн* – «пахать» с обозначением звезд – *вагъуэ* (адыг. *жъуагъэ*) и практически полное совпадение с глаголом «варить» (варка, варение) – *вэн* (адыг. *жъон*). Все это требует, конечно, специального рассмотрения. Заметим только, что существует, судя по всему, какая-то особенная, внутренняя связь между вспаханным (засеянным) полем и вареной пищей. И в том, и в другом случае мы имеем дело с древнейшими формами цивилизации, возникшими еще в период неолита или «протоистории» (К. Леви-Стросс). Они знаменуют появление новых форм добывания и приготовления пищи с использованием одомашненных животных, пахотных орудий и культурных растений, огня и сосудов для наполнения водой и варки сырого мяса.

Основной фонд лексики черкесского языка, связанной с пашенным земледелием, довольно богат и сложился, как следует из вышеприведенных примеров, в глубокой древности, уходит своими корнями в эпоху неолитической революции, перехода от присваивающего хозяйства к производящему. Видимо, уже тогда были выделены некоторые главные этапы земледельческого труда. Но при этом ведущее место в процессе возделывания хлебных злаков отводилось и отводится сейчас именно пахоте, как самой трудоемкой и ответственной части земледельческой деятельности, которая закладывает основы будущего урожая, производит и воспроизводит хлеб, как таковой. Не зря связанное с земледелием воздействие на природу закрепилось в латинском языке под именем *cultura* – букв. «возделывание, обработка» и стало постепенно понятием, охватывающим все средства и способы осознанной, разумной деятельности человека и общества.

Представление о том, что хорошо и правильно вспаханное поле является гарантом обильного урожая, закрепилось в языковом сознании черкесов благодаря прилагательному *бэв* (адыг. *бэжъу*). Оно состоит из двух корневых морфем: *бэ* – «обилие», «множество», *вэн* – «пахать» и применяется обычно к урожаю, прежде всего к высокому урожаю зерновых. Поэтому формулы приветствий, с которыми обычно обращаются в поле к пахарю, всегда содержат слово *бэв/бов*. Ср.: *Бов ащий* – «Изобилия вам»; *Гъэбэв угъуэт ащий* (адыг. – *Гъэбэжъу огъот ащий*), «Год изобильным (урожайным) да будет»; *Гъэбэв алыхъым къуит* – «Год изобильный Аллах тебе пусть даст»; *Бэвыихуэ тхъэм къуит* – «Изобилие великое Бог тебе пусть даст».

С представлениями о пахоте и пашенном земледелии связано и слово для обозначения хлебных злаков и урожая зерновых культур в целом – *гъа-вэ*, в котором первый компонент *гъэ* соотносится с весной и летом (теплым временем года), а второй с пахотой. Употребительны, особенно у кабардинцев, высказывания типа:

Гъавэр трасац – букв. «Засеяли хлебными злаками», *Гъавэр Гуахыжац* – «Убрали урожай». Распространено также уже упоминавшееся и наиболее точное обозначение богатого, обильного урожая – *гъэбэв* (адыг. *гъэбэжъу*).

Кроме того, слово *гъавэ*, также точно как его адыгейский эквивалент – *гъажьо* применяется в более узком значении – как наименование проса. А в кабардинском языке как обозначение одного из многих сортов проса используется слово *вагъуэ-плъ* – букв. «красное просо». Эти примеры свидетельствуют лишний раз об исключительной роли проса/пшена в традиционной культуре земледелия и питания черкесов. Но вместе с тем и в равной степени о том, насколько прочно связано возделывание проса с подготовкой для этого земли – с ее распашкой по всем правилам, выработанным в течение многих столетий, с использованием необходимых орудий и приспособлений, среди которых главным является традиционный плуг – *пхъэ/эцэ*.

Тяжелый плуг и воловья упряжка

Термин *пхъэ/эцэ*, означающий буквально – «деревянное орудие», возник, по-видимому, в древности, при переходе к плужному земледелию, когда в качестве пахотного орудия использовалась деревянная соха. Но уже во времена позднего средневековья и нового времени адыги, наряду с сохой применяли для распашки своих полей тяжелый железный плуг. Он был похож во многом на украинский тяжелый плуг и широко известен на Северном Кавказе под названием кабардинского или черкесского плуга: у алан (осетин) – *касгон гутон*, *касгон гутон*, у балкаро-карачаевцев – *черкес агац* и т.д.¹

По-видимому, аналогичным образом именовали черкесский плуг грузины, в языке которых обозначением плуга является слово *гутани*. Но в любом случае, очевидно, что термины *гутон* и *гутана* в значении «плуг» в осетинском и грузинском языках заимствованы из кабардинского *гутланэ* (адыг. *кутланэ*). Так называли адыги передок с грядилью (дышлом) и двумя колесами. В традиционном тяжелом железном плуге он выполнял роль главной, несущей конструкции.

И этот термин, безусловно, исконно черкесский, легко объяснимый лексико-семантическим строем адыгского языка. Перед нами сложное слово, состоящее из двух лексических единиц черкесского языка: *гу* (*ку*) – «повозка» и *мл/млын* – «рыть», «копать» с древним и весьма продуктивным для образования существительных аффиксом *-нэ*, *-н*. Создается, таким образом, термин с внутренней формой: «роющая повозка». Отсюда и западноадыгское обозначение плугаря – *кутанэцц/котанэцц*, букв. «повелитель плуга», которому в кабардинском языке соответствует произносимый с таким же пиететом древний термин *пхъэ/эцэжъ*, букв. «могучий плугарь». Что же касается версии грузинского происхождения термина «гутана», то она на данном фоне менее убедительна. К тому же известно, что у грузин существовало старое, исконное название плуга – *эрквани*, а термин *гутани*, упоминающийся в середине XIII века лишь заменил прежнее название *эрквани*². Судя по всему, этот новый термин был заимствован у черкесов, что произошло, видимо, вместе с заимствованием самого черкесского плуга. При этом имела место своего рода лексическая синекдоха: черкесское название одной, но самой бросающейся в глаза части черкесского плуга – передка, *гутланэ* стало грузинским названием плуга – *гутани*.

Остается открытым еще вопрос о том, заимствовали ли адыги тяжелый плуг у украинцев или, напротив, украинцы освоили и переняли это орудие вместе с некоторыми другими элементами культуры земледелия, сложившимися в черкесской среде в древности. Показательно, в любом случае, что осетины по аналогии с обозначением черкесского плуга – *касгон гутон* называют украинский плуг *украинаг гутон*, а грузинский плуг – *гурзиаг гутон*³.

Кабардинский (черкесский) тяжелый плуг с деревянной основой имел железный лемех – *вабдзэ* (адыг. *цубзэ*) и сошник (резак) – *фIэбз* (адыг. *шIобз*), *вабдзэ-пэгъу*. Другие части плуга изготовлялись из твердых пород дерева, в основном из дуба, ясеня, вяза⁴. Среди них:

грядиль (плужное дышло) – *пэгъу*, *пхъэлэщэ пэгъу*, прикреплявшийся к передку с помощью ремня, полоз – *пхъэлэщэ лъэгъу*, стояк, соединяющий полоз с дышлом – адыг. *шынчат*, отвал – *бдзумэ* (адыг. *уо*), приспособление для регулировки ширины борозды – *вацIэ*, упоминавшийся выше передок с двумя колесами и дышлом (грядилью) – *гумIанэ* (адыг. *кутанэ*), ярмо – *выбжьы*, две рукоятки (*пхъэлэщэкл*), из которых правая была продета в грядиль (дышло) и была толще левой и т.д.

Сверх этого, чтобы обеспечить необходимую прочность и проходимость всей конструкции плуга, оба колеса (полевое и бороздовое) закрепляли снаружи деревянными (изготовленными из карагача – *дыкъуэнагъ*) или железными ободами – *гульэгъу*. При этом левое – полевое колесо было в диаметре на 15–20 см меньше, чем правое – бороздовое.

Особое название *ва-фэ* (адыг. *жъуа-шъо*) – букв. «пахотная кожа» имел также ремень для прикрепления плуга к передку. Он изготавливался из шкуры быка или буйвола⁵.

Регулировка ширины борозды осуществлялась, как сказано, специальной деревянной дугой (спицей) – *вацIэ* (адыг. *зацэ*), а глубины – колышками на грядили, с помощью которых устанавливалось расстояние между передком и полозом. Порядок необходимых для этого действий хорошо описан Т.Д. Алибердовым. «От установки передка ближе или дальше от полоза зависит глубина вспашки: чем ближе к передку, тем мельче; чем дальше – тем глубже. От приближения или удаления спицы к бороздковому колесу зависит ширина вспашки: чем ближе спица к бороздковому колесу, тем уже борозды; чем дальше – тем шире»⁶.

Конструкция плуга позволяла распахивать землю на глубину 4 вершков (около 18 см). В то же время другие плуги, распространенные на Кавказе в горных районах, могли поднять землю не более чем на два вершка⁷. Из этого следует, что черкесский тяжелый плуг был максимально приспособлен к системе переложно-залежного земледелия, к распашке целинных и залежных земель в степях Предкавказья.

С плужным земледелием прямо связано также использование волов, в качестве тягловой силы, позволяющей сравнительно легко распахивать огромные поля. Упряжка тяжелого кабардинского плуга состояла из 6, но чаще всего из 8 волов – *вэрэвий* или четырех следующих друг за другом пар. Хотя есть данные о том, что впрягали иногда и большее число волов – 10, 12, 16, упряжка из 8 волов считалась, по всей вероятности, обязательной для всех нормой и технически наиболее оптимальной и удобной. Поэтому в здравицах Богу Тхагаледжу, приуроченных к праздникам выхода на пахоту и первой борозды, возвращения с пахоты и окончания весенне-полевых работ речь идет всегда о восьми волах или о четырех парах волов – *вэрэвий*. Причем каждая из этих пар, по данным Т.Д.Алибердова, выполняла особую, закрепленную за ней функцию. В соответствии с этой функцией все четыре пары волов имели свое собственное, отдельное название и занимали определенное место в упряжке:

«Впереди идущая пара называлась пашэ (вожатый) – обычно это были опытные быки, правильно шедшие по борозде без погонщика. Вторая пара называлась пашэ дакъэ (пара, идущая после вожатых). В пашэ дакъэ впрягали новичков. Третья пара называлась дакъэ пашэ (пара, идущая впереди последних). В дакъэ пашэ впрягали более смиренных быков. Последняя пара называлась дакъэ (пара, идущая позади), куда также впрягали опытных быков»⁸.

В особую группу выделялись погонщики волов – *вауэ* (адыг. *цауэ*). Они разделялись на три группы: *наиэ вауэ* – идущие впереди, «вожаки» погонщиков, *дакхэ вауэ* – погонщики, идущие по бокам упряжи, *выцххэтес* – погонщик (обычно подросток), сидящий в корзине на двух передних волах⁹.

Супряга – дзей

Термин «супряга» происходит, судя по всему, от русского «сопрягать», «соединять в одну упряжку». В социальной истории средневековой Руси супряга представлена как форма совместной работы крестьянской бедноты, при которой несколько семей сообща использовали рабочий скот и другие средства производства для сельскохозяйственных работ.

В адыгской культурной традиции институту супряжничества соответствует, так называемый, *дзей* (адыг. *цей*). Также как и в русском языке, он происходит от слова со значением «сопрягать», «объединять», «соединять». Это, насколько мы понимаем, слово *зэдзыллэн*. И так же точно и в России, у черкесов под словом *дзей* (с внутренней формой «супряга») обозначают исторически сложившуюся форму кооперации крестьян в небольшие группы для объединения средств и усилий по распашке участков земли и подготовкой их к севу.

Но, однако, это лишь внешнее сходство, так как в Черкесии институт супряжничества был внутренне и очень жестко связан с социальной организацией феодалного общества в целом и прежде всего с принципами рационального распределения земли и рационального хозяйствования, способного удовлетворить потребности всех слоев населения, начиная с феодала-вотчинника, заканчивая крепостными крестьянами. Черкесская супряга, в силу этих причин, не связана с бедностью крестьян, с отсутствием у них достаточных средств для обработки земли. Это не вынужденная мера, к которой прибегала крестьянская беднота, а закрепленная в обычном праве, особая и обязательная для всех система взаимодействия производительных сил и производственных отношений в рамках сельской общины. В строгом соответствии с этой системой осуществлялось распределение принадлежащей аулу земли с последующей распашкой выделенных каждой семье участков.

Иначе говоря, согласно обычному праву черкесов все крестьянские семьи, в том числе и богатые, обязаны были объединяться в супряги – *дзей* (адыг. *цей*), то есть в бригады или группы по получению участков земли и совместной распашке этих участков. В этих группах один предоставлял плуг, второй пару волов, третий становился погонщиком волов – *вауэ*, четвертый поваром – *пицафлэ*, пятый волопасом – *выххуэ* и т.д. Как правило, люди объединялись в таких случаях вокруг того, кто являлся владельцем плуга, который был обычно плугарем и становился одновременно главным в супряге – *котэнэци/кутэнэци* у низовых черкесов адыгейцев, *пххэлэцхэжэ* – у кабардинцев.

Общее число членов супряги – *зэдзейэгъу* (адыг. *зэцэгъу*), обслуживающих один плуг, достигало у кабардинцев 4–5 человек. Также точно, как и у кабардинцев, у адыгейцев, по свидетельству Т.Д. Алибердова, этим заняты были четыре человека (не считая повара и волопасов), которых, в принципе, также можно считать членами супряги. Основу или ядро супряги составляли, таким образом: плугарь – *котэнэци* (каб. *пххэлэцхэжэ*), два погонщика, из которых один – каб. *выцххэтес* сидел в специально приготовленной для него корзине и погонял две передние пары волов, а другой *дэкхэцуао* (каб. *дакхэ вауэ*) погонял задних быков. Четвертый член супряги «следовал за плугом и очищал крыло рабочей части плуга от комьев земли»¹⁰. Для этого использовалась специальная сравнительно малых размеров лопата, известная у кабардинцев под названием – *тххуххэнцэ*.

Соответствующие такому распределению ролей специальные названия присваивались, как сказано выше, каждой из четырех пар быков.

Наличие волов, их количеству и качеству, как мы видим, придавалось большое значение. Недаром для определения вклада в общее дело супряги за точку отсчета принималось предоставление семьей двух полноценных волов, за что владельцу этих волов вспахивали один пай земли, владельцу четырех волов – два пая, владельцу шести волов – три пая¹¹.

Пай, равный участию в супряге двух быков, принадлежал также владельцу плуга, хотя затем он получал дополнительно к этому бонус за организацию супряги и руководство ее членами в процессе пахоты, о котором речь пойдет ниже. В один пай оценивался вклад в супрягу поваров, волопасов и, по всей видимости, труд всех других участников пахоты, включая членов импровизированного «правительства», «свиты» и всех других помощников главы (правителя пахоты) пахоты – *вакІуэ тхьэмэдэ*. Он избирался всей общиной, наделялся большими полномочиями, и на него возлагалась вся ответственность за поддержание необходимого порядка весенне-полевых работ, за успешное проведение и завершение пахоты и сева¹².

По одному паю выделяли, кроме того, вдовам, одиноким старикам, всем бедным семьям, а также на будущее для некоторого числа гостей и возможных новых членов общины, прибывавших из других сел – *кьакІуэ и Іыхьэ*.

Была найдена, таким образом, универсальная формула законного распределения и распашки земли, согласно которой каждому члену сельской общины был гарантирован один пай, символически приравненный к участию в совместной работе двух быков или одного плуга. Согласно общему правилу, пишет в данной связи Х.М. Думанов, «участок на два быка составлял минимум, который был обеспечен каждой семье независимо от того, имела ли она пару быков или не имела»¹³.

С другой стороны, еще до начала пахоты распределение земли осуществлялось, как сказано выше, по количеству имеющихся в селе плугов. Плужные пай, в свою очередь, «делились между участниками супряги пропорционально количеству работавших быков»¹⁴. Обычно один плужный пай, следуя такой логике, охватывал собой четыре воловьих пая. При этом вокруг одного плуга могли объединиться «не менее двух и не более четырех семей»¹⁵. Иначе говоря, крестьянская семья даже при наличии всех необходимых средств для самостоятельной обработки земли, обязана была вступать в супрягу, в договорные отношения с сельской общиной, диктовавшей, таким образом, правила распределения и распашки земли.

Все эти, в основе своей архивные данные свидетельствуют о том, что при распределении ресурсов сельскохозяйственного производства (размер пашни, наличие пахотных орудий, рабочего скота, число крестьян и крестьянских семей, способных участвовать в весенне-полевых работах) действовала сложная система взаимосвязанных норм и запретов, позволявшая поддерживать сравнительно высокий уровень развития черкесского земледелия. В основе этой системы лежал принцип понятного для всех общинников разумного и справедливого соотношения между вкладом в общее дело и полученной выгодой. На первое место при этом ставили владельцев плугов и волов, как держателей главных средств производства. При этом владелец 4 или 6 быков получал возможность получить 2 или 3 пая, а владельцу плуга предоставлялось право на распашку определенных участков земли, оставшихся после раздачи плужно-воловьих паев.

Как выясняется, за счет этих земель специально, с согласия общины и выборных лиц, сельским главам и старшинам, а также владельцам одного полного плуга «разрешали вспахать дополнительно в свою пользу» определенную часть этих участков¹⁷. Б.М. Джимов приводит, кроме того, данные о том, что в таких случаях для хозяина плуга (для главы супряги) полагалось распашать дополнительно к его паю отдельный участок, посвятив этому один день пахоты¹⁷.

Из этого следует, что владельцев плуга ставили в один ряд со старшинами, а до установления царской администрации в Черкесии – с владельцами аулов (*къяужэпц*), которым в конечном итоге принадлежал весь участок аульской земли.

Традиционно большим уважением пользовался в народе и сам плугарь. В Кабарде он, как сказано выше, носил гордое имя *пхъэИэцэжь* – «могучий плугарь», а в западной Черкесии *кутанэпц/котанэпц* – «повелитель плуга» и распределял роли всех других членов супряги, руководил ими и направлял их работу до полного окончания весенне-полевых работ, подчиняясь в свою очередь тхаме пахоты (*вакгуэ тхъмадэ*), избранному сельской общиной. Показательно при этом, что у кабардинцев в пастушеских коллективах функции, аналогичные тем, что были закреплены за плугарем, выполнял и таким же авторитетом пользовался старший пастух (чабан) – *лэгъупэжь*. В основе такого названия лежит большой медный котел – *лэгъуп* и, соответственно, очаг, вокруг которого символически объединялся пастушеский коллектив, подчиняясь его главе, как охранителю (стражу) общего для всех котла и очага.

В заключение необходимо сказать, что предусмотренные обычным правом традиции и нормы совместной деятельности взаимопомощи и социальной поддержки, действовавшие в рамках института супряжничества, не распространялись затем (во всяком случае, в той же самой или аналогичной форме) на сев и другие этапы сельскохозяйственной деятельности. «После окончания пахоты и ее раздела между участниками в «спряженном» плуге, – пишет, ссылаясь на архивные данные, Б.М. Джимов, – прекращались всякие обязательства и «каждый из спряжников, получивший свою долю вспаханной земли, засеивает ее уже своими средствами, и урожай хлеба, полученный от этой земли, не подлежит делению между бывшими в спряжке»¹⁸.

Примечания

1. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 118.
2. Очерки истории Грузии в 8 томах. Тбилиси, 1989. Т. 2.
3. Османов М.О. Традиционные типы и система земледелия Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 2008. С. 415.
4. Алибердов Т.Д. Адыгейские земледельческие орудия XIX и начала XX веков // Ученые записки. История и этнография. Краснодар, 1965. Т. VI. С. 108–114.
5. Там же. С. 114.
6. Алибердов Т.Д. Указ. соч. С. 115.
7. Серебряков И. Сельскохозяйственные условия Северо-Западного Кавказа // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1867. № 1–2.
8. Алибердов Т.Д. Адыгейские земледельческие орудия XIX и начала XX веков. С. 115.
9. Щоджэн Хь., КъардэнгъуцІ З. (Шогенов Х., Кардангушев З.). Адыгэ хабзэу шыІахэр (Обычаи адыгов). Налшык, 2006. Н. 16.
10. Алибердов Т.Д. Адыгейские земледельческие орудия XIX и начала XX веков. С. 115.
11. Думэн Хь.М. (Думанов Х.М.) Адыгэхэм я даудапщэхэр (Краткий словарь этнографических терминов кабардино-черкесского языка). Налшык, 2006. Н. 53.
12. Шортанов А.Т. Адыгская (черкесская) мифология и культуры. Нальчик, 2016. С. 365–367.
13. Думанов Х.М. Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX – начало XX в.). Нальчик, 1976. С. 24.
14. Джимов Б.М. Общественный строй дореформенной Адыгеи (1800–1868 гг.) // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Майкоп. Т. 11. С. 27–28; См. также: Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. С. 67.
15. Думанов Х.М. Обычное имущественное право кабардинцев. С. 23.
16. Там же. С. 24.

17. Джимов Б.М. Общественный строй дореформенной Адыгеи (1800–1868 гг.). С. 28.
18. Там же.

PLOWED LAND, ARABLE TOOLS AND SUPRYAGA IN THE TRADITIONAL STANDARD OF FARMING OF CIRCASSIANS

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, Head sector of the ancient history and archeology of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), bbarasbi@yandex.ru

In article the main lines and traditions of plow agriculture of Circassians are considered. Including fixing of traditions of tilled agriculture in language and language consciousness of the people, feature of use in practice of spring and field works of a heavy Circassian plow, other aspects of the Circassian agroethnography. It is emphasized that the fixed assets of agricultural lexicon of the Circassian language were created in an extreme antiquity, perhaps, in the Neolithic, and already then all stages of agricultural activity among which the predominating place was taken by a plowed land with the subsequent sowing were accurately allocated. Characteristics of a heavy Circassian plow are considered in connection with their adaptation to conditions of mobile agriculture. Also general characteristic of traditions of mutual aid and collective work during a plowed land is presented, to a role of so-called waco of a tkhamada – “heads of a plowed land” and an agricultural community in general to the organizations of harmonious work of peasants in field conditions.

Keywords: Circassians, tilled agriculture, arable tools, agroethnography, heavy plow, ox-team, traditions of mutual aid.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-7-14

О КОЛЕСНИЦАХ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), bbarasbi@yandex.ru

Фоменко Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

В статье кратко характеризуются находки колесничной упряжи предскифского времени в Кабардино-Пятигорье и в Закубанье. Рассмотрены также находки остатков самих колесниц в подкурганных погребениях протомеотской знати, исследованных археологом В.Р. Эрлихом на могильнике Уашхиту I в долине реки Фарс в Республике Адыгея. На территории Кабардино-Балкарии и соседнего Пятигорья остатки колесниц в погребениях VIII–VII вв. до н.э. пока не обнаружены. Частота находок колесничной упряжи предскифского времени в Кабардино-Пятигорье и Закубанье, а также их полное отсутствие на территории Северной Осетии и Северо-Восточного Кавказа позволила авторам поддержать гипотезу Н.Л. Членовой о единстве протомеотской и каменноостско-березовской культур. Возможно, сведения письменных источников о древнем населении на территории нынешней Абхазии (происхождение генихов, культ Диоскуров), а также данные археологии о распространении и особой роли колесниц в среде этих этносов, свидетельствуют о существовании некогда единства или тесных культурных связей предков абхазов с протомеотами и каменноостцами Северного Кавказа.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Прикубанье, Кабардино-Пятигорье, предскифское время, протомеоты, каменноостско-березовская культура, колесничная упряжь, генихи, культ Диоскуров.

В памятниках протомеотской и каменноостско-березовской (западнокобанской) культуры предскифского времени находки комплектов бронзовой колесничной упряжи не редкость. Только на территории Кабардино-Балкарии известны несколько комплексов с колесничной упряжью VIII–VII вв. до н.э.

Первый комплект происходит из погребений, разрушенных строителями в 1968 г. на ул. А. Шогенцукова в городе Баксан¹. Второй комплекс (?) с колесничной упряжью найден в 1980 г. в разрушенной части древнего кургана близ селения Алтуд Прохладненского района². Еще два комплекта аналогичной упряжи недавно найдены кладоискателями и опубликованы коллегами в сборниках научных статей (рис. 2)³.

Еще больше находок колесничной упряжи VIII–VII вв. известно в памятниках соседнего Пятигорья и в несколько удаленном Прикубанье. В районах Кабардино-Пятигорья и Закубанья сосредоточено наибольшее количество находок наборов и деталей колесничной упряжи предскифского времени на юге Восточной Европы (рис. 1).

Находки комплектов и деталей колесничной упряжи рассматриваемого периода в Кабардино-Пятигорье связаны с грунтовыми погребениями по обряду ингумации и кремации, а также часто являются случайными находками, обычно интерпретируемыми как клады.

В Закубанье наряду со случайными находками и недостаточно документированными комплексами известны непосредственные остатки колесниц предскифского времени с упряжью аналогичной предметам из случайных поступлений и из района Кабардино-Пятигорья, где собственно колесничные упряжки пока не выявлены.

Остатки колесниц в Закубанье. Наиболее интересным в этом отношении памятником является протомеотский курганный могильник Уашхиту I. Могильник Уашхиту I находился в Адыгее, в долине реки Фарс, близ селения Кабехабль. Этот древний некрополь состоял из двух курганов (Уашхиту – на адыгейском – два кургана) – южного (№ 1) и северного (№ 2).

Курган № 1 был раскопан в 1988 г. Кавказской археологической экспедицией Государственного музея народов Востока. Под насыпью кургана высотой около 5 м, возведенной в предскифское время, было исследовано погребение вождя-колесничего начала VII в. до н.э. в большой могильной яме (13 x 7 м) с шатровым перекрытием из деревянных плах. На дне могилы расчищены остатки сильно разрушенного погребения и сопровождавшей его колесницы. На остовах четырех запряженных лошадей находились бронзовые двукольчатые удила, парные трехдырчатые псалии, орнаментированные и неорнаментированные бляхи, два браслетообразных кольца (рис. 3). Лошади в упряжке располагались попарно. Автор публикации материалов предполагает, «что такая укладка лошадей обусловлена припряжением к несохранившемуся реальному или (скорее всего) символическому центральному дышлу». Среди упряжи колесницы найдены специальные колесничные детали: кольца с подвижными муфтами и «трехпрорезные пронизи, служившие для прикрепления ярма к дышлу колесницы». Между ямок с колесами находилась ситула (ведро из листовой бронзы). Вторая ситула с крупной железной вилкой внутри располагалась на погребальной площадке. Ситулы, вероятно, могли использоваться в качестве небольшого котла для варки мяса⁴.

Курган № 2 (северный) могильника Уашхиту I высотой около 4 м был раскопан в 2005 г. совместной экспедицией Государственного музея народов Востока и Института археологии РАН. В центре насыпи кургана, сооруженной в эпоху бронзы, на небольшой глубине было расчищено разрушенное захоронение воина-колесничего (погребение № 9).

Погребение 9 было ограблено вероятнее всего вскоре после его совершения. Грабители очевидно знали, где находился погребенный воин и наиболее ценные вещи при нем. От усопшего сохранились только несколько фрагментов черепа и, возможно, – две фаланги пальцев.

Конструкцию могилы точно зафиксировать не удалось. Однако, несмотря на разрушение этого погребения, авторы публикации комплекса предполагают, что «оно было совершено в огромной яме, вырытой на вершине кургана, возможно, имевшей внутри деревянное сооружение ... размеры ямы должны быть не менее 7 м по линии З-В и 6 м по линии С-Ю. Перекрытие такой ямы, скорее всего, потребовало дополнительных подпорных столбов ...».

В захоронении выявлена упряжка, состоящая из четверки коней, уложенных попарно на животе с подогнутыми ногами, головой на юг. Специалисту удалось «определить двух из четырех особей как взрослых жеребцов». Принесенные в жертву лошади были взнузданы бронзовыми удилами и псалиями. Все эти уздечные наборы однотипны и представляют собой двукольчатые строгие удила с двухрядным рифлением в виде квадратиков и пару трехпетельчатых псалиев с лопастью. На упряжке найдены также шесть крупных бронзовых блях с соляренным

орнаментом и два браслетообразных кольца. Бляхи и кольца выявлены на костях внешних пристяжных лошадей колесницы. К северо-западу от костей лошадей в захоронении была расчищена ситула с зооморфными ручками. В ситуле были кости животного⁵.

По данным В.Р. Эрлиха, С.Б. Вальчака и В.Е. Маслова, кроме двух курганов могильника Уашхиту I колесницы были найдены: в кургане 46 могильника Клады⁶ и в кургане 2 могильника Хаджох⁷. Итак к 2009 году было известно четыре протомеотских колесничных упряжки⁸.

Авторы публикации кургана № 2 могильника Уашхиту I предполагают, что наборы колесничной упряжи внезапно и массово появляются в Восточной Европе в позднее предскифское время (не ранее конца VIII в. до н.э.). И однозначно связывают это событие с военными походами киммерийского времени в Закавказье. Полное прекращение производства колесничной упряжи аналогичной найденной в погребениях могильника Уашхиту I они относят ко времени не позднее второй половины VII в. до н.э.⁹

Таким образом, наиболее многочисленные находки колесничной упряжи предскифского времени в Кабардино-Пятигорье и Закубанье, а также их полное отсутствие на территории Северной Осетии и Северо-Восточного Кавказа подтверждают гипотезу, высказанную археологом Н.Л. Членовой о культурно-этническом единстве протомеотской и каменноостско-березовской культур. Этот вывод был подкреплен ранее единообразием комплекса вооружения и конской упряжи, а также распространением оленных камней и определенных топонимов в ареалах обеих культур¹⁰.

Степные находки колесничной упряжи VIII–VII вв. до н.э. свидетельствуют о торгово-обменных экспедициях к населению лесостепных районов Северного Причерноморья, Прикарпатских областей и т.д.

Хронологически более ранние аналогии северокавказским колесницам в Закавказье говорят в пользу кавказского, а не степного происхождения данного вида транспорта.

Интересная аналогия найдена в исторических сведениях о гениохах – древнем населении территории современной Абхазии и, возможно, более северных районов Кавказа. Происхождение названия народа гениохов (*hḡiúoχoi*) античными писателями и историками связывается с возникшими Крекасом и Амфистратом, управлявшими колесницей божественных близнецов Диоскуров – Кастора и Полидевка.

Эти сведения древних историков, возможно, говорят о существовавшем некогда единстве или тесных культурных связях населения нынешней Абхазии с протомеотами и каменноостцами Северного Кавказа и подтверждаются распространением и особой ролью колесниц в их среде.

Если принять эту точку зрения за основу, становится еще более понятным сам механизм возникновения греческого *hḡiúoχoi* – «колесничие, возницы». По-видимому, древнее название и самоназвание местных протоабхазо-адыгских племен, с основой «иганиехи», было заменено греками на созвучное имя *hḡiúoχoi* – «возничие». При этом акцент был сделан на происхождении этих племен от греческих поселенцев во главе с возникшими Диоскуров – Крекасом и Амфистратом, что хорошо ложилось на почву преданий о греческом происхождении ахейцев, гениохов и зихов. Кроме того, это отвечало духу героического времени, пиетету, с которым относились древние греки к дальним странствованиям и войнам, к силе, сноровке и мужеству мореходов и возникших, управлявших боевыми судами и колесницами¹¹.

Особого внимания заслуживает и тот факт, что отмеченное выше распространение колесниц в Кабардино-Пятигорье и Закубанье, происходило в киммерийскую эпоху (VIII до н.э.), в период, совпадающий с расцветом каменноостско-березовской (западнокобанской) культуры.

Видимо, с этим связано впечатляющее по своей эффективности и мощи использование киммерийцами боевых колесниц в ходе опустошительных походов в Малую Азию. Фактически именно киммерийцы, являясь группой протомеотских племен и носителей каменноостско-березовской культуры¹², создавали эти колесницы в районе Пятигорья и в Закубанье. Не случайно киммерийцев называли гимирами (gimir), включая их тем самым в число местных, кавказских народов, ведущих свое происхождение от Яфета и его сына Гомера¹³. Поэтому остается только добавить к сказанному, что потомки киммеро-меотских племен вошли в состав Черкесии под названием кІэмгуий – кемгуй или кемиргойцев, темиргойцев.

Мы видим, таким образом, что распространение колесниц у каменноостско-березовского (западнокобанского) и протомеотского населения подтверждает близкое родство этих этнических групп, соотносимых с киммерийцами – предками адыгов. Устанавливается, кроме того, вероятность тесных культурно-исторических и этнических связей протомеотских и меотских племен с протобахазо-адыгскими народами Юго-Восточного Причерноморья: апсилами, абасками, санигами, зихами, ахейцами, керкетами и др. Сохраняя за собой эти имена древние абхазо-адыгские племена были известны также под общим (собирательным) названием «гениохи», которое в языковом сознании древних греков ассоциировалось с возникшими боевыми колесницами¹⁴.

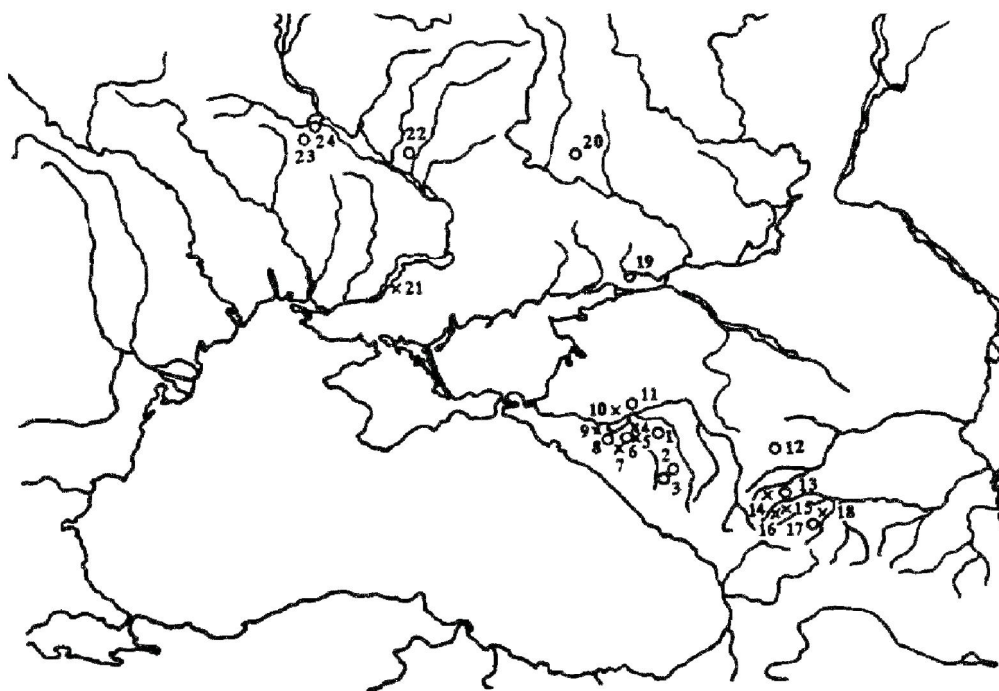

Рис. 1. Карта-схема находок комплектов и деталей колесничной упряжи предскифского времени на юге Восточной Европы (по В.Р. Эрлиху, 1994).

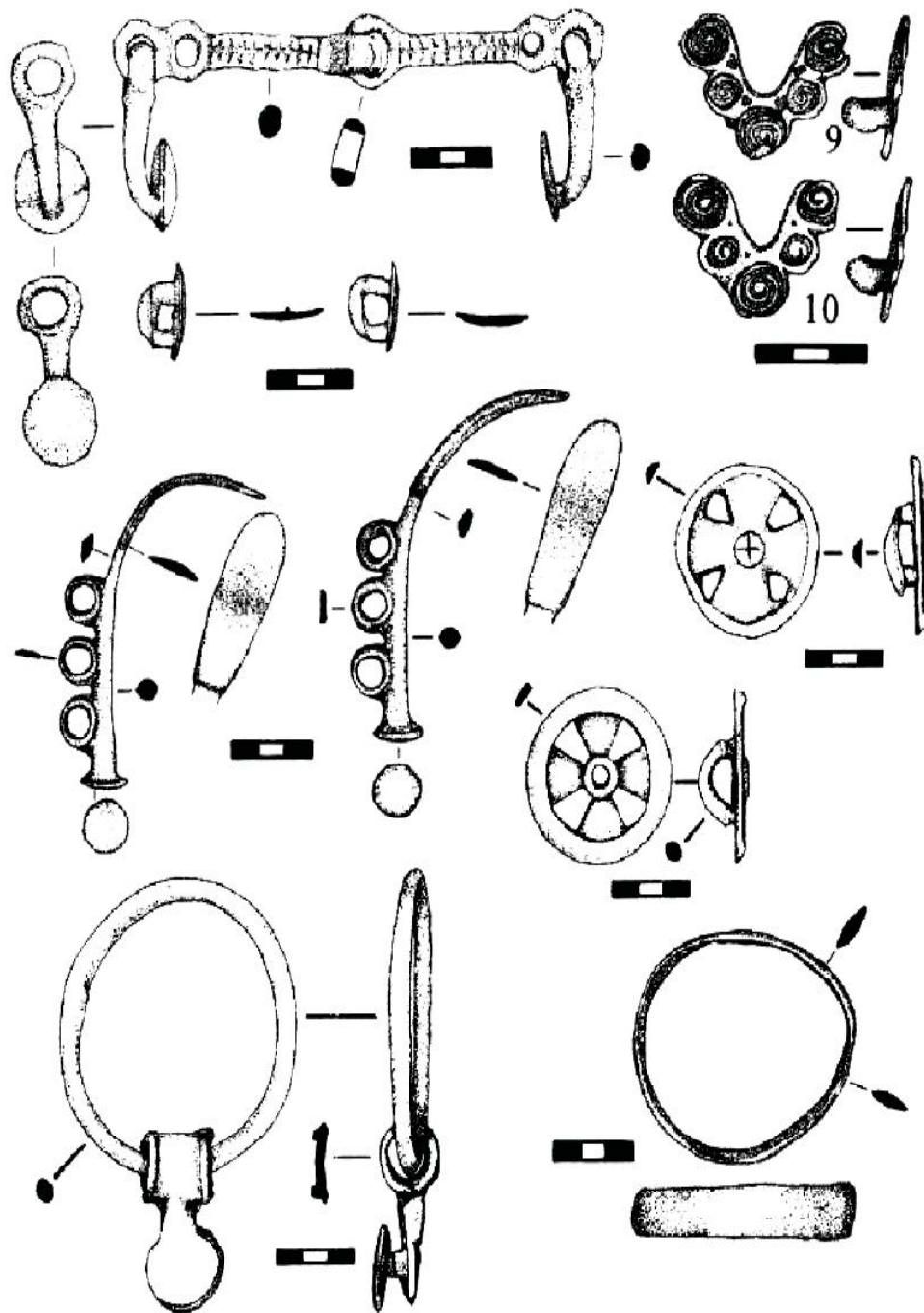

Рис. 2. Часть предметов комплекта колесничной упряжи из Кабардино-Балкарии (по С.Б. Вальчаку и В.В. Потапову, 2010).

Рис. 3. Фото части деталей бронзовой конской упряжи из погребения
вождя-колесничего в кургане I могильника Уашхиту I (по В.Р. Эрлиху, 2007).

Примечания

1. *Батчаев В.М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1985. № 2.
2. *Батчаев В.М.* Указ. соч.
3. *Вальчак С.Б., Потапов В.В.* Новая находка предметов упряжи предскифского времени в Кабардино-Балкарии // Древности Кубани. Краснодар, 2010. Вып. 22. С. 29–39; *Ильюков Л.С.* Колесничная упряжь предскифского времени из Кабардино-Балкарии // *Ταυαὶν δε ποταίων διαβάτη* (За рекой Танаисом): сборник памяти В.Е. Максименко. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2015. С. 197–202.
4. *Эрлих В.Р.* Об интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада // Российская археология. М.: Наука. 1994. № 2. С. 134–150; *Эрлих В.Р.* У истоков ранне-скифского комплекса. М., 1994.
5. *Эрлих В.Р., Вальчак С.Б., Маслов В.Е.* Протомеотские погребения из кургана 2 могильника Уашхиту I // Эпоха раннего железа. Киев–Полтава: Институт археологии НАН Украины), 2009. С. 394–417.
6. *Лесков А.М., Эрлих В.Р.* Могильник Фарс / Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М., 1999. С. 132, Рис. 40.
7. *Сазонов А.А.* Хаджохские курганы – некрополь древнемеотских вождей // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 2000. Вып. 3. С. 59. Рис. 3.
8. *Эрлих В.Р., Вальчак С.Б., Маслов В.Е.* Указ. соч.
9. Там же.
10. *Членова Н.Л.* Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск: Наука, 1984. С. 74–87.
11. *Бгажноков Б.Х.* К культурной истории майкопско-анатолийских племен (гениохи и Гениохия) // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик: Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, 2017. Вып. 7. С. 33–60.
12. *Членова Н.Л.* Указ. соч.; *Фоменко В.А.* Северо-Западный и Центральный Кавказ в древности и средневековье (вторая половина II тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.). Нальчик, 2015. С. 16.

13. Несколько иначе, но также с учетом традиций местной культуры, рассматривает вопрос о происхождении киммерийцев А.Б. Башмаков, считая, что, будучи пришлым населением они приняли язык и культуру местных черкесских племен. См.: *Baschmakoff A. Cinquante siecles devolution ethnique autour de la Mer Noir*. Paris, 1937. P. 140.

14. Бгажноков Б.Х. Указ. соч. С. 33, 54–55.

ABOUT THE CHARIOTS OF THE PRE-SCYTHIAN TIME OF THE POPULATION OF THE WESTERN AND CENTRAL CISCAUCASIA

Bgazhnokov Barasbi Khachimovich, Doctor of History, Head of the ancient history and archeology Sector of the Institute for the humanities research – Affiliated of The Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», kbigi@mail.ru

Fomenko Vladimir Aleksandrovich, Candidate of History, Assistant professor, Senior researcher of the ancient history and archeology Sector of The Institute for the humanities research – Affiliated of The Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», kbigi@mail.ru

The article briefly describes the finds of the chariot harness of the Pre-Scythian time in Kabardino-Pyatigoria and Kuban river area. The findings of the remains of the chariots themselves in the burial grounds of the Protomeotian nobility, research by the archaeologist V.R. Erlich at the burial ground of the Uashkhitu I burial ground in the Fars valley in the Republic of Adygea. On the territory of Kabardino-Balkaria and neighboring Pyatigorsk remnants of chariots in the graves of the VIII–VII centuries BC not yet discovered.

The frequency of finds of the chariot harness of the Pre-Scythian time in Kabardino-Pyatigorye and Zakubanie, as well as their complete absence in the territory of North Ossetia and the North-Eastern Caucasus, allowed the authors to support the hypothesis of N.L. Chlenova on the unity of the Protomeotian and Kamennomost-Berezovka cultures.

Perhaps information written sources about the ancient population in the territory of present-day Abkhazia (the origin of the Geniohi, the cult of Dioscuri), as well as archeology data on the distribution and the special role of chariots among these ethnic groups, indicate the existence of the once unity or close cultural ties of the ancestors of the Abkhaz with the Protomeotians and the Kamennomost-Berezovka population of the North Caucasus.

Keywords: North Caucasus, Kuban river area, Kabardino-Pyatigorie, Pre-Scythian time, Protomeotians, Kamennomost-Berezovka culture, chariot harness, Geniohi, cult of Dioscuri.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-15-21

О НЕКОТОРЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ КАМЕННОМОСТСКО-БЕРЕЗОВСКИМ ДРЕВНОСТЯМ

Фоменко Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», kbigi@mail.ru

Хоконова Лиана Артуровна, студентка 3 курса Социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, kbigi@mail.ru

В статье анализируются некоторые предметы VIII–VII вв. до н.э., относящиеся к каменномоостско-березовской (западнокобанской) культуре Центрального Предкавказья. Кратко говорится об этнографических соответствиях каменномоостско-березовским древностям (культы огня, божественного напитка, собак, покровителя домашнего скота, распространение колесниц и т.д.). Более детально рассмотрены находки бронзовых птичек, вероятно, являющихся символами божества Амыщ – покровителя скотоводства. Авторы приходят к выводу, что этнографические аналогии некоторым чертам каменномоостско-березовской культуры позволяют подтвердить высказанные ранее предположения о близком родстве каменномоостцев собственно кобанской культуре Центрального Кавказа, а также об этнической принадлежности населения Центрального Предкавказья в начале эпохи раннего железа.

Ключевые слова: Северный Кавказ, финальная бронза, ранний железный век, каменномоостско-березовская культура, этнографические соответствия.

Каменномоостско-березовская (западнокобанская) культура существовала в западных районах Центрального Предкавказья в VIII–VI вв. до н.э. Бытовые и погребальные памятники этой культуры неплохо изучены, а их материалы обобщены в нескольких сводах археологических источников¹. Исследователи, работавшие с каменномоостско-березовскими древностями, отмечали наличие определенных культов у племен, оставивших эти памятники².

Некоторые соответствия элементам каменномоостско-березовских верований можно найти в культурах огня³, божественного напитка⁴, собак⁵, покровителя домашнего скота, и возможно, в других составляющих древней религиозной системы адыгов⁶.

В данной работе мы рассмотрим некоторые проявления культа покровителя домашнего скота в предскифскую эпоху. Среди каменномоостско-березовских древностей VIII–VII вв. до н.э. встречаются небольшие бронзовые подвески в виде птичек. Фигурки стилизованы. Определить какие именно виды птиц изображены можно лишь условно и весьма приблизительно. Кроме того, у таких птичек могут быть уши зверей (рис. 2 – 1, 6, 7), рога баранов и других копытных (рис. 1). Вместо клюва мы часто видим изображение морды животного из семейства псовых (рис. 1, 2 – 1, 6, 7). Такие «превращения» скорее всего свидетельствуют о культовом назначении подвесок-птичек и мифическом характере прототипа изображения. Присоединение к птичкам рогов домашних животных и морд

псовых хищников говорит о том, что эти бронзовые фигурки связаны со скотоводческими культурами. Известно, что собака – первый помощник человека в управлении отарами и охране мелкого рогатого скота.

О связи бронзовой подвески в виде птички с культом божества скотоводов писал археолог-медиевист Г.Е. Афанасьев⁷. Предмет, о котором говорится в статье Геннадия Евгеньевича, относится к каменноостско-березовской (западнокобанской) культуре и датируется VIII–VII вв. до н.э., но был найден в раннесредневековом погребении. Вещи предскифского времени встречаются в погребениях I–VII вв. н.э. Обычно это бронзовые подвески или булавки. Скорее всего при устройстве раннесредневековых захоронений разрушались более ранние погребения. Таким образом предметы из могил VIII–VII вв. до н.э. могли попасть в захоронения I–VII вв. н.э.⁸

Г.Е. Афанасьев связал бронзовый амулет в виде стилизованной птичьей фигурки⁹ из раннесредневековой катакомбы с тотемами и отметил, сославшись на работу Л.И. Лаврова, что «скотоводческое божество Емыш было, по мнению адыгов, маленькой птичкой»¹⁰.

Отличное и более полное описание божества Емыш (по-кабардински – Амыш) приводит М.И. Мижаев. По данным Михаила Исмаиловича, Амыш – покровитель овцеводства, один из богов в мифологии адыгов. В фольклорных текстах он имеет антропоморфные черты. С культом Амыша были связаны некоторые праздники и молитвы, а также обычай при погребении помещать в могилу овцу в качестве заупокойного дара¹¹.

Находки бронзовых подвесок в виде птичек в каменноостско-березовских памятниках встречаются не повсеместно. Они в основном характерны для предгорных и горных районов западной части Центрального Кавказа, в частности для среднего течения и верховий реки Баксан.

По данным археолога В.[Х.]Т. Чшиева география распространения птицевидных подвесок предскифского времени свидетельствует о преимущественном распространении их на территории Центрального Кавказа¹², в ареале западнокобанской (каменноостско-березовской) культуры они распространены меньше, в западном Закавказье известны единичные экземпляры¹³.

Образы божественного покровителя скотоводства известны и у соседних с адыгами народов. Как отмечают исследователи, в некоторых предметах культовой пластики кобанской культуры нашла отражение идея крылатого барана (фарна), отразившаяся в дальнейшем в этнографических параллелях. В осетинской этнографической традиции образ барана фиксируется в культах плодородия и грозового божества¹⁴. По данным Х.Х. Малкондуева в карачаево-балкарском фольклоре нередко упоминаются покровители мелкого рогатого скота Аймуш и Маккуруш¹⁵.

Таким образом, приведенные выше этнографические соответствия некоторым чертам каменноостско-березовской культуры, и особенно находкам бронзовых птичек, вероятно являющихся символами божества Амыш – покровителя скотоводства, позволяют подтвердить высказанные ранее предположения о близком родстве каменноостцев змейско-рутхинской (собственно кобанской) культуре Центрального Кавказа, а также о западнокавказской (адыгской) этнической принадлежности населения Центрального Предкавказья в предскифское и раннескифское время¹⁶. Данное предположение возможно подтверждается существованием адыгского субстрата в дигорском и иронском диалектах осетинского языка¹⁷.

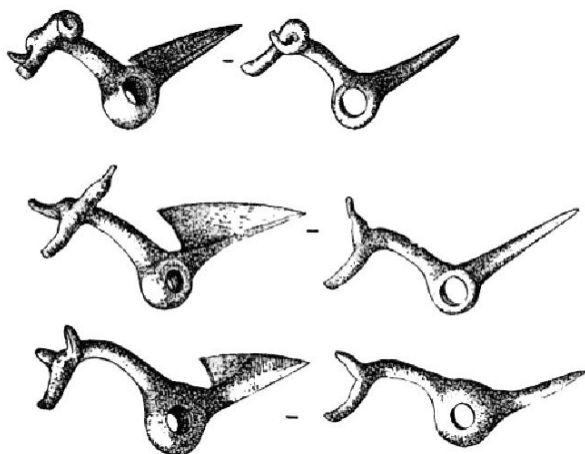

Рис. 1. Бронзовые подвески в виде птичек из погребения, разрушенного в 1952 г. близ Нальчика (по Е.И. Крупнову, 1960).

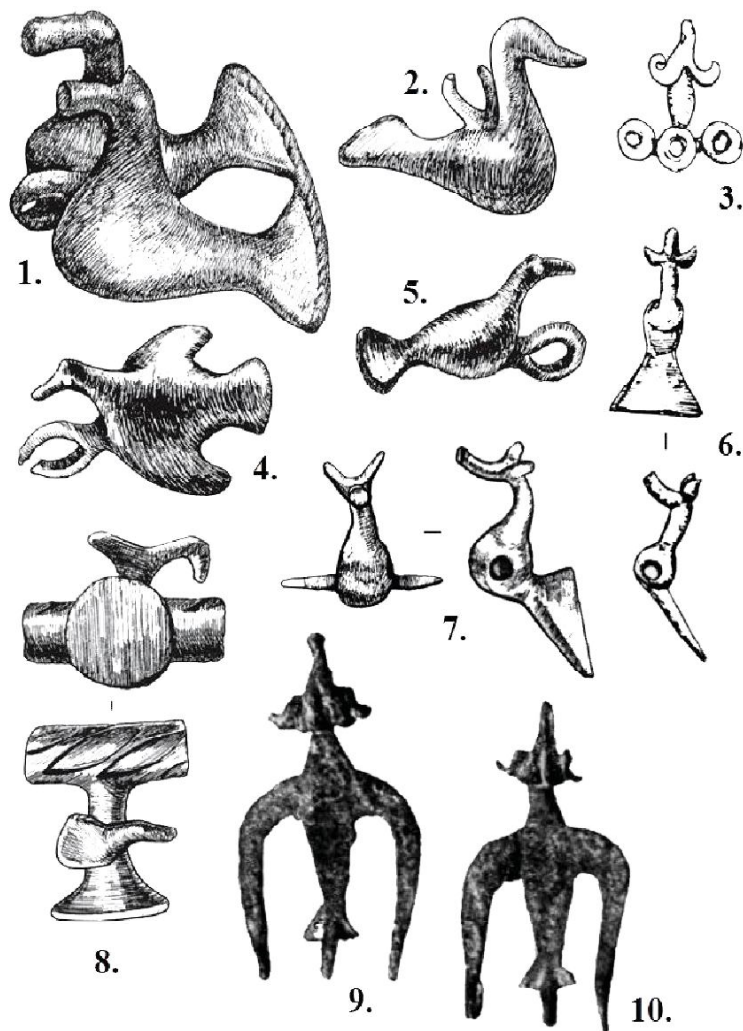

Рис. 2. Бронзовые подвески в виде птичек (по В.И. Козенковой, 2017).
1, 2, 4, 5, 8 – могильник у селения Терезе близ Кисловодска, 6 – Верхнебаксанский клад;
7 – могильник Индустрия близ Кисловодска, 3, 9, 10 – могильник Верхняя Рутха в горах Дигории.

Примечания

1. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант // Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1989. Вып. В 2–5; *Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематика и хронология). Западный вариант. Свод археологических источников. М., 1995. Вып. В 2–5; *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. Свод археологических источников. М., 1998. Вып. В 2–5.
2. *Круннов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; *Дударев С.Л.* О солярном культе у древнекобанских племен // Материалы конференции профессорско-преподавательского состава Чечено-Ингушского госуниверситета по итогам научно-исследовательской работы за 1974 г. Грозный, 1976. С. 60–62; *Дударев С.Л., Фоменко В.А.* Новые данные о связях Центрального Предкавказья с Поволжьем в эпоху раннего железа. Армавир, 1996; *Фоменко В.А.* Оружие и культы древнего населения Пятигорья VIII–V вв. до н.э. // Историческое регионоведение – вузу и школе. Славянск-на-Кубани, 1997. С. 9–11; *Чишев В.[Х.]Т.* К вопросу о семантике кобанских птицевидных привесок // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2005. Вып. № 5. С. 89–107; *Дударев С.Л., Белинский А.Б.* Некоторые черты культовой практики у населения Кавказских Минеральных Вод в раннем железном веке (по материалам погребальных костюмов могильника Клинь-яр III) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007. Ч. 2. С. 191–196; *Козенкова В.И.* Специфика духовного мира кобанских племен. М.: ИА РАН, 2017.
3. *Мафедзев С.Х.* Адыги. Обычаи, традиции. Адыгэ хабзэ. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 319–320; *Фоменко В.А.* Оружие и культы ... С. 9–11.
4. *Фоменко В.А.* Оружие и культы ... С. 9–11; *Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А., Цолоев Т.С., Кагазежев Б.С.* Махсыма в застольном этикете черкесов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия регионоведение. Майкоп, 2017. Вып. 4 (209). С. 43–52.
5. *Бгажноков Б.Х.* Культ собаки и семантема хьэ в языковом сознании черкесов // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2016. Вып. 1 (28). С. 7–21.
6. *Лавров Л.И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Труды Института этнографии АН СССР. М., 1959. Вып. 51; *Шортанов А.Т.* Адыгские культы. Нальчик, 1992; *Бгажноков Б.Х.* Древняя религиозная система адыгов // Исторический вестник. Нальчик: Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского Научного центра РАН, 2008. Вып. 6. С. 315–322; *Унежев К.Х., Бетрцова М.А.* Магия в ранних религиозных верованиях адыгов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2011. № 5 (43). С. 257–260; *Мижаев М.И., Паитова М.М.* Энциклопедия черкесской мифологии. Черкесск–Нальчик–Майкоп, 2012; *Бгажноков Б.Х.* О первобытном зоо- и плантоцентризме майкопских племен // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 9 (83). С. 31–34; *Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А.* О колесницах предскифского времени населения Западного и Центрального Предкавказья // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2018. Вып. 4 (в печати).
7. *Афанасьев Г.Е.* Дохристианские религиозные воззрения алан (по материалам амулетов могильника Мокрая Балка) // Советская этнография. М., 1976. № 1. С. 125–130.
8. См. напр.: *Абрамова М.П.* Нижне-Джугалатский могильник. Нальчик, 1972. Рис. 15, 39.
9. *Афанасьев Г.Е.* Дохристианские ... Рис. 1–4.
10. *Лавров Л.И.* Доисламские ... С. 205.
11. *Мижаев М.И.* Амыш // Мифы народов мира М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1. С. 73; *Мижаев М.И., Паитова М.М.* Энциклопедия черкесской мифологии. Черкесск–Нальчик–Майкоп, 2012. С. 74–78.
12. См. напр.: *Техов Б.В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.: Наука, 1977. С. 166. Рис. 112 – 1–12.
13. *Чишев В.(Х.)Т.* К вопросу об ареале находок бронзовых птицевидных привесок кобанской археологической культуры // Международный научный журнал «Символ науки». Уфа: ООО «Омега сайнс», 2016. № 8. Ч. 1. С. 59–61.
14. *Вольная Г.Н., Найфонов Ф.Т.* Образ барана в прикладном искусстве кобанской культуры и традиционной культуре населения Центрального Кавказа // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2016. Вып. 21 (60). С. 5–23.

15. Малкондугев Х.Х. Карачаево-балкарские народные сказки о животных. Мотивы об овце и козе (Аймуш и Маккуруш) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2015. Вып. 3 (26). С. 81–91.

16. Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984.

17. Балкаров Б.Х. Адыгские элементы в осетинском языке // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2015. Вып. 2 (25). С. 96–102.

ON SOME ETHNOGRAPHIC ANALOGIES TO KAMENNOMOST-BEREZOVKA ANTIQUITIES

Fomenko Vladimir Aleksandrovich, Candidate of History, assistant professor, senior researcher of the ancient history and archeology sector of The Institute for the humanities research – affiliate of The Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», kbigi@mail.ru

Hokonova Liana Arturovna, 3rd year student of the Social-Humanitarian Institute of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, kbigi@mail.ru

The article analyzes some items VIII–VII centuries. BC, relating to Kamennomost-Berezovka (Western Koban) culture of the Central Ciscaucasia. It says briefly about the ethnographic analogies of Kamennomosti-Berezovsky antiquities (cults of fire, divine drink, dogs, patron of livestock, the spread of chariots, etc.). The data of bronze birds, probably symbols of the deity Amyshch, the patron of cattle breeding, are considered in more detail. The authors come to the conclusion that the ethnographic analogies to some features of the Kamennomost-Berezovka culture allow us to confirm the earlier suggestion about the close relationship of the Kamennokostans to the Koban culture of the Central Caucasus, as well as about the ethnicity of the population of the Central Ciscaucasia at the beginning of the early Iron Age.

Keywords: North Caucasus, final bronze, early Iron Age, Kamennomost-Berezovka culture, ethnographic analogies.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-22-26

БИТВА НА ПЕРЕПРАВЕ ЖЫРЫШТЫ: КАБАРДИНО-КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ 1731 г. И ЕЕ ИТОГИ

Алов Тимур Хазраилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории отдела истории Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», aloborsa@mail.ru

Первая треть XVIII в. отмечена чередой масштабных кабардино-крымских кампаний. В центре внимания настоящей статьи оказывается одна из них – поход крымских войск 1731 г. в Кабарду и его итоги. В работе вскрываются предпосылки обусловившие такую инициативу Бахчисарая и влияние межимперских противоречий на ее цели и результаты. В фокусе исследования также оказываются внутри- и внешнеполитические усилия, предпринятые правителями ведущего черкесского княжества существенно повысившие его военную резистентность. Закономерно, пристальное внимание уделяется кульминации военной кампании – развернувшемуся в первой половине октября 1731 г. сражению на переправе Жырышты. В целях максимально объемной реконструкции его динамики анализируются численность, состав и другие особенности определявшие военную мощь противоборствующих сторон.

Ключевые слова: Жырышты, Черкесия, Кабарда, Крым, военная кампания, вторжение, сопротивление, оборона, конфронтация

В апреле 1729 г. консолидировавшаяся после ряда лет острейших внутривнутриполитических коллизий и внешнеполитических потрясений Большая Кабарда нанесла решительное поражение вторгшимся в княжество крымским войскам¹. Очередной разгром (с 1708, 1711 и 1721) значительных сил крымских войск и гибель двух султанов, поколебавшие репутацию Крымского ханства как мощной региональной державы, по-видимому, предопределили возобладавшую в Бахчисарае установку на реванш. И, действительно, в апреле следующего 1730 г. черкесским князьям стало известно «о намерении наступления на них крымского хана и кубанцов». Однако на этот раз правители Большой Кабарды демонстрировали беспокойство не из-за угрозы поражения от крымских войск. Опасение вызывали неизбежные, в случае вторжения экономические потери. Они заявляли, «что ежели оные придут и людей их и скот из гор на пашню не выпустят, то вся Кабарда может притти в разорение»². Симптоматично, что вероятность «разорения» увязывалась не с непосредственным контактом с крымским войском, а с последствиями нарушения традиционного алгоритма хозяйственной деятельности.

В этих обстоятельствах наиболее востребованной становится тактика, направленная не на отражение возможного натиска, а на его предотвращение. С этой целью в Дербент к начальствующему российскими войсками на Кавказе генерал-лейтенанту А.И. Румянцеву было послано письмо с просьбой прислать войска «на помощь». В отличие от начала 1720-х гг. теперь российский отряд из тысячи человек выступил в направлении к Кабарде весьма оперативно. Однако, как и прежде, войскам было приказано, «дабы он (*командующий российским отрядом Э. Бекович-Черкасский. – Т.А.*) без резону в Кабарду не вступал». Поэтому войска остановились «в гребенских городках при границах российских»³.

В случае вторжения крымских войск в Кабарду упомянутый отряд не вступил бы с ними в открытое противодействие, так как был направлен «для утверждения и куражу кабардинцам»⁴. К тому же, по признанию самого Румянцева, «... сею посланною командою наступления крымскаго удержать невозможно» было⁵. В любом случае следует отметить, что тогда ситуация развивалась по благоприятному сценарию, в 1730 г. крымские войска не предприняли похода в Кабарду. В наибольшей мере этому способствовали внутривосточные перипетии (в частности, свержение с престола султана Ахмеда III) в условиях затянувшейся войны Порты с Персией.

Только в следующем году очередная волна крымского нашествия стала приобретать зримые очертания. В конце марта 1731 г. комендант крепости Святого Креста генерал-майор Еропкин доводит до сведения своего начальства, что «получил он четверократное от кабардинских владельцев [Мисост] Ислам-бека, [Бекмурза] Кайсим-бека, [Хатокшоко] Магомет-бека, [Мисост] Кайса-бека, с товарищи письмо чрез присланных от них узденей... что кубанской Араслан гирей салтан Бахтыгиреев брат, собрав войско, стоит в урочище Бестеней, и после де Рамазан Байрама хочет к ним быть в Кабарду для отмщения крови брата своего означенного Бахтыгирея коего те кабардинцы в минувших годах при наступлении ж на Кабарду убили и просят для того в помощь войска»⁶. Спустя несколько дней, «апреля 1-го дня кабардинской владелец Татархан бек приезжал в крепость святого Креста и неотступно просил о защищении Кабарды»⁷. По его отбытии, следом явились его братья Батоко и Эльмурза, которые также «неотступно у него, генерал-маеора, просили о посылке людей и две пушки хотя де для одного эха представляя, что вышереченный кубанский Араслан Гирей салтан конечно к Кабарде надближается...». Как отмечается в источнике, «...противу чего уже он Еропкин не мог отговориться, чтоб их безнадежных не оставить командировал от полков драгун 200 при одном подполковнике нерегулярных терских казаков, окочень новокрещенных 180 человек, да гребенских казаков 250 и при том с людьми своими оные ж Бековичи и те команды поручены рязанского драгунского полку подполковнику князю Волконскому и отправилась де оная команда противу реченного ее императорского величества высокого указа до Гребенских городков апреля 9-го дня...»⁸. О том, что опасения черкесских князей были не напрасны, Еропкин мог удостовериться на следующий день. Согласно его словам, 10 апреля «...от вышереченного кубанского Араслан Гирея салтана прислан к нему нагайский старшина Алабаша Каплей чрез кого и письмо от него Араслан Гирея салтан коим и сам он салтан объявляет, что с войском идет на Кабарду для отмщения крови брата своего вышеупомянутого Бахтыгирея, при том же представляет, чтоб нам за кабардинцов не вступаться»⁹.

Спустя некоторое время марциальный тон султана существенно смягчился. В донесении Еропкина в Коллегию иностранных дел от 11 июля сообщалось, что Аслан-Гирей «сам объявил, что он с войском пришел к Кабарде не для войны, но привел его бывшей кабардинской владелец Араслан-бек»¹⁰. Сам факт столь затяжной переписки и неустойчивость обозначаемой в ней позиции относительно ключевого предмета переговоров наводят на мысль о неуверенности и неготовности стоявших на рубежах княжества сил приступить к решительным действиям. Если инспирируемую предводителями появившегося в Бесленее контингента крымских войск активность (воспринятая изначально весьма серьезно в Кабарде) уместно было рассматривать как целенаправленное прощупывание возможных линий раскола внутри правящей элиты и эффективности ее внешнеполитических связей, то к третьему месяцу «стояния» (когда объявленные сроки вторжения после «Рамазан Байрама»¹¹ давно истекли), эффекты его воздействия были уже столь очевидны.

Как бы то ни было к концу лета 1731 г. огромное (даже по представлениям российского руководства) войско Крымского ханства двинулось на Кабарду. На

этот раз оно выступило с другого направления. Для более полного отражения характера и масштабов спланированной против Кабарды военной кампании приведем пространную выдержку из указа Коллегии иностранных дел коменданту крепости Св. Креста Д.Ф. Еропкину от 19 сентября 1731 г. В частности, там говорилось, что «...получена здесь с Украины от командующаго тамо обретающимися великороссийскими регулярными войски генерала фон Вейсбаха, и от малороссийского гетмана Данила Апостола ведомость, что крымской хан с Крымскою, Белгородскою и Ногайскою ордами во многом числе войск собрались; и к тому же из Сечи велено быть нескольким запорожцам; (согласно сведениям С.М. Соловьева из донесения Вейсбаха от 25 августа присланного из Полтавы в Москву следовало, что крымский правитель уже с «запорожцами из Сечи стоит, готовый к походу...»¹²) и якобы намерены итти на черкес к Кабарде. А ныне в подтверждение того получено доношение от упомянутого ж генерала фон Вейсбаха, что же крымские, нагайские да к тому ж и буджацкие орды не токмо действительно в собрании, но уже и чрез Днепр переправившись пошли прямо к Азову, о отуду в Кубань, и соединясь с кубанцами будут на черкес итти, а хан крымской сам остался в Крыму»¹³.

Примечательно, что Каплан-Гирей, в третий раз возведенный на ханский престол в 1730 г., воздержался от командования направленными в Черкессию войсками. Возможно, свою роль сыграли жестокий разгром предводительствуемых им войск в 1708 г. на Канжальском плато и поражение крымцев двухгодичной давности. Численность выступивших против Кабарды сил, по оценке Коллегии иностранных дел (которая формировалась на основе разведанных и сведений, получаемых от пограничных властей), была «едва не в двухстах тысячах»¹⁴. Можно полагать, что артикулирование отсутствия хана среди выступивших войск было вызвано не только необычностью уклонения инициатора похода от участия в нем. Думается, имело значение акцентирование диссонанса между масштабом предприятия, которое в полной мере соответствовало статусу большого похода (сефери) и неучастием хана в нем. По меньшей мере для российских командиров на местах адекватная информация о масштабах потенциальной угрозы носила актуальный характер.

Значительность крымских войск настолько впечатлила Коллегию, что она считала поражение черкесов предрешенным и заранее, до начала военных действий, направила пограничным властям на Кавказе инструкцию, в которой говорилось: «Тако ж ежели из оных владельцев кабардинских, ради сильного на них наступления, кто похочет ретироватца х крепости святаго Креста, то можешь их принять (*здесь адресатом был комендант упомянутой крепости генерал Д.Ф. Еропкин. – Т.А.*)»¹⁵.

Действительно, в источниках вряд ли можно найти пример более масштабного наступления Крымского ханства на Кабарду. Однако, как это ни парадоксально, именно к этому вторжению крымских войск Большая Кабарда была готова лучше, чем к любому из предшествующих. Так, в конце августа 1731 г. правители княжества во главе с Мисост Исламом заявляли в письме к Анне Ионанновне по этому поводу: «...ежели на нас неприятельское войско нападение учинит противиться мы... против них готовы»¹⁶.

Такое уверенное заявление князей Большой Кабарды не стоит рассматривать исключительно в качестве риторического жеста, вызванного прагматическими соображениями демонстрации своей политической и военной дееспособности адресату послания. Черкесы писали его практически в дни начала выступления крымских войск и они, думается, не случайно обратились к описанию сюжета, посвященного полученному Каплан-Гиреем афронту двадцатилетней давности. Тем самым утверждалась решимость отстоять свою независимость в тех конкретных обстоятельствах, сложившихся при возвращении на ханский престол весьма «неравнодушного» к Кабарде отпрыска династии Гиреев. Княжество, действительно,

подготовило внутри- и внешнеполитические предпосылки для эффективного противодействия агрессии. Во-первых, Большая Кабарда в это время представляла образец консолидированного общества – и это было главным внутривнутриполитическим условием, позволявшим следовать курсом жесткой конфронтации невзирая на возобновлявшуюся угрозу с запада. Во-вторых, примерно в конце 1730-го – начале 1731 г. в Кабарду единовременно переселилось 2000 ногайских семей, способных выставить семитысячную конницу. Эта акция, по-видимому, стала возможной в связи со смещением хана Менгли-Гирея после сентябрьского (1730) переворота в Стамбуле. Нам неизвестны конкретные противоречия между новым ханом и сыновьями правившего в первой половине 20-х гг. в Крыму Саадат-Гирея. Однако определенно можно говорить о том, что пщышхуэ Мисост Ислам, приходившийся старшему из них – Салих-Гирею тестем (к тому же, в свое время, именно у клана Мисост малолетний султан находился на воспитании), предоставляя покровительство и убежище ему и его брату Шахим-Гирею вместе с двумя тысячами подвластных ногайских семей, поступил весьма прагматично. Примечательно, что черкесские князья во главе с Мисост Исламом позиционировали себя как инициаторы этого переселения и сам переход сопровождался вторжением на территорию находившуюся под крымской юрисдикцией («они (черкесские князья. – Т.А.) Салигирей салтана к себе призвали и с ним в Кубань в Малой Нагай ездили и нагайцов с собою привели»)¹⁷. В известном смысле уместно говорить о том, что не только крымские ханы умело пользовались своими родственными связями с черкесскими князьями для вмешательства во внутренние дела Кабарды, но и последние при случае готовы были задействовать эту обоюдоострую опцию.

В-третьих, Большая Кабарда добилась прямой военной поддержки со стороны князей «Малой Кабарды». Она была особенно важна, если учесть, что до этого Талостанеевское и Глехстанеевское княжества не просто не помогали Большой Кабарде в отражении крымских нападений, так как «они их (крымцев. – Т.А.) боялись», но «...во время у Большой Кабарды с крымцами баталий давали им, крымцам, из Малой Кабарды поневоле провиант»¹⁸. Однозначная же поддержка Большой Кабарды была во многом следствием ее усиления за счет внутренней мобилизации.

Дополнительным стимулом, побудившим правителей Талостанея (и, возможно, Глехстанея) к тесному союзу с потомками Пшеапшоко Кази, выступало то обстоятельство, что крымские военачальники, надеясь на свое подавляющее численное преимущество над восточными черкесами, еще до выступления в поход «разглашали» свои военные планы, видимо, пытаясь психологически парализовать противника¹⁹. По «разглашениям» крымских татар, объектом их удара должна была стать именно «Малая Кабарда»²⁰.

К указанному перечню благоприятных политических факторов можно добавить и то, что черкесские князья объективно могли рассчитывать на недовольство Петербурга военной инициативой Бахчисарая в регионе. А это гарантировало ту или иную степень дипломатического давления на Порту.

Итак, к исходу сентября 1731 г. крымские войска появились уже на территории Кабарды. Заинтересованные в исходе коллизии акторы оперативно определили их численность. По сообщением генерал-майора Еропкина, «в первых числах прошедшаго Октября месяца Крымский Султан Арби Бетигенеи (Арбибеты-Гирей. – Т.А.) и Губанский Султан Анаслам Гиней (Аслан-Гирей. – Т.А.) с Крымским, Губанским, Нагайским и другим в 7000 человеках состоящим войском к Кабардеи приблизился, и следующие требования учинил. 1) Чтоб Кабардинцы некоторое число ушедших к ним в прошедшем 1730 году из Губани так имянуемых Нагайцов выдали. 2) Дабы Кабардинцам отмщение учинить за убийство пред несколькими годами при неприятельском нападении обоих родных братеи помянутаго Султана Бетигенеа а имянно Дели Султана и Имрата Кинеа (Имурат-Гирей. – Т.А.), которые из фамилии Крымскаго Хана были... 3) Пред некоторым временем ушел

один из знатнейших Кабардинских Князей Раслан Гирей (Кайтуко Асланбек. – Т.А.) имянуемый, как он с тамошними знатнейшими обывателями в ссору вступил, в Губань, и обретался при Губанском Султানে Араслане Гирее, а несколько из его урядников и служителей обретаются еще в Кабардеи, которых сеи Султан оттуда с собою взять намерен...»²¹. Позднее, черкесские князья вспоминали, что с появлением вражеских войск они заблаговременно «со всеми скоты... в горы убрались»²².

Подготовленное к обороне княжество не склонно было удовлетворить требования крымцев. В этой связи Арбибеты-Гирей и Аслан-Гирей султаны «восприяли свой путь к Кабардеи далее и учинили Кабардинцам сожжением полевых плодов и сена и взятием многих людей в полон не мало вреда»²³. Участники кампании признавали, что «тогда оные крымские татары весь хлеб наш в полях выжгли и потратили»²⁴. К исходу первой декады октября Еропкин уже получил информацию о начале военных действий. Однако теперь о ситуации он отзывался как «...о приходе х Кабарде **многова числа орд, которыя пришед начали владельцам кабардинским чинить разорение, и хлеб и сено, что захватить могли, в поле сожгли, и не малое чинят утеснение и неприятельски поступают...**» (выделено нами. – Т.А.)²⁵. Очевидна резкая смена оценки численности оперировавших в Кабарде вражеских войск. Если в момент выставления претензий к черкесским князьям речь шла о 7000-м контингенте, то приступившие к активным действиям крымские силы аттестуются как «многова числа орды».

Как ни странно, эта одна из наиболее драматичных ситуаций в истории Кабарды освещена в историографии весьма поверхностно и не адекватно значимости происходивших событий. Более того, при знакомстве с исторической литературой возникает впечатление целенаправленного игнорирования вопросов, связанных с кабардино-крымской военной кампанией 1731 г. В качестве пионеров подобной историографической традиции можно признать дореволюционных российских авторов. В частности, можно указать на работы С.М. Соловьева. Еще в советский период отмечалось, что он «обычно не затрагивает вопросов истории нерусских народов, входивших в состав Российской империи, в чем проявилось его великодержавное отношение к истории других народов»²⁶. Данный тезис находит свое подтверждение в авторском небрежении сюжетом, связанным с военной кампанией 1731 г. в Кабарде. Вернее, классик российской историографии касается его и даже приводит живописание его впечатляющей завязки (донесение начальника российскими войсками в Украине генерал-аншефа Вейсбаха о начале небывало масштабного крымского похода в Кабарду), но далее вместо логически связанного повествования о его ходе и итогах перед читателем разворачивается содержание корреспонденции российского резидента в Стамбуле о дипломатических перипетиях с Портой²⁷. При всей важности выяснения динамики межимперских диспозиций относительно отражавшей внешнюю агрессию Кабарды, очевидно, что с точки зрения выявления конкретных обстоятельств крымского вторжения на территорию ведущего черкесского княжества исследовательский приоритет правомерно было бы обратить именно на событийную канву развернувшейся военной кампании.

Характерно, что поверхностный подход к затрагиваемому здесь вопросу присущ и авторам, специализировавшимся по кавказской истории. Так, современник Соловьева П.Г. Бутков касается татарского вторжения в Кабарду 1731 г. постфактум, в связи с проходом крымского корпуса Фети (Фатих)-Гирея в Дагестан двумя годами позже. Он пишет: «В сих обстоятельствах Кашкатовцы желая преодолеть Баксанцов предались крымскому хану и 1731 и 1732 года приводили войски его на них, которыя от Баксанцов с удачею несколько раз были отражаемы»²⁸. Для начала отметим, что крымского вторжения в Кабарду в 1732 г. не было («а сего лета на Кабарду никакого наступления татар крымских и кубанских не было, да и быть того не чаемо»)²⁹. Очевидно, что и сведение столь нетривиальной по масштабам и характеру коллизии к «баксанско»-«кашкатауским» противоречиям

также мало соотносится с многообразием факторов и обстоятельств события. К тому же «Кашкатовцев» как политических антагонистов «баксанцов» в это время не существовало. К рассматриваемому времени уже седьмой год княжеский клан Бекмурза находился в тесном союзе с «баксанцами». В распоряжении этой коалиции находились и ресурсы удела Кайтуко, князя которых покинули пределы Кабарды. В последней же воцарилась весьма устойчивая ситуация консолидированности политической элиты.

В известном смысле традиции, заложенные в дореволюционной историографии, были продолжены и в советский период. Так, в «Истории Кабардино-Балкарской АССР...» (1967) рассматриваемому здесь вопросу посвящено всего два предложения. Смысл их заключается в том, что по требованию русского резидента в Стамбуле И.И. Неплюева, извещенного о приготовлениях Крыма к войне с Кабардой, Порты обещала «удержать крымского хана от военного нападения на кабардинские земли»³⁰. О самих событиях в Кабарде там нет ни слова.

Из академического издания «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века» (1988) мы можем узнать, что в 1731 г. в Кабарде все-таки проходили боевые действия. Однако, по существу, здесь наблюдается перекочевка упомянутого тезиса об энергичном дипломатическом воздействии России на Стамбул, в результате которого «султан приказал крымскому хану срочно отвести войска от границ Кабарды»³¹. Такое изложение подводит читателя к мысли о том, что решающую роль в сохранении независимости Кабарды тогда сыграла Россия.

Понимания сложившейся в 1731 г. обстановки в Кабарде и со стороны имевшей большие возможности для ее объективного изучения Е.Дж. Налоевой также недостаточно. К тезису об эффективном дипломатическом давлении России на Порту, устранившем военную угрозу Кабарде, она добавляет и фактор военной поддержки со стороны Петербурга, который «ввел русские войска в Кабарду»³² что, как подразумевается, принудил крымцев к отступлению.

В трудах В.Б. Вилинбахова рассматриваемый здесь вопрос отражен в подобном ключе и в полном соответствии со сценарием развития событий, который был в свое время представлен комендантом крепости Св. Креста Д.Ф. Еропкиным в Коллегию иностранных дел³³. Думается, что простое копирование версии заинтересованного лица без сопоставления с другими фактами и контекстом общей ситуации, сложившейся тогда вокруг Кабарды, не могло внести ясность в исследуемый вопрос.

К сожалению, в работах последних лет, которые, казалось бы, должны были прояснить вопрос, мы наблюдаем продолжение традиций фактического игнорирования данного сюжета и сплошного копирования стереотипов поверхностно отражающих, а зачастую искажающих суть происходивших тогда процессов. Данная характеристика в полной мере относится к работам К.Ф. Дзамихова и Б.К. Мальбахова. В них сквозит убеждение в том, что Кабарда не была покорена Крымом в 1731 г. в основном благодаря Петербургу, который решил «взять кабардинцев под защиту России»³⁴ и отправил войска для обороны Кабарды³⁵. «Эта позиция оказала огромное влияние на Турцию, и крымские войска были отозваны из Кабарды», – резюмирует свое видение ситуации К.Ф. Дзамихов³⁶.

В свете вышеизложенного весьма важным представляется выяснение реального отношения российского руководства к кабардино-крымскому противостоянию 1731 г., а также степени и форм влияния его политики (через своих военных начальников в регионе) на развитие событий.

19-го сентября 1731 г. Коллегия иностранных дел России (после, по-меньшей мере, трехкратного подтверждения выступления крымских войска на Кабарду) направила инструкции коменданту крепости Св. Креста Д.Ф. Еропкину. Согласно этому документу объектом крымской агрессии должна была стать «Малая Кабарда». Соответственно предполагавшиеся действия российского командования также

относились к ней. Однако наставления дипломатического ведомства военному командованию на юге сложно квалифицировать как проявление решительной поддержки «Малой Кабарды». «А х кабардинцам, ежели такой татарской поход совершенно воспоследует, можешь ты послать от себя со утверждением, чтоб они крепко держались и оборонялись, обещая им, что не токмо от себя к ним некоторое число войска ты в помощь пришьлешь, но и сам с войском к границам пойдешь, дабы ради лутчаго защищения в близости быть, и можешь ты им такожде, естли им нужда в том есть, несколькими числом пороху и свинцу, и двумя или тремя пушками вспомоши»³⁷. Нетрудно заметить, что в этих предначертаниях, готовности к полноценной масштабной поддержке не проглядывалось, если не считать таковой обещание символической поддержки в виде двух-трех пушек. Поэтому, по сути главным пунктом помощи в намечавшейся кампании российское внешнеполитическое ведомство обозначило разрешение принять «ретирующихся» от крымского наступления черкесских князей в крепости Св. Креста³⁸. Это и показывает на сколь действенную помощь была готова Россия в поддержке Кабарды.

В любом случае этот указ дошел до адресата (согласно рапорту Еропкина) лишь 23 октября, поэтому никакого практического значения он не имел. Генерал Еропкин же, известившись о начале боевых действий в Кабарде, в соответствии с прежними инструкциями и образом действий, решил направить команду войск лишь до ее восточных границ, «в обретающиеся под Российским владением Гребенские Казацкие городы»³⁹.

Собственно, ровно это и требовалось в указе от 19 сентября, но получив уведомление об опустошительном крымском вторжении в Кабарду, и, по-видимому, предполагая свои наихудшие ожидания свершившимися Коллегия отправляет на Кавказ новый указ. В нем под видом подтверждения сентябрьского документа артикулируется совершенно иная интонация и расстановка акцентов. Оповещая о том, что в Коллегии получили доклад от 9 октября в котором сообщалось о направлении российских сил лишь до «Гребенских городков» т.е. до границы авторы указа как бы реагируя на такое решение ставили на вид своему адресату следующее: «А тебе в вышеупомянутом отправленном указе велено прямо в Кабарду команду послать...»⁴⁰. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Коллегия в данном случае скромно «опустила» допущенную ей ошибку адресации в определении объекта помощи («Малая Кабарда»). Примечательно также, что робко обозначенные в сентябрьском документе обтекаемые положения о готовности лишь «обещать» помощь ведомство переинтерпретировало в однозначную директиву «и по всякой возможности их, кабардинских владельцев, защищать и до разорения не допускать»⁴¹. В этой логике воспринимается и «напоминание» «и по их требованию порохом, свинцом и пушками их снабдить»⁴². Имея ввиду, что в сентябре была обозначена возможность «вспомощи» всего лишь «двумя или тремя пушками» (в то время как черкесский посол указывал на необходимость 20 пушек для эффективной обороны⁴³) просматривается явная тенденциозность и этого пассажа. Подобный отзыв на ситуацию наводит на мысль о стремлении руководства Коллегии (посчитавшей положение в Кабарде критическим) отвести от себя возможные укоры в своей адрес со стороны верховной власти.

По-видимому, этим же озаботился, и российский военачальник отвечавший за «кабардинское» направление. Еропкину в складывавшейся ситуации не оставалось ничего иного, как представить свои действия не просто оправданными, но и чрезвычайно продуктивными. Для этого он не останавливался и перед явными измышлениями. Так, в третьей декаде октября 1731 г. он сообщал в Коллегию, что кабардинский посол князь Мисост Магомет прибыл к нему лишь после «баталии» с крымскими войсками⁴⁴. Однако сам посол неоднократно и перед разными конфиденатами артикулировал, что во время военных действий в Кабарде он находился «у Сулака», т.е. в крепости Св. Крест («токмо в бытность ево, владельца, нынешней осени в Сулак, когда приходило на Большую Кабарду крымское

войско» – 21 февраля 1732 г.⁴⁵; «осенью приходили те войски крымские и кубанские на Большую Кабарду, а ево, владельца, тогда в Кабарде не было» 7 марта 1732 г.⁴⁶). В пользу правдивости слов Мисост Магомета говорит и то, что в листе кабардинских князей, который он вез в Петербург, не отражены результаты событий, последовавших после 22 августа, когда он был составлен.

Другой примечательной особенностью действий генерала Еропкина в этот период было подозрительно небрежное исполнение им своих обязанностей именно тогда, когда Кабарда острее всего нуждалась в военной поддержке. Данное обстоятельство не ускользнуло от внимания внешнеполитического ведомства, которое с нескрываемым раздражением ставило Еропкину на вид: «Доношение твое, отправленное ис крепости Святого Креста от 9-го октября, получено здесь 11-го сего ноября, которое удивительно что так долго в пути медлилось, надлежало было, яко нужнейшему, с норочным от тебя отправлену быть. Еще же удивительно, что ты еще отправленного указу от 19-го сентября ис Коллегии иностранных дел по отпуск того твоего доношения не получил...» (курсив наш. – Т.А.)⁴⁷.

В свете представленных фактов смысл действий (вернее бездействия) генерала Еропкина начинает укладываться в определенную логику. А именно, скрывая как появление посла Мисост Магомета на Сулаке (который прибыл в частности и с просьбой, чтобы «нам вспоможение чинено было. И для обороны нашей от неприятелей наших пожаловать нас 20-ю пушками...») до начала военных действий, так и манкируя обязанностями по осуществлению оперативной связи с центром, пограничный начальник получал возможность уклониться от участия в боевых действиях (что у него и получилось). Видимо, перспектива столкновения с «двухсоттысячной» татарской армией не очень радовала его. (Небезупречное поведение генерала в боевой обстановке косвенно подкрепляет данные соображения⁴⁸).

Однако, «расторопность» в нем обнаружилась вместе с исчезновением татарской угрозы. Российский военачальник оперативно сориентировался в новой ситуации и не преминул приписать своим действиям ключевое значение во всей осенней военной кампании. Соответствующим образом оформив «свой» взгляд на прошедшие события Еропкин 20 октября отправляет «доношение» в Коллегию.

Ознакомившаяся с ним Коллегия в условиях актуальности совсем уже иных задач комплементарно воспринимает транслируемую на нее версию: крымцы «намерены были на Кабарду наступление чинить, но услыша об отправленной от тебя (Еропкина. – Т.А.) команде в Гребенские городки, устращась оной, восприяли рейтираду на которых кабардинцы, при переправе через реку Терек, учинили нападение и тех салтанов с войском розбили...»⁴⁹. Если до известий о черкесских успехах Еропкину пеняли в том, что ему было «велено прямо в Кабарду команду послать», то теперь выражалось одобрение («Вышеписанной твой поступок в посылке команды до Гребенских городков на защищение кабардинцов апробуетца»)⁵⁰.

Изобретенное Еропкиным алиби оказалось релевантным устремлениям внешнеполитического ведомства даже на среднесрочную перспективу. Так, в протоколе ответов Коллегии иностранных дел черкесским князьям в июле следующего 1732 г. за подписью руководителей имперского внешнеполитического ведомства – Г.И. Головкина и А.И. Остермана, декларировалась не коррелирующая с действительным ходом событий идея о мощной помощи России в ходе прошедшей военной кампании с Крымом. Там говорилось: «И в потребном случае повелено к ним в Кабарду на оборону и войска, и пушки от крепости Святого Креста посылать, как то прошедшаго году помянутой ген.-майор Еропкин, вовремя приходу х Кабарде крымских и кубанских войск, действительно и чинил, а имянно: получа ведомость о приближении оных х Кабарде, немедленно сперва часть войска к Кабарде отправил, а потом и сам з знатным корпусом туда ж движение учинил, о чем уведав крымцы и кубанцы, убоясь оных, тотчас от Кабарды назад пошли. И тогда они, кабардинцы, случай возимели на тех своих неприятелей при переправе чрез реку Терек нападение учинить, и победу над ними одержали. И могут они,

кабардинцы, сами признать, что ежели б российские войска на оборону к ним не отправились, то б крымцы и кубанцы не токмо от них бы не отошли, но и нападение б на самую Кабарду учинили»⁵¹. Разумеется, в глазах адресатов письма в Черкесии подобные выверты не выглядели сколько-нибудь убедительными. Авторы послания и не рассчитывали на подобный эффект; скорее имелось некоторое опасение на счет возможного антиэффекта от столь вольной интерпретации фактов. Однако по-видимому предполагалось что обещание «обороны, войск и пушек» должны были сделать свое дело, и черкесы воздержатся от рьяного опровержения петербургской мистификации. Но для демонстрации подобной роли на европейской арене, особенно перед Портой резоны были вполне очевидные.

Теперь уместно выяснить насколько картина событий, сконструированная в недрах российского внешнеполитического ведомства согласуется с черкесским взглядом на ситуацию. Для этого имеет смысл вспомнить содержание вышеупомянутого «листа» правителей Кабарды адресованного российской императрице накануне крымского вторжения (22 августа 1731 г.). В нем в частности указывалось: «И того ради мы ко обретающемуся в Сулаке генералу человека своего с... прошением отправляли, объявляя ему, что неприятельское войско на владение наше нападает. Однако ж нам от того генерала никакой помощи не показано»⁵². Обращает внимание, что текст с подобным утверждением без всяких корректировок был доставлен в российскую столицу невзирая на последовавшие спустя месяц после его написания турбуленции. (Посол Мисост Магомет фигурирует в качестве одного из авторов этого письма). В феврале 1732 г. посол Кабарды в России князь Мисост Магомет на аудиенции у вице-канцлера А.И. Остермана заявлял, «что когда приходят на них крымские войска, и тогда они посылают в Сулак к обретающемуся тамо генералу, с требованием, дабы оной прислал к ним на помощь войска. И хотя он, генерал, и присылает однако ж они ни в чем им вспоможения не чинят»⁵³. Тем самым посол Большой Кабарды устно подтвердил главе внешнеполитического ведомства России изначальную (сформулированную до старта военной кампании 1731 г.) позицию относительно тактики устойчивого бездействия которой придерживалось имперское командование в регионе. Подобная фактология определенно говорит о том, что российские войска не оказывали активной военной помощи Кабарде ни в период крымского вторжения осенью 1731 г., ни в ходе предыдущих кампаний. Таким образом, позиции кабардинской и российской сторон относительно рассматриваемого вопроса были диаметрально противоположными.

Они оказываются взаимоисключающими относительно и других эпизодов коллизии. При этом степень логичности двух «нарративов» заметно разнится. Так, петербургский тезис о направленной «команде в Гребенские городки», «устрашение» от которой якобы заставило крымцев «воспритья рейтираду» «на которых кабардинцы при переправе через реку Терек, учинили нападение и тех салтанов с войском разбили» не объясняет, к примеру, причину по которой оперировавшие в Большой Кабарде крымские войска («Осенью (1731 г. – Т.А.) приходили те войски крымские и кубанские на Большую Кабарду... И сожгли оные в полях хлеб и сено Большой Кабарды. А до Малой Кабарды те крымцы и кубанцы ничем не касались») ⁵⁴ вместо логичного отступления на запад продвинулись на многие десятки километров на восток к реке Терек. Исходя из петербургской версии не понять, к примеру, и причину, по которой крымские войска оказались перед необходимостью переправы через Терек если они продвигались в направлении от российских войск, появившихся в районе «гребенских городков» располагавшихся на левобережье р. Терек. В целом картина событий, продекларированная в российской столице характеризуется оторванностью от географических, политических и военных реалий рассматриваемого сюжета.

В отличие от нее черкесская версия предельно конкретна и последовательна (хотя и лапидарна) в объяснении алгоритма представленных действий: «...то крымское

войско мимо нас на Татартюпов пошли с таким намерением, чтоб терской казачей город взять. И когда мы о таком их намерении услышали, то не щадя живота нашего за ними в погон пошли и догнали их у реки Терку, у называемой переправы Чершете, где с ними крымцами, сражение имели, при котором случае... оное многочисленное крымское войско разбили и от намерения их отвратили»⁵⁵. К тому же представленная картина событий укладывается в логику актуальной международно-правовой повестки крупнейших держав, присутствовавших в кавказском регионе. Точное определение в этом плане, места сражения, предстает как необходимая переменная в реконструкции непротиворечивой картины хода и итогов кабардино-крымской кампании 1731 г.

Как выше указано черкесские князья место сражения с татарским войском в октябре 1731 г. обозначали как переправу «Чершете» (в документе есть помета: по российскому званию Ярашта) «у реки Терку»⁵⁶. Этот топоним фиксируется и в ландкарте Кабарды 1744 г.⁵⁷. В немецкой карте второй половины XVIII в. эта местность помещена выше Моздока под названием Urotschischte Eroschta (урочище Ерошта)⁵⁸.

Возможно, что при выявлении этимологии данного топонима необходимо обратить внимание на его вероятную связь с патронимом черкесского дворянского рода Жырышты. По всей вероятности, практически до 70-х гг. XVIII в. русский топонимикон в Притеречье заканчивался в районе гребенских городков. Очевидно, что наименование «Чершете» – метатеза к названию Жырышты/Череште применительно к броду через р. Терек и местности вокруг него использовалось изначально черкесами. Учитывая, что в XVIII в. известным был «Бабукин брод»⁵⁹ на р. Малка, вероятно, по фамилии дворянского рода Бабуг (Бабыгу), нельзя исключить, что одно из наиболее удобных мест переправы в среднем течении р. Терек получило название от фамилии также дворян Жырышты. По крайней мере, можно констатировать наличие практически идентичных названий у рассматриваемой переправы и вотчины рода Жырышты в XVIII в. Так, в русской карте Кабарды 1744 г. село последних обозначается как «Ероштева», а спустя девять лет в «объяснении к кабардинской ландкарте» как «Ерашты»⁶⁰.

Подполковник Гак, прибывший в июле 1763 г. во главе трехсотенного отряда российских войск к урочищу Моздок с целью заложения здесь крепости, отмечал, что урочище Ераште находилось «от лагеря (у Моздока) верстах в двадцати»⁶¹. Учитывая, что в одной путевой версте содержится 1,080 км⁶, переправу Чершете можно отнести в район современного черкесского села Хамидие (ХъэщЦей). А если точнее, речь идет о «рукаве р. Терека в местности Ерашта (нынешняя Чернорская станица)»⁶².

Как видно место решающего сражения кампании 1731 г. находится на определенном отдалении от привычного театра военных действий в центре Большой Кабарды. Достаточно любопытен и маршрут движения участников сражения к данному району («крымское войско мимо нас на Татартюпов пошли... и мы... за ними в погон пошли...»)⁶³. Мотивом такого стремительного выхода крымцев из зоны непосредственного взаимодействия с черкесскими силами, как выше указывалось, обозначена их цель – «терской казачий город взять». Подобный тезис, с учетом времени его появления (спустя десятилетие после описываемого события), адресата документа в котором он отражен (дипломатический документ, направленный российской императрице) и дежурного риторического хода, связанного с подразумеваемым стремлением спасения «терского города» на первый взгляд создают почву для скепсиса. Между тем ознакомление с геополитическим контекстом вокруг Большого Кавказа и военно-политической диспозицией крупнейших держав на линиях соприкосновения позволяет объемнее рассмотреть каузальные связи, объясняющие появление татарской армии на переправе Жырышты. В этом плане критически важно учитывать, что несмотря на то, что в этот период Порта основательно увязла в конфликте с Персией и во избежание войны на два фронта она

всячески декларировала свое стремление к сохранению мира с Россией, имели место и иные факторы, определявшие тогдашнюю военно-политическую повестку.

С момента восшествия на османский престол Махмуда I осенью 1730 г. «крымский хан Каплан-Гирей находился при новом султানে» и имелись «слухи, что хан вооружает Порту против России» (татарский правитель же рассматривался как «орудие Вильнева» – французского посла в Константинополе, который, по выражению российского резидента Неплюева постоянно «на ссору с Россией Порту побеждает»⁶⁴. Вместе с тем, очевидно, что на протяжении следующего года османы стабильно демонстрировали отсутствие явной враждебности в отношении Петербурга. При этом, остается не вполне ясным насколько официальные декларации Порты соотносились с возможным негласным поощрением иной манеры действий на северных рубежах.

Буквально в этот период фельдмаршал Миних описывая устоявшуюся обстановку в зоне стыка двух государств-гегемонов Восточной Европы указывал на постоянные набеги на российскую территорию со стороны южных соседей. Он был убежден, что с этим можно было бы справиться, «если бы с турецкой стороны калмыкам, ногайцам и крымцам не было дано позволения к грабежу в наших границах». И что любопытно, в качестве оправдания турки выставляли отсутствие своей официальной санкции на подобные действия («без указа все сделано»)⁶⁵. Забегая вперед можно привести более красноречивый пример востребованности Портой наивно-софистических форм прикрытия рискованных внешнеполитических инициатив. Когда, после вооруженного прорыва крымских войск под командованием Фати(х)-Гирея через российские заслоны в Дагестан в 1733 г. Стамбулу выразили протест, до российского резидента Неплюева довели довольно экстравагантную позицию османов. «Ему заметили, что татары все это делали сами собою; им послали указ, чтоб ничего противного не делали, и этим Порты должна ограничиться, ибо всякая империя имеет свои резоны и обычаи, как с подчиненными поступать; должна соображать также свои поступки с обстоятельствами времени, и об этих резонах всякому объявлять не может»⁶⁶.

Подобная устойчивая практика свободного и «рутинизированного» отхода от стандартов «европейского» приграничного взаимодействия всегда могла быть использована как платформа для неконвенциональных инициатив в «третьем пространстве» между империями. К тому же следует учесть, что военные возможности Петербурга в этот период не внушали трепета в Константинополе. Источники в османской столице сообщали, что: «Порты Россию очень легко ценит, помня прутские дела»⁶⁷. В условиях насущной необходимости переломить ситуацию в затянувшемся клинче с Персией российский демарш с «подозрительным»⁶⁸ (ввиду непредусмотренности в действовавшем на тот момент трактате) проходом войск через Польшу в «Унгрию» в середине 1731 г. мог послужить спусковым механизмом к замыслу о рекогносцировочном походе крымских войск в тыл персам. Разумеется, в этом случае ханство получало свободу рук в отношении Большой Кабарды. Не случайно, российское внешнеполитическое ведомство, пристально следившее за развитием событий резонно приходило к красноречивому заключению. Полученная (неоднократно) информация о впечатляющей численности выступившей в направлении Кабарды армии склоняло к рассуждениям о том, что «И ежели б ради усмирения одних кабардинцев, то б не для чего толикого числа посылать. Нет ли прямо у них того намерения, чтоб не токмо вошед Грузию разорить, но и далее в Персии что профитовать или и в порцию е.и.в. в персидских провинциях незапно вошед, какое разорение приключить; и невозможно б чаять, чтоб сие так великое число орд движение собою хан крымской учинил без позволения Порты»⁶⁹. В пользу наличия далеко идущих целей и изначальной согласованности крымского похода на Северный Кавказ говорит и следующий нюанс. По получении подтверждения о выступлении крымских войск в направлении Кабарды российский резидент И. Неплюев обратился к Порте с жалобой на хана

«в самых крепких терминах», требуя, чтоб войска ханские были немедленно распущены». Как писал Соловьев: «Визирь отвечал, что он об этом ничего не знает и не думает, чтоб хан мог сделать какую-нибудь дерзость, потому что ему накрепко приказано сохранять соседственную дружбу с Россиею, и обещал повторить это приказание»⁷⁰. В контексте устойчивого практикования Портой мнимой инкоординации между ее установками и инициативами Бахчисарая на северных рубежах подобные внушения не выглядели особо убедительно. Наоборот финал встречи с российским послом подталкивает к рассуждениям в противоположном направлении: «Визирь при окончании конференции сказал, чтоб мы о ханских поступках в народе не разглашали...»⁷¹. Памятуя, что «протест против движения все в Персию» и требование «оставить персидские дела»⁷² были чуть ли не лейтмотивом свержения предыдущего султана вполне объяснимы опасения новых властей вызвать гнев еще не успокоившейся стамбульской улицы. В случае непричастности Порты она вряд ли открыто продемонстрировала бы свою озабоченность по этому поводу представителям иностранной державы, особенно России.

Итак, по совокупности обстоятельств и сведений относящихся к затронутому вопросу и их рассмотрение в широком контексте международной политики подводит к заключению о корректности черкесской версии о предпосылках и условиях сопутствовавших сражению на переправе Жырыщты в начале октября 1731 г. Единственным аспектом не получившим отражения в ней (выдвинутое спустя десятилетие в период обострения отношений обвинение Кайтуко Асланбека со стороны «баксанских» князей в том, что якобы «по его научению» тогда крымские войска вознамерились взять «терской казачей город» не могут учитываться как репрезентативные свидетельства⁷³) является полнота содержания исходной целеустановки вражеского похода. Это и понятно; не располагая разветвленной дипломатической службой правители княжества не могли быть осведомлены о подоплеках османских устремлений. Ведущее черкесское княжество, судя по всему, не занимало в них центрального положения т.е. конечным пунктом движения войск оно изначально не являлось. На этом фоне обозначившаяся устойчивость его обороны (выстроенная по не раз отработанной, и показавшей свою эффективность схеме при наличии у княжества небывало большого войска) и вызванный этим спад динамизма в действиях крымцев, грозивший «подвисанием» ситуации на театре военных действий («... крымские и кубанские силы в Баксане и в Кашкатове повредить их были не в состоянии, разве продолжительною своею под Кабардою бытностью могут их не допустить в полях хлеб сеять и скот из гор выгонять. Но такое замедление и самим крымцом и кубанцом не дешево быть может»)⁷⁴ обусловили «внезапное» оставление центра Большой Кабарды вторгнувшимися сюда силами и продвижение их по «неожиданному» маршруту в направлении низовьев Терека.

Со времени персидского похода Петра I 1722 г. и перевода Терской крепости на Сулак (под названием крепости Святого Креста) российские силы на р. Терек были весьма незначительны; там оставалось лишь пять небольших «городков»⁷⁵. В контексте задач успешного завершения войны с Персией данные обстоятельства не могли быть проигнорированы Портой. Во всяком случае необходимость переправы на левобережье р. Терек на котором располагались все гребенские городки диктовалась именно ее оперативной целесообразностью.

Будет недостаточным если ограничиться тезисом, что начатое продвижение противника на «Татартюпов» к казачьим городкам для подготовившихся к продолжительной и изнурительной осаде населения было большим облегчением, а войскам такой маневр существенно облегчил задачи по отражению агрессии. Речь шла об исключительном шансе для реализации, артикулированной еще в начале столетия установки – ликвидации (или в крайнем случае, существенном ослаблении) татарской угрозы со стороны Кубани. В последний раз такой шанс представился летом 1711 г. когда П.М. Апраксин не соединил российский корпус с успешно оперировавшими на Кубани войсками Большой Кабарды. Черкесские князья не

будучи осведомленными обо всех мотивах тогдашнего отхода российских войск упрекали военачальника, что он «пошел назад, а естли бы он помешкал, то един бог весть, что ни един бы татарин на Кубани не остался»⁷⁶. Теперь же совместно с силами княжества действовала семитысячная ногайская конница. К тому же крымцы сделали все чтобы «с небольшим 3 тысячи человек» войск⁷⁷ Талостанеевского и Глехстанеевского княжеств выступили против них. И это были ровно те силы при содействии которых Большая Кабарда готова была нейтрализовать угрозу с запада («И ежели б к тем [кабардинским войскам] прибавить донских казаков или иных российских войск, столько же 10 [тысяч]... то довольно с теми на Кубань напасть и разорить» утверждали черкесы в 1718 г.)⁷⁸.

Этих обстоятельств было достаточно, чтобы пшышхуэ Мисост Ислам (имевший недавний успешный опыт отражения крымского нашествия) оперативно сориентировался в преимуществах изменившейся боевой обстановки. Предпринятый крымцами марш в сторону казачьих поселений на Тереке предоставил и существенные тактические преимущества черкесам. Во-первых, они получили возможность вхождения в боевой контакт с противником в наиболее оптимальных (выбранных ими же) обстоятельствах места и времени. Во-вторых, предпринятый марш предопределил, что войска войдут в соприкосновение в условиях «погони» (со стороны черкесов). В литературе отмечается, что именно в ходе погони черкесы традиционно наносили наиболее ощутимый урон противнику⁷⁹. В-третьих, черкесам, судя по всему, удалось воспользоваться эффектом внезапности; они дождались начала переправы – **«догнали их у реки Терку, у называемой переправы Чершете»** (выделено нами. – Т.А.)⁸⁰. То обстоятельство, что татарам навязали бой именно на переправе показывает, что им не оставили выбора. Будучи извещенными о преследовании противником сложно допустить, чтобы местом фронтального разворота своих сил они избрали неблагоприятный для подобного маневра ландшафт, в котором приходилось обращать свой тыл к серьезной водной преграде, тем самым серьезно повышая риск катастрофы в случае отеснения какой-либо части войск непосредственно к Тереку. Тем более, что в этой обстановке черкесы демонстрировали явное превосходство над татарами и среди пустившихся в преследование крымцев в октябре 1731 г. наверняка было немало тех, кто ровно за двадцать лет до этого в «прибрежном» сражении на Кубани их «били боем и рубили саблями», а «иных в реке потопили»⁸¹.

Соображения возможно полной реконструкции рассматриваемого вопроса требуют пристального внимания к источникам и критического рассмотрения сведений о численности вторгнувшихся в Кабарду войск. Прежде всего, необходимо выяснить, действительно ли в рассматриваемый период войска восточночеркесских княжеств соприкасались лишь с авангардом крымской армии. В этом плане следует учитывать, что авангард является элементом походного охранения войск, совершающих марш. Он выделяется в предвидении столкновения с противником. Задача авангарда не допустить внезапного нападения противника на главные силы и проникновения его в полосу движения охраняемых войск. В свете сказанного трудно назвать действия крымских войск в Кабарде по «разорению», захвату «хлеба и сена» и выжиганию полей характерными для авангарда.

Действия авангарда должны быть решительными и стремительными, носить маневренный характер. Здесь же мы наблюдаем тщательное и планомерное истребление материальных ресурсов страны. Исходя из опыта предыдущих кампаний можно с уверенностью утверждать, что лишь при подавляющем численном превосходстве татары могли действовать в Кабарде столь уверенно.

К этому следует добавить, что ни в дореволюционной ни советской историографии крымские войска, действовавшие в 1731 г. в Кабарде, не обозначались как авангард. Насколько можно судить, авторами неуместной новации стали Мальбахов и Дзамихов, которые допустили это опять-таки в результате некритического подхода к вопросу⁸².

Вместе с тем следует подчеркнуть, что речь, разумеется, не идет и о двухсот-тысячной армии которая согласно сведениям российских военных на Украине выступила в конце лета 1731 г. в направлении Кабарды. Не вдаваясь в обоснование заведомой сомнительности столь громадных размеров войск, мобилизованных ханством для похода в Черкессию, следует обозначить факторы обусловившие разительно меньшую их численность при подходе к театру военных действий. Во-первых, «запорожцы из Сечи» которые, согласно предварительным сведениям о крымском выступлении стояли готовые к походу источниками не зафиксированы среди войск оперировавших в Кабарде. Их мобилизационный потенциал в рассматриваемый период достигал «до 7000 человек хорошо вооруженных»⁸³ (по мнению российского командования «с 3 или 4 тысячами таких людей можно было бы разбить весь гетманский корпус», т.е. казаков на российской службе)⁸⁴. Во-вторых, вслед за получением сведений о военных приготовлениях ханства российский генерал «Вейсбах приказал регулярным войскам тотчас выступить к границам и написал малороссийскому гетману, чтоб он немедленно шел туда же со всеми козацкими войсками»⁸⁵. Это обстоятельство несомненно могло отвлечь серьезные силы от выступившего в поход корпуса. В-третьих, очевидно, что отделившийся от войск хан не мог вернуться в Крым с малочисленным эскортом (особенно в условиях приближения к границам российских войск). И, в-четвертых, существенные потери при длительных маршах до подхода к театру военных действий были непреложной реальностью того времени.

Вместе с тем следует признать, что на данном этапе достоверная квантификация всей брошенной Крымским ханством на Северный Кавказ мощи представляется невозможной. В этой связи наиболее корректным подходом к вопросу будет попытка определения планки, ниже которой не могла опуститься численность армии-вторжения в 1731 г.

Как выше отмечалось, численность крымских войск в начале кампании (при предъявлении ультиматума черкесским князьям) оценивалась в семь тысяч человек. С началом боевых действий, крайне щепетильное в этом вопросе российское военное командование воспользовалось менее определенными, но более устрашающими номинациями, заявив о приходе «многова числа орд». Подобное расплывчатое определение в рапорте российского военачальника не могло появиться случайно. Ведь, к примеру, в июне 1720 или же в марте 1721 г., когда на подступах к центру Кабарды стояли относительно немногочисленные передовые отряды крымцев (соответственно 7 и 8 тыс. человек), российскому пограничному начальству весьма оперативно доставлялась точная информация о численности татар⁸⁶. Теперь же, в октябре 1731 г. осложненная обстановка рассредоточения большой массы вторгнувшихся войск с целью «чинить разорение» центра Кабарды существенно ограничивала возможности адекватной (и, что не маловажно, оперативной) оценки численности противника.

Обращение к черкесской оптике на данную ситуацию также показывает, что в Кабарде кампанию 1731 г. относили к одной из крупнейших за первую треть XVIII в. В этом плане любопытными и красноречивыми предстают ретроспективные описания черкесскими князьями предыдущих баталий с крымским воинством. Так, в одном из своих писем они, касаясь военной кампании 1708 г. вспоминали о вторжении хана Каплан-Гирея «со многочисленным войском своим для завоевания»⁸⁷. В другом документе встречаем крайне информативное описание накопленного опыта князей Большой Кабарды в деле их военного противодействия региональным акторам преимущественно «опознаваемым» как недоброжелательные России. Его изложение начинается с сюжета о походе против Кубанской Орды летом 1711 г. Авторы письма писали, что «тамо крымского калгу салтана с великим числом войск ево разбили»⁸⁸. Крайне неудачный поход войск ханства в Кабарду в 1729 г. сопряженный с гибелью обоих главнокомандующих – Бахты-Гирей и Имрат-Гирей султанов также был аттестован как приход

последних «с великим числом крымских войск»⁸⁹. И, наконец, черкесские князья, как выше указывалось, касаясь исхода сражения на переправе «Чершете» писали, что «оное многочисленное крымское войско разбили»⁹⁰. Хотя в этом реестре триумфов черкесского оружия числились «разбитие» кумыкских князей «при реке Терку», победоносный поход на чеченцев в 1720-м г. и разгром тех же «крымских салтанов» с «кыргисцами» на р. Кума за год до составления текста эти противники не удостоились эпитета «многочисленного войска». Судя по содержанию документа такую оценку снискали войска, численность которых варьировала в диапазоне от 15-ти (Кубанский поход 1711 г.) до нескольких десятков тысяч человек (кампания 1708 г., и ее кульминация на Канжальском плато).

С этим согласуется и картина, вырисовывающаяся при обращении к источникам, сообщающим о составе войск, вовлеченных в кампанию 1731 г. Так, в разных документах российского внешнеполитического ведомства касавшихся этого вопроса отмечается, что подступившие тогда к Кабарде силы представляли собой «войско кубанское и татарское»⁹¹, «войска крымские и кубанские»⁹². В материале газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от 20 декабря 1731 г., составленном по следам завершившейся осенней кампании в Черкесии, указывалось на то, что действовавшие в ее восточных княжествах силы были представлены «Крымским, Губанским, Нагайским и другим»⁹³ войском (т.к. «Губанское» войско само в преобладающей степени было ногайским под номинацией «Нагайским» из периодического издания скорее всего подразумевалась Буджакская орда также в этническом плане относившаяся к этому тюркскому этносу). Особого внимания требует указание на присутствие среди направленных против черкесов войск контингента, обозначенного как «другой» т.е., не характерного для классической обоймы мобилизантов ханства. Этим «другим» войском в составе крымской армии был калмыцкий контингент. Об этом мы узнаем из «протокола» ответов Коллегии иностранных дел «на прошение кабардинских владельцев Большой Кабарды», вытекавших как из их послания, так и из устных предложений посла Мисост Магомета. Из второго пункта документа вытекает, что посол из Черкесии довел до его составителей информацию о приходе калмык «с крымцами и кубанцами» в Кабарду⁹⁴. Из другого источника становится известно, что речь идет именно об осенней кампании 1731 г. («...калмыки, з Бакты-Гирей салтановыми братьями соединясь, приходят на кабардинцов...»)⁹⁵. Принимая во внимание предыдущий внушительный опыт совместных ногайско-калмыцких военных предприятий в регионе под водительством погибшего в Кабарде Бахты-Гирея, представляется вполне объяснимым вовлечение ойратов в очередную инициативу своих степных партнеров. Речь в этом случае можно вести как о символическом капитале погибшего султана (облегчавшего его живым братьям достаточно авторитетно представать перед калмыками), так и, разумеется, о перспективах наживы. Как бы то ни было само артикулирование факта участия калмыков в походе на Кабарду (и скорее всего просьба о его недопущении в будущем) можно трактовать как признание их важной роли в истекшей кампании. Она же была невозможна без широкого участия калмыков в военных действиях.

Примечания

1. Алов Т.Х. Баксанская битва (у Крымских стен) 26–28 апреля 1729 г.: военно-политические предпосылки и условия успешного отражения Кабардой крымской агрессии // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик, 2009. С. 183–194.

2. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. М., 1957. Т. II. С. 41. (Далее: КРО).

3. Там же.

4. Там же.
5. Архив Кабардино-Балкарского Института гуманитарных исследований. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8 (№ 809). Л. 92. (Далее: Архив КБИГИ).
6. Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8 (№ 809). Л. 417.
7. Там же. Л. 418.
8. Там же.
9. Там же. Л. 419.
10. КРО. Т. II. С. 75.
11. Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8 (№ 809). Л. 417.
12. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. В пятнадцати книгах. М., 1963. Кн. X. Т. XIX. С. 280.
13. КРО. Т. II. С. 47.
14. Там же. С. 49.
15. Там же. С. 48.
16. Там же. С. 46.
17. Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8 (№ 809). Л. 417.
18. КРО. Т. II. С. 60.
19. Там же. С. 47.
20. КРО. С. 47–48.
21. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. I. СПб., 1869. С. 361–362.
22. КРО. Т. II. С. 102.
23. Бутков П.Г. Указ. соч. С. 362.
24. КРО. Т. II. С. 102.
25. Там же. С. 49.
26. *Соловьев С.М.* Указ. соч. М., 1962. Кн. VIII. Т. XVI. С. 635.
27. *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. X. Т. XIX. С. 280.
28. *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 119.
29. КРО. Т. II. С. 77.
30. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней (в двух томах). М., 1967. Т. I. С. 166.
31. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. Т. I. С. 427.
32. *Налоева Е.Дж.* Документальные данные о Казанокко Жабаги // Жабаги Казанокко (300 лет). Материалы региональной научной конференции (30–31 октября 1985 года). Нальчик, 1987. С. 101.
33. *Вилинбахов В.Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1977. С. 163; *Он же.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. С. 185.
34. *Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – XVIII в.). Нальчик, 1996. С. 210; *Дзамихов К.Ф.* Вопросы политической истории народов Северного Кавказа. Нальчик, 2001. С. 94.
35. *Мальбахов Б.К.* Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722–1825 гг.). Нальчик, 1998. С. 15; *Мальбахов Б.К.* Кабарда на этапах политической истории (середина XVI – первая четверть XIX века). М., 2002. С. 260.
36. *Дзамихов К.Ф.* Вопросы политической истории народов Северного Кавказа. Нальчик, 2001. С. 94.
37. КРО. Т. II. С. 48.
38. Там же.
39. *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 362.
40. КРО. Т. II. С. 49.
41. Там же.
42. Там же.
43. Там же. С. 61
44. Там же. С. 50.
45. Там же. С. 55.
46. Там же. С. 58.
47. Там же. С. 49.

48. Бутков П.Г. Указ. соч. С. 120.
49. КРО. Т. II. С. 50.
50. Там же.
51. Там же. С. 70.
52. Там же. С. 46
53. Там же. С. 54.
54. Там же. С. 58.
55. Там же. С. 103.
56. Там же.
57. Там же. С. 114, 115.
58. Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. 2. Приложение: карты.
59. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 3. Д. 1. Л. 5.
60. КРО. Т. II. С. 114, 115, 194.
61. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 115 Кабардинские дела. Оп. 115/1. Д. 8. Л. 5. (Далее: АВПРИ).
62. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1982. Кн. 2. С. 177.
63. КРО. Т. II. С. 103
64. Соловьев С.М. Указ. соч. С. 279; Кочубинский А.Л. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1739). Одесса, 1899. С. 33.
65. Соловьев С.М. Там же. С. 405.
66. Там же. С. 382.
67. Там же. С. 386.
68. Кочубинский А.Л. Указ. соч. С. 34, 35.
69. КРО. Т. II. С. 49.
70. Соловьев С.М. Указ. соч. С. 280.
71. Там же.
72. Кочубинский А.Л. Указ. соч. С. 17, 31, 32.
73. КРО. Т. II. С. 102, 103.
74. Там же. С. 16.
75. Бутков П.Г. Указ. соч. С. 15.
76. КРО. Т. II. С. 10.
77. Там же. С. 131.
78. Там же. С. 19.
79. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 82, 83.
80. КРО. Т. II. С. 103.
81. Там же. С. 9.
82. Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Указ. соч. С. 210.
83. Соловьев С.М. Указ. соч. С. 401.
84. Там же. С. 406
85. Там же. С. 280.
86. АВПРИ. Ф. 115 Кабардинские дела. Оп. 115/1. Д. 1. Л. 95; Д. 5. Лл. 42, 43.
87. КРО. Т. II. С. 45.
88. Там же. С. 102.
89. Там же.
90. Там же. С. 103.
91. Там же. С. 75.
92. Там же. С. 71.
93. Бутков П.Г. Указ. соч. С. 363.
94. КРО. Т. II. С. 70.
95. Там же. С. 76.

**THE BATTLE AT THE FERRY ZHERESHCHTY:
THE KABARDINO-CRIMEAN CAMPAIGN OF 1731 AND ITS RESULTS**

Aloev Timur Hazrailovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary

Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», aloborsa@mail.ru

The first third of the XVIII century marked by a series of large-scale Kabardino-Crimean campaigns. The focus of this article is one of them – a campaign of the Crimean troops in 1731 in Kabarda and its results. The work reveals the prerequisites that conditioned such an initiative of Bakhchisaray and the influence of inter-imperial contradictions on its goals and results. The focus of the study is also on the domestic and foreign policy efforts undertaken by the rulers of the leading Circassian principality, which significantly increased its military resistance. A careful attention is paid to the culmination of the military campaign – the battle that unfolded at the crossing of the Zhereshchty battle in the first half of October 1731. In order to maximally reconstruct its dynamics, the strength, composition and other characteristics determining the military might of the opposing sides are analyzed.

Keywords: Zhereshchty, Circassia, Kabarda, Crimea, military campaign, invasion, resistance, defense, confrontation.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-27-44

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ПОХОД (БАХЪШЫСЭРЕЙ ЗЕКІУЭ): ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ

Кожев Заурбек Анзорович, кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), zaurbek_k@mail.ru

Статья посвящена одному из знаковых событий военно-политической истории Кабарды – успешному походу против Крымского ханства, закончившемуся, согласно историческим преданиям, осадой столицы ханства – Бахчисарая и получением с крымского хана богатого выкупа. Крымское ханство с момента своего образования и особенно после включения в политическую систему Османской империи, являлось наиболее сильным, агрессивным и опасным соседом черкесских политий Северного Кавказа. На протяжении нескольких веков черкесские государственно-политические образования вели упорную борьбу за фактическую независимость против властных притязаний крымских Гиреев – наследников золотоордынского имперского могущества. Ранний этап крымско-черкесских отношений (вторая пол. XV – первая пол. XVI вв.) – до вовлечения Северного Кавказа в орбиту внешнеполитических интересов Русского государства, плохо изучен в силу крайней скудости письменных источников. Поэтому особую ценность в качестве важного исторического источника приобретают черкесские предания, историко-героические песни раннего цикла. К одной из них относится «Песня о Бахчисарайском походе» («Бахъшысэрей зекІуэм и уэрэд») и связанные с ней фольклорные тексты, которые отражают очень важный эпизод кабардино-крымских отношений. Историческое предание сохранило любопытные подробности организации похода, имена военного предводителя и знаменитых участников (Талостан Джанхотов, Андемиркан, братья Ечанокovy и т.д.) Проблема датировки этого события вполне удовлетворительно решается с помощью сопоставления исторического предания о Бахчисарайском походе с другими фольклорными материалами, письменными источниками и родословными списками кабардинских княжеских домов.

Ключевые слова: Кабарда, Крымское ханство, Бахчисарай, кабардино-крымские отношения, Талостан Джанхотов, Андемиркан, военно-политическая история, датировка.

В отечественной историографии Бахчисарайский поход до сих пор не стал предметом специального исследования, хотя фольклорные тексты, связанные с ним давно введены в научный оборот. Возможно, это связано с тем, что нет ни одного письменного источника, упоминающего об этом не рядовом по масштабу событии из истории военного противостояния Кабарды и Крымского ханства. А делать какие-то конкретные выводы, опираясь только на устные предания, многим исследователям кажется не вполне корректным. Академические научные издания традиционно игнорируют этот сюжет военно-политической истории Кабарды¹ Даже Ш.Б. Ногмов, который писал свою «Историю адыгейского народа» по черкесским историческим преданиям, обошел его своим вниманием². Однако, на наш взгляд, изучение общеисторического контекста и особенно косвенных свидетельств письменных источников, позволяют приступить к решению заявленной в статье проблемы без риска впасть в серьезные погрешности. Одной из первых

попыток ввести фольклорный сюжет о Бахчисарайском походе в историческое адыгovedение, было отражение этого предания в историческом разделе «Адыгской (черкесской) энциклопедии»³.

Во втором томе «Адыгского фольклора» содержатся как оригинальные прозаические тексты, так и историко-героическая песня, посвященная Бахчисарайскому походу и сложенная его участниками⁴. Она вошла также в первую часть третьего тома «Народных песен и инструментальных наигрышей адыгов»⁵. Историческое предание и поэтический текст «Песни о Бахчисарайском походе», несмотря на свой незначительный объем, содержат принципиально важную информацию, позволяющую задать надежные хронологические рамки описываемого события и оценить его масштаб. Во-первых, историческая память сохранила потомкам имя полководца и военного предводителя Бахчисарайского похода. Это Талостан Джанхотов – представитель третьего поколения Иналидов в Черкесии, младший брат Беслана Джанхотова⁶. Последний под именем Беслана Тучного (*Беслэн Пцланыцэ*) – *пцышхуэ* Кабарды часто фигурирует в черкесском фольклоре как современник и антагонист Андемиркана – князя – бастарда (*тумэ*) и одновременно идеального рыцаря черкесского средневековья⁷. Благодаря русским архивным источникам, в первую очередь, составленным в середине XVII в. «Родословным кабардинских князей и мурз», мы знаем, что время жизни и деятельности четвертого поколения Иналидов в Кабарде падает примерно на третью четверть XVI в. Самый известный из этой генерации Иналидов – Кемиргоко Идаров, уже будучи *пцышхуэ* – Великим князем Кабарды, в 1557 г. выступил с инициативой установления дипломатических и политических связей с правительством Ивана IV Грозного (1547–1584), а через четыре года стал царским тестем⁸. Соответственно, считая разницу между поколениями примерно в 20–25 лет, мы можем определить период активной военной и политической деятельности Талостана Джанхотова и его современников примерно второй четвертью XVI в. Составители первой части третьего тома «Народных песен и инструментальных наигрышей адыгов» в аннотации к «Песне о Бахчисарайском походе», кратко описав его фабулу, не пытаются даже приблизительно датировать это событие и лишь определяют самыми широкими рамками время жизни ключевой фигуры – Талостана Джанхотова: «По преданию, кабардинцы во главе с князем Таусултаном (Татлостаном) Янхотовым (историческое лицо, жил в первой половине XVI в.) предприняли поход в Крым. Они переправились через Керченский пролив, дошли с боями до Бахчисарая (столицы ханства) и окружили его. Хан вынужден был просить мира и выплатить большую дань – сто возов тонких тканей, что дало возможность кабардинцам снять свои грубые рубашки и заменить их более тонкими. Предание гласит, что песню сложили участники похода на обратном пути»⁹.

На первый взгляд, сюжет о вторжении многочисленного кабардинского войска в самый центр крымских владений, осада столицы ханства и, в итоге, получение большого выкупа могут вызвать серьезные сомнения в достоверности, как исторического предания, так и самой песни, посвященной Бахчисарайскому походу. Однако внимательное знакомство с историей крымско-черкесских отношений или, в более широком плане, взаимоотношений черкесских политий позднего средневековья с татарскими государствами – осколками Золотой Орды, позволяют развеять эти сомнения. В том, что касается взаимоотношений с Крымом, наверное наиболее иллюстративным и ярким является ставшее классическим описание генуэзцем Джорджио Интериано, прожившим в Черкесии много лет, военной напряженности на черкесско-татарском фронте на рубеже XV–XVI вв:

«Они (черкесы – *К.З.*) постоянно воюют с татарами, которые окружают их почти со всех сторон. Ходят даже за Босфор (Керченский пролив – *К.З.*) вплоть до Херсонеса Таврического (нынешний Севастополь – *К.З.*)... *Охотнее всего совершают походы в зимнее время, когда море замерзает* (курсив наш – *К.З.*), чтобы грабить жителей скифов (татар – *К.З.*), и горсточка черкесов обращает в бегство

целую толпу скифов, так как черкесы гораздо проворнее и лучше вооружены, лошади у них лучше, да и сами они выказывают больше храбрости»¹⁰. Свидетельство очевидца о регулярности и ординарности черкесских вторжений, фактически набегов вглубь Крымского полуострова, их впечатляющая география – «вплоть до Херсонеса Таврического», то есть до крайней западной оконечности Крыма, позволяют судить о степени военного давления на ханство со стороны Черкесии в начальный период его истории. Возможно, это было связано с тем, что Крым в определенной степени был для черкесов сакральной территорией. Генеалогические предания Иналидов – черкесской княжеской династии позднего средневековья и нового времени, устойчиво называют Крым «транзитным» пунктом на пути переселения легендарных предков с Ближнего Востока на Кавказ. Кроме того, в Крыму с нач. XV в. вплоть до османского завоевания в 1475 г. существовало небольшое княжество со смешанным населением и черкесской по происхождению династией, уничтоженное одновременно с генуэзскими колониями¹¹. Если завоеванная османами Кафа из центра генуэзских колоний в Северном Причерноморье превратилась в центр нового османского вилайета, то территория Мангупского княжества («Крымской Готии») была включена в состав Крымского ханства. И регулярные набеги вглубь Крымского полуострова, зафиксированные Дж.Интерриано на рубеже XV и XVI вв. можно рассматривать как своеобразную месть черкесской правящей элиты, в первую очередь Иналидов, по отношению к государству, уничтожившему одну из черкесских политий позднего средневековья. Особое внимание следует обратить на замечание Дж.Интерриано о том, что черкесы «охотнее всего совершают походы в зимнее время, когда море замерзает». Иными словами, несмотря на «зимние предпочтения», связанные с очевидными преимуществами свободного доступа черкесской конницы на территорию Крыма по надежному ледовому покрытию Керченского пролива, походы осуществлялись и в весенне-летний период, пусть и не столь «охотно». Очевидно так же, что для этого необходимо было комбинировать действия сухопутных сил (конницы, пехоты) и флота. Наличие развитой мореходной традиции у причерноморских черкесов, начиная с античности, делало такие походы пусть и гораздо более сложными в организационном плане, но технически вполне возможными¹².

Объективные интересы Иналидов, продолжателей политики своего предка по созданию самостоятельной государственно-политической и династической традиции, сталкивали их с осколками Золотой Орды, которые пытались в той или иной степени поддерживать претензии на имперский статус. Хотя бы по той причине, что почти везде (за исключением Ногайской Орды) у власти оказались представители «Золотого рода», то есть Чингизиды. Однако острые противоречия между политическими наследниками Золотой Орды позволяли черкесским политиям играть самостоятельную роль в региональной политике. Примерно в это же время, на рубеже XV–XVI вв., по фрагментарным данным русских письменных источников черкесы приняли активное участие в разгроме Большой Орды, которая под военным давлением с их стороны была вынуждена оставить свои кочевья в степном Предкавказье и искать спасения на правом берегу Дона. Так в июле 1498 г. русский посол в Крыму Б. Челищев сообщал: «Приходили Черкасы на Большую Орду, да побили... татар Большой Орды добре много. И царю ... Маахмату (большеордынскому хану Сейид-Мухаммеду – К.З.) под Черкасы прожити не мочно, он мыслит пойти на сю (т.е. правую – К.З.) сторону Дону»¹³. Такая ситуация сохранялась вплоть до окончательного разгрома Большой Орды в 1502 г.¹⁴

После прочного включения Крымского ханства в государственную систему Османской империи в 1475 г., его военно-политические позиции в Северном Причерноморье неизмеримо возросли. Южный берег Крыма с бывшим центром генуэзских колоний в регионе – Кафрой, Таманский полуостров вошли в новый вилайет Османской империи. Наместники Кафры активно включились в борьбу с черкесскими политиями Западного Кавказа, но очень долго эта борьба велась

с переменным успехом. Так в 1501 г., по свидетельству русского посла в Крым Ф. Ромодановского, османский наместник Каффы Мухаммед предпринял поход на черкесов, но потерпел сокрушительное поражение¹⁵. Преодолевая активное сопротивление местного населения, Османская империя продолжала укреплять свои позиции на черкесском побережье и это косвенным образом укрепляло безопасность Крымского полуострова от черкесских набегов. С 1502 г. в качестве портового города с османской администрацией и пункта сбора торговых пошлин начинает функционировать крепость Тамань¹⁶. В 1515 г. османские власти заложили на границе Черкесии две крепости – Темрюк в устье Кубани и Кизил-Таш на острове Адахун, ограниченном Кубанью, р. Адагум и морским побережьем. По свидетельству письменных источников, основным назначением этих укреплений была защита от черкесских набегов не только османских подданных Таманского полуострова, но и территории Крымского полуострова. По видимому, возможность дальних зимних походов черкесов по льду Керченского пролива вглубь Крымского полуострова и через сорок лет после завоевания Крыма и Тамани рассматривалась османскими властями как вполне актуальная угроза. Новые крепости должны были исключить беспрепятственную переправу черкесской конницы на Тамань и далее в Крым. Возведение новых крепостей под прикрытием многочисленных крымско-татарских контингентов продолжалось до августа 1519 г. Так, весной 1519 г. для прикрытия фортификационных работ к устью Кубани был направлено 8 тыс. крымское войско под командованием царевичей Казы-Гирея и Бабея¹⁷.

Оборонительные мероприятия сочетались с широкомасштабными наступательными действиями османско-крымских сил. Летом 1518 г. сын крымского хана Мухаммед-Гирея (1515–1523) Бахадыр-Гирей совершил поход на черкесские земли, но, по свидетельству русского посла в Крыму И. Челищева, потерпел поражение, стоившее ему двух третей армии. Состояние крымско-черкесских отношений в первые десятилетия XVI в., лучше всего можно охарактеризовать словами этого крымского царевича, который в своей дипломатической переписке с Великим князем Московским Василием III (1505–1533) писал: «Ежегодная у нас война Черкасы»¹⁸. Эти слова, конечно же, не стоит понимать как свидетельство тотальной войны между татарами и черкесами. Еще совсем недавно татары и значительная часть черкесов сосуществовали в единой империи – Золотой Орде. На протяжении многих поколений их связывали общие государственно-политические и служебные интересы, родственные связи и культурные предпочтения. Однако в период развала общего имперского пространства и борьбы различных региональных элит за свое место в радикально меняющемся геополитическом пространстве, черкесские Иналиды, как лидеры новой, динамично развивающейся государственно-политической традиции феодальной Черкесии, не могли не сталкиваться с крымскими Гиреями и другими линиями Чингизидов, которые претендовали на имперский статус, не всегда обладая реальными ресурсами даже для полноценной независимости. Черкесские Иналиды, опираясь на военно-политический потенциал своих северокавказских владений, зачастую имели возможность не только отвергать властные притязания крымских или астраханских Чингизидов, но и реально влиять на внутривнутриполитические процессы своих татарских соседей. Так, летом 1532 г. черкесские войска взяли Астрахань убили хана Касима, многих знатных татарских мурз и возвели на астраханский престол царевича Ак-Кубека, который был зятем одного из кабардинских князей¹⁹. Черкесское влияние в Астрахани имело реальный характер и гораздо позднее. В 1546 г. черкесы вновь захватили Астрахань, прогнали Ак-Кубека и посадили на ханский престол другого своего ставленника – Ямгурчи, который не смог долго удерживаться у власти²⁰. При помощи своих черкесских сторонников Ямгурчи примерно в 1550 г. еще раз занял Астрахань, но вскоре вновь был свергнут с престола конкурентами и бежал в Кабарду²¹.

Татарские письменные источники даже упоминают о гибели Мухаммед-Гирея – одного из самых удачливых крымских ханов, организатора успешных

походов на Москву и Астрахань, в войне «с черкесами и дадианами»²². Этот источник – «История Кипчакской степи» Ибн-Ризвана, далеко не безупречен. На самом деле Мухаммед-Гирей был убит своими союзниками ногайцами у стен взятой им Астрахани. Это привело к политическому кризису в Крыму и разорению ногайцами приазовских владений ханства²³. Но сам факт упоминания в татарской историографии «войны с черкесами» в связи с гибелью одного из самых знаменитых крымских ханов весьма показателен. Версия Ибн-Ризвана из «Истории Кипчакской степи» о гибели Мухаммед-Гирея позволила нам в одной из своих работ предположить, что это отражение в исторической памяти татар вторжения черкесов в Крым в ходе Бахчисарайского похода: «События, запечатленные в песне и предании, могли произойти только в период политической смуты, наступившей после смерти Мухаммед-Гирея, иначе они бы нашли отражение в русских дипломатических источниках. Мухаммед-Гирей погиб весной 1523 г., следовательно, Бахчисарайский поход с большой долей вероятности можно датировать второй половиной 1523 г.»²⁴.

В настоящее время это предположение нам представляется необоснованным, хотя хронологически двадцатые годы XVI в. можно уверенно включить в период жизни и деятельности Талостана Джанхотова и его современников. Есть одно обстоятельство, которое надежно задает возможную нижнюю хронологическую точку Бахчисарайского похода – это дата основания Бахчисарая в качестве столицы ханства и резиденции крымских Гиреев. После гибели Мухаммед-Гирея новым крымским ханом стал Саадет-Гирей, назначенный османским султаном Сулейманом I (1520–1566)²⁵. Его правление было относительно недолгим, так как Саадет-Гирею не удалось нейтрализовать губительные последствия смерти Мухаммед-Гирея и последовавших за этим смут внутри ханства. Уже в 1532 г. он добровольно отказался от ханского престола и был отозван в Стамбул. Без санкции османского султана крымский престол занял его племянник Ислам-Гирей. Правление последнего продолжалось пять месяцев, пока из Стамбула не прибыл его дядя Сахиб-Гирей (1532–1551), который в 1521–1523 гг. – в период максимальных внешнеполитических успехов Мухаммед-Гирея, успел побывать ханом в Казани. Прибывшие с ним янычары и артиллерия позволили Сахиб-Гирею временно одержать победу над внутренними противниками и утвердиться на ханском престоле²⁶. Именно Сахиб-Гирей в 1532 г. перенес ханскую резиденцию из селения Саларчик на 2 км ниже по течению реки Чурюк-Су. Эта новая столица и получила знаменитое в будущем название Бахчисарай («Сад-дворец»)²⁷. Привязка крымского похода Талостана Джанхотова к названию новой ханской резиденции, на наш взгляд, принципиальна. Название новой крымской столицы не только отражено в названии историко-героической песни, но и прямо упоминается в прозаическом предании, и, что особенно важно, в поэтическом тексте:

«Бэжьшысэрейри а махуэм кьуэпиблт

Бахчисарай в тот день о семи углах был, (т.е. большой, широко раскинувшийся – К.З.)»²⁸.

Верхняя хронологическая точка, ограничивающая возможную датировку Бахчисарайского похода связана с другим знаковым событием военно-политической истории Кабарды. Это масштабная феодальная война с участием практически всех черкесских владений, закончившаяся Кызбурунским сражением, в котором по преданию и погиб Талостан Джанхотов²⁹. В нескольких статьях мы уже рассматривали политическое содержание, общий ход и последствия этой войны³⁰. В самых общих чертах, политическая коллизия состояла в конфликте между Идаром Иармасовым, представителем старшей линии кабардинских Иналидов, после смерти отца воспитывавшимся в Западной Черкесии, и Джанхотовыми – фактически правившими в Кабарде. И те и другие имели своих сторонников среди Иналидов как в Кабарде, так и в других княжествах феодальной Черкесии. Конфликт, завершившийся

масштабным сражением и поражением Джанхотовых, можно датировать только приблизительно, примерно одним десятилетием между 1530 и 1540 гг.³¹

Еще более предметно сузить хронологические рамки возможной датировки Бахчисарайского похода позволяет, как это ни странно звучит на первый взгляд, способ переправы черкесской конницы с Тамани в Крым. И предания, и поэтический текст свидетельствуют, что это был не традиционный, описанный Дж.Интериано зимний поход по льду замерзшего Керченского пролива, а переправа с использованием флота:

«И пщІэгъуэлэшхуэри кхъухъышхуэ пхашІэкІэ нытхузэрашэри»

Его (т.е. предводителя Талостана Джанхотова – К.З.) белого коня большого на днище корабля большого возят»³².

Необходимо отметить, что общий военный потенциал Крымского ханства многократно превосходил военный потенциал Кабарды. Например, крымские войска, вторгшиеся в черкесские земли в 1539 г., наряду с артиллерией и отрядом янычар насчитывали 40 тыс. татарских всадников³³. Различные уделы Кабарды, по источникам середины XVII в., могли выставить около 7–8 тыс. всадников, треть которых была профессиональными военными – уорками³⁴. Эти данные, на наш взгляд, вполне репрезентативны и для более раннего периода. С такими силами даже зимнее вторжение в Крым, с гарантированной возможностью отступления по льду Керченского пролива, было предприятием крайне опасным с минимальными шансами на успех в столкновении со всей полевой крымской армией. Что же касается морской переправы через пролив между Таманью и Крымом, то в стратегическом плане это было просто самоубийственным решением. В случае малейшей неудачи, отрезанные от материка на полуострове, надежно блокированном со стороны суши укреплениями Перекопа, черкесы оказались бы обречены на истребление. Кроме того, переправа на кораблях 7–8 тыс. всадников даже через относительно узкий Керченский пролив (в настоящее время от 4,5 до 15 км) была за пределами логистических возможностей феодальной по духу военной культуры Черкесии. Она требовала совершенно другого уровня военной организации. Если усреднить дальность переправы до 10 км, с учетом обратного пути, времени на погрузку и разгрузку, относительно низкой скорости и грузоподъемности традиционного для черкесов гребного флота, опасностей ночного плавания и т.д. такая переправа, даже при наличии большого числа гребных судов у таманских и других причерноморских черкесов, растянулась бы на недели, создавая прямую угрозу всему войску, лишённому мобильности и разделённому морским проливом. Должны были сложиться исключительные условия, чтобы предводитель конного войска решился на подобную морскую переправу. И такие условия сложились именно в первые годы правления Сахиб-Гирея.

Фактически с первых же дней своего правления Сахиб-Гирей столкнулся со скрытым противодействием своего племянника Ислам-Гирея, который был назначен калгой (вторым после хана сановником в Крыму) и получил в свое непосредственное управление Перекоп и Очаков. Недовольный своим смещением с ханского престола Ислам-Гирей уже летом 1534 г. открыто выступил против действующего хана и попытался выбить его из столицы. Потерпев поражение, он отступил в Перекоп и, тем не менее, провозгласил себя ханом³⁵. Судя по тому, что ему удалось удерживаться там до лета 1537 г. у него была серьёзная поддержка среди крымской и ногайской знати³⁶. Новый калга, назначенный Сахиб-Гиреем, Ахмед-Гирей (1535–1537) – племянник хана и сын Саадет-Гирея I (1524–1532), также вызвал подозрения в измене и был убит в 1537 г., а должность калги перешла к старшему сыну хана Эмин-Гирею³⁷. Только после этого, летом 1537 г. Сахиб-Гирею удалось нейтрализовать своего взбунтовавшегося племянника и выбить его из Перекопа. В августе 1537 г. Ислам-Гирей, скрывавшийся в ногайских улусах, был выслежен и убит³⁸. Именно в эти годы фактического междуцарствия и крайнего ослабления стабильности политической системы Крымского ханства могло произойти такое событие как Бахчисарайский

поход. Несколько лет Крымское ханство не имело легитимного правительства, крымская знать перебежала из одного лагеря в другой, происходила открытая вооруженная борьба за ханский престол между сторонниками Сахиб-Гирея и Ислам-Гирея, а османские власти предпочитали не вмешиваться в нее. Очевидно, после того, как эта ситуация перестала быть свежей новостью для соседей, такой амбициозный военный лидер как Талостан Джанхотов, войдя в соглашение с таманскими и другими прибрежными черкесами, а может быть и с врагами Сахиб-Гирея в Крыму, организовал неожиданный для противника весенне-летний поход с морской переправой через Керченский пролив относительно немногочисленной (до 2–3 тыс. всадников), но хорошо подготовленной уоркской кавалерии. Таких сил было вполне достаточно для быстрого наступления на Бахчисарай и военного грабежа резиденции непопулярного хана, а морская переправа войск в Крым и обратно на Тамань становилась посильной логистической задачей. Риск был оправданным. Военные силы Сахиб-Гирея без поддержки крымской и ногайской знати не могли быть значительны. Все северные ногайские улусы Крымского ханства надежно контролировал Ислам-Гирей, сидевший в Перекопе. Мы ничего не знаем о контактах Талостана Джанхотова с противниками Сахиб-Гирея, кровно заинтересованными в смерти или политическом унижении непопулярного хана. Но принимая во внимание тесные династические и политические связи крымской и черкесской элиты, нельзя исключить их полностью. Тогда становится понятен и объясним стратегический расчет Талостана Джанхотова. Иначе вторжение в самый центр крымских владений могло обернуться военной катастрофой. Османские силы в Крыму были относительно невелики. В начале XVI в. османский наместник Каффы располагал всего 500 всадников, из которых 200 были наемными черкесами³⁹. Отсутствие в Крыму общепризнанного хана нейтрализовывало возможное участие даже этих скромных сил в отражении черкесского вторжения. Очевидно, так и произошло – османы предпочли ограничиться пассивной обороной собственных владений в Крыму. Если бы Сахиб-Гирей мог собрать хотя бы четверть обычной крымской полевой армии (т.е. около 10 тыс. всадников), у Талостана Джанхотова и его войск могли возникнуть серьезные затруднения. Но предводитель черкесского войска правильно рассчитал, что даже в этом случае, потерпев неудачу в Крыму, он сможет организованно отступить, так как Сахиб-Гирей, фактически изолированный в своей столице, не отважится на активное преследование, оставляя у себя в тылу мятежного Ислам-Гирея. Момент был выбран очень удачно, и мы можем оценить стратегический талант Талостана Джанхотова, который сумел трезво оценить ситуацию и использовать ее для дерзкой, но хладнокровно подготовленной, организованной и проведенной демонстрации военных возможностей Кабарды. Тем не менее, Бахчисарайский поход был связан с большими рисками, его удачный исход был далеко не очевиден для его участников, о чем мы можем судить по некоторым косвенным намекам, содержащимся в поэтическом тексте:

«...И сэмыркъом шу хутыкъуахэри дишыжырт.

Его (т.е. Талостана Джанхотова – К.З.) шутики всадников, духом павших, поднимали»⁴⁰.

Самым сложным в подготовке и организации Бахчисарайского похода, безусловно, была морская переправа через Керченский пролив. Наличие целого гребного флота у таманских и других прибрежных черкесских этносоциальных групп в первой половине XVI в. не подлежит сомнению. Но с ними нужно было договориться, мобилизовать ресурсы и оперативно использовать их. Примечательно, что устные предания и поэтический текст просто упоминают о факте морской переправы, как будто это обыденное событие в ряду других во время похода. При этом подробно описываются консультации Талостана Джанхотова со старейшинами, изобретение и изготовление сотни повозок, запряженных лошадьми для перевозки предполагавшейся добычи – тонких тканей, которыми был богат Крым⁴¹. Собственно сам поход по фольклорной версии был организован для добычи в Крыму тонких тканей

после жалобы кабардинских женщин на традиционные грубые сукна, которые они вынуждены изготавливать и в которые вынуждены одеваться⁴². Конская упряжка не использовалась черкесами и в целом народами Кавказа вплоть до второй половины XIX в. и появления в регионе удобных шоссе дорог, в первую очередь из-за особенностей горного ландшафта. Однако само это техническое «новшество» было известно на Кавказе как минимум с эпохи бронзы. В устном предании о Бахчисарайском походе, на наш взгляд, мы имеем весьма любопытный образчик аберрации фольклорного сознания и исторической памяти, когда по-настоящему сложная логистическая проблема организации морской переправы большого конного войска подменена курьезной проблемой обеспечения быстрой перевозки добычи, которую еще надо было взять с бою. Сохранилась лишь своеобразная «транспортная» семантика фольклорного текста в части, касающейся подготовки и организации Бахчисарайского похода.

Таким образом, учитывая исторический контекст, опасности осенне-зимней навигации на Черном море, мы можем с большой долей вероятности датировать Бахчисарайский поход весной-летом 1535 или 1536 гг., когда Сахиб-Гирей находился в крайне стесненных обстоятельствах. Уникальность внутривосточной ситуации в Крыму на протяжении 1535/1536 гг., и то, что она могла радикально измениться в любой момент, также объясняют такой нетрадиционный способ организации Бахчисарайского похода как морская переправа. Возможно, Талостан Джанхотов решил использовать ситуацию и принять организационные риски, связанные с использованием флота в качестве транспортного средства, а не ожидать восемь-десять месяцев установления надежной ледовой переправы с Тамани в Крым в условиях, когда ситуация междоусобицы в Крыму могла неожиданно закончиться победой одного из претендентов. Уже в период консолидации Сахиб-Гиреем властных полномочий и военных сил накануне победы над Ислам-Гиреем в 1537 г. даже теоретически массовое вторжение черкесской конницы в Крым с использованием морской переправы через Керченский пролив стало невозможно. А с весны-лета 1539 г. начинается череда крупномасштабных походов в Черкесию самого Сахиб-Гирея, причем официальным поводом для первого из них послужило нападение черкесских отрядов на османские крепости Таманского полуострова⁴³. Сахиб-Гирей во главе крупных соединений (до 40 тыс.) татарской конницы, подкрепленных отрядами янычар и артиллерией вторгся в Черкесию еще несколько раз – весной и осенью 1545 г., в 1546 г. и последний раз – перед его отставкой и убийством – в 1551 г.⁴⁴ Возможно одной из причин того упорства, с которым Сахиб-Гирей добивался покорности от черкесских княжеств, являлась психологическая травма, полученная им в осажденной столице. Черкесы во главе с Талостаном Джанхотовым сражались с крымцами в предместьях ханской резиденции. Поэтический текст песни о Бахчисарайском походе содержит явные намеки на военный грабеж, даже мародерство, и оскорбление татарских святынь:

«И пщІгьуэлэшхуэри кхьухышхуэ пхашІэкІэ кьытхуэрашэри,
И хьэрзынашэмэ кьуэбыдэ шытхри неубэри.
...Бэхьшысэрэй гушэри кьуэпиблти,
Мы гьушІ пщхьуиблыр хьаньжь гьумым пщІгьэвдзэ.
Хьаньжьмэ ипхьутэкьэ Кустэхьан дахэри,
Щауэ хэплгыьхьти дышэ тахьтэм и щхьэм шогьуэг.
ПщІгьуэлэжьыдзэри хы тьуашІэми ньдошэсыкІри.
– Зы сэбэп кьыхэмыкІьнуми, мэжджыт хужьыжьым
сафІеклуэлІэнш! – жиІаш Андемьркьан.

Его белого коня большого на днище корабля большого возят,
Его добро (т.е. добычу – К.З.) везущие непроходимого ущелья
края утаптывают.

...Бахчисарай о семи углах был,
Эти семь [железных] ошейников недоброму хану
толстому на шею накиньте!

Недоброе хана дочь Кустахан-красавица,
В женихах разборчивая, на золотой тахте рыдает.
На белых конях могучее войско из Междуморья⁴⁵ выступает.
– Пусть пользы не будет, но к белой мечети
большой пробьюсь! – сказал Андемиркан»⁴⁶.

Черкесские исторические предания сохранили память об этом событии, не нашедшем отражения в официальных крымских хрониках. Возможно, дальнейшие исследования с привлечением османских архивов позволят внести корректировку в предложенную нами датировку и интерпретацию Бахчисарайского похода.

Примечания

1. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней в 2-х томах. М., 1967. Т. 1; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
2. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994.
3. *Кожев З.А.* Политическая история Черкесии (с нач. XV в. до 1763 г.) // Адыгская, (черкеская) энциклопедия. М., 2006. С. 175.
4. Адыгэ IуэрыIуатэхэр (Адыгский фольклор). В 2-х томах. Нальчик, Т. 2. С. 164–168.
5. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М. Т. 3. Ч. 1. С. 51–54.
6. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Документы и материалы в 2-х томах. В дальнейшем – КРО. М., 1957. Т. 1. С. 383–386
7. *КъэрдэнгьуцI З.* Тхыгъэ кыхэхэхэр. Налшык, 2009. С. 273–280.
8. КРО. Т. 1. С. 5, 9–10, 383–385.
9. Народные песни и инструментальные наигрыши ... С. 54.
10. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. В дальнейшем – АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 50.
11. *Кожев З.А.* Крымские мотивы в черкесских генеалогических преданиях и их исторические основания // Вестник КБИГИ. 2017. № 4 (35). С. 7–13.
12. *Мирзоев А.С.* Традиции мореходства и пиратства у народов Северо-Западного Кавказа с античных времен по Новое время // Всеобщая история. 2014. № 4. С. 3–10.
13. Сборник Русского Исторического Общества. Т. 41. С. 255.
14. Там же. С. 358, 418.
15. Там же. С. 357.
16. Там же. С. 408.
17. Там же. Т. 95. С. 667–668; *Эвлия Челеби.* Книга путешествия в земли Северного Кавказа, Поволжья, Подонья. М., 1979. Вып. 2. С. 46, 49.
18. Сборник Русского Исторического Общества. Т. 95. С. 516–517, 607.
19. Полное собрание русских летописей // ПСРЛ. СПб., Т. 11. С. 279; Т. 13. С. 60–61; Т. 20. С. 413, 441.
20. *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990. С. 109.
21. Там же.
22. Там же. С. 93.
23. *Карамзин М.Н.* История государства Российского. М., 1988. Т. 7. С. 77–78.
24. *Кожев З.А.* Политическая история Черкесии (с нач. XV в. до 1763 г.) // Адыгская, (черкеская) энциклопедия. М., 2006. С. 175.
25. *Некрасов А.М.* Международные отношения... С. 86, 94.
26. Там же. С. 100; *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Киев–Бахчисарай, 2007. Т. 1. С. 187–188.
27. *Гайворонский О.* Повелители двух материков... С. 187–189.
28. Народные песни и инструментальные наигрыши... С. 53–54; *КъэрдэнгьуцI З.* Тхыгъэ кыхэхэхэр... С. 273.
29. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 104–105; *Кожев З.А.* Происхождение Кемиргоко Идарова // Известия КБНЦ РАН. № 4 (42). Нальчик, 2011. С. 177–182.
30. *Кожев З.А.* Происхождение Кемиргоко Идарова... С. 177–182; *Кожев З.А.* Происхождение и историческая судьба Кемиргоко Идарова // Проблемы сохранения черкесского

фольклора, культуры и языка. Материалы Международной научно-практической конференции памяти М.И. Мижаяева. 2015. С. 140–153.

31. *Кожев З.А.* Происхождение Кемиргоко Идарова... С. 180.

32. Народные песни и инструментальные наигрыши... С. 53–54; *КъэрдэнгъуцІ З. Тхыгъэ кыхэхэхэр...* С. 273.

33. *Некрасов А.М.* Международные отношения... С. 104.

34. Детальные оценки военных сил основных уделов Кабарды (кроме Джиляхстаня) в середине XVII в., составляют 2055 дворян-уорков и примерно в два раза больше простой конницы – «черных людей». Если предположить, что военные силы Джиляхстаня, самого слабого кабардинского удела, были равны потенциалу Идарея, можно добавить к этому числу еще 350 уорков и 700 человек простой конницы. В итоге мы получим примерно 7200 человек. Учитывая, что на момент Бахчисарайского похода от Кабарды еще не отделился Бесленей, итоговая цифра может быть увеличена еще примерно на тысячу всадников (см. КРО. Т. 1. С. 384–387).

35. *Гайворонский О.* Повелители двух материков... С. 194–196.

36. Там же. С. 194–198.

37. Там же. С. 196–198.

38. Там же. С. 198–199.

39. Сборник Русского Исторического Общества. Т. 41. С. 357.

40. Народные песни и инструментальные наигрыши... С. 53–54.

41. *КъэрдэнгъуцІ З.* Тхыгъэ кыхэхэхэр... С. 270–273.

42. Там же.

43. *Некрасов А.М.* Международные отношения... С. 104.

44. Там же. С. 104, 109–111.

45. Междуморье (Хы тІгуащІэ) – метонимическое обозначение Кабарды.

46. Народные песни и инструментальные наигрыши... С. 54.

THE BAKHCHISARAI CAMPAIGN (БАХЪШЫСЭРЕЙ ЗЕКІУЭ): THE PROBLEM OF DATING

Kozhev Zaurbek Andzorovich, Candidate of History, Head of the Medieval and Modern History Department of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), zaurbek_k@mail.ru

The article is devoted to one of the most significant events in the military-political history of Kabarda – a successful campaign against the Crimean Khanate, which, according to historical legends, ended with the siege of the capital of the Khanate – Bakhchisarai and receiving a rich ransom from the Crimean Khan. The Crimean Khanate, from the moment of its formation, and especially after the inclusion of the Ottoman Empire in the political system, was the most powerful, aggressive and dangerous neighbor of the Circassian polities of the North Caucasus. For several centuries, Circassian state-political entities waged a stubborn struggle for de facto independence against the imperial gripes of the Crimean Girey, heirs of the Golden Horde imperial power. The early stage of the Crimean-Circassian relations (second half. XV-first half of the XVI centuries) – before the involvement of the North Caucasus in the orbit of the foreign policy interests of the Russian state, is poorly studied due to the extreme scarcity of written sources. Therefore, Circassian legends, historical and heroic songs of the early cycle are of particular value as an important historical source. One of them is the “Song about the Bakhchisarai campaign” (“Бахъшысэрей зекІуэм и уэрэд”) and the accompanying folklore texts, which reflect a very important episode of the Kabardino-Crimean relations. The historical legend has kept the curious details of the organization of the campaign, the names of the military leader and famous participants (Talostan Dzhahhotov, Andemirkan, brothers Echanokovs etc.). The problem of dating this event is quite satisfactorily solved by comparing the historical legend about the Bakhchisarai campaign with other folklore materials, written sources and pedigree lists of Kabardian princely houses.

Keywords: Kabarda, Crimean Khanate, Bakhchisarai, Kabardino-Crimean relations, Talostan Dzhahhotov, Andemirkan, military-political history, dating.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-45-54

**ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК
В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ
(февраль 1917 – март 1918 г.)**

Жанситов Осман Асланович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), osman.zhansitov@yandex.ru

В статье исследуется политическая борьба в Кабарде и Балкарии в период после свержения монархии в России в феврале 1917 г и до момента провозглашения в регионе советской власти в марте 1918 г.

Отмечается, что спецификой разворачивавшихся здесь на данном этапе революционных процессов являлось параллельное сосуществование нескольких политических группировок, претендующих на единоличную власть: Совет рабочих и солдатских депутатов, Гражданский исполнительный комитет и Союз объединённых горцев. При этом, если первые две группировки представляли на местах противоборствующие в центре страны политические силы – большевиков и Временное правительство, то последняя обозначила собственную повестку, заключающуюся в преодолении колониального состояния коренного населения и достижении национальной автономии. Делается вывод, что наличие в регионе различных векторов постимперского развития, обусловило проблематичность и «запоздалость» провозглашения здесь советской власти, ставшего возможным лишь спустя четыре месяца после октябрьского переворота.

Ключевые слова: Кабарда, Балкария, большевики, Временное правительство, горцы, автономия, Терская область, советская власть, революция.

Революционные процессы, охватившие Россию в 1917 г., затронули и Терскую область. Развитие событий в центре во многом определило политическую ситуацию в окраинах. Политические силы, участвовавшие в свержении самодержавия, приступили к формированию новых органов власти. Усилиями большевиков были организованы Советы рабочих и солдатских депутатов. «Буржуазные» деятели 2 марта сформировали Временное правительство.

Отсутствие единой власти в центре было характерным и для Терской области. Здесь, в городах, с марта 1917 г. начинают формироваться Советы рабочих и солдатских депутатов, подчинявшихся областному совету во главе с К. Мамуловым.

Советам на Тереке противостоял Терский областной гражданский исполнительный комитет. Его возглавлял кабардинский коннозаводчик П. Коцев, помощниками стали атаман Терского казачьего войска – М. Караулов и князь Алхасов. В руководство комитета вошли также представители интеллигенции – адвокат Т. Шакманов, эсер В. Олышанский и др.

На состоявшемся 18–20 мая 1917 г., во Владикавказе съезде народов Терека, было принято «Положение о временном самоуправлении Терской области». «Положение» признавало областной гражданский исполнительный комитет источником внешней исполнительной власти на Тереке и предполагало подчинение Временному правительству.

Революционные события пробудили национальные движения на Тереке, которые формировали свои властные структуры. Горская интеллигенция, увидевшая в февральских событиях шанс для достижения свободного развития национальной, культурной, экономической, религиозной жизни своих народов, создала свое правительство – «Союз объединенных горцев Кавказа» (март 1917 г.). Многотысячное терское казачество также не осталось в стороне от политических событий и, желая «лучшей доли» в новых условиях, образовало Войсковое казачье правительство, которое возглавил член Государственной думы М. Караулов. Создание национальных правительств в 1917 г. на Тереке ясно показывало, что здесь намечается не только политическая борьба, но и национальная и религиозная, одной из причин которой, являлся остро стоявший на Тереке земельный вопрос.

Советские историки считают, что после Февральской революции большевикам на Тереке противостояли одновременно три правительства. – Областной гражданский исполнительный комитет, Союз объединенных горцев Кавказа и Войсковое правительство Терского казачества, тем самым объединяя эти три политические группировки в единый антибольшевистский лагерь. Однако единства в этом лагере не было, и главного противника каждая из указанных сторон на данном этапе видела не в большевиках, а скорее друг в друге. Напротив, большевистские настроения можно было использовать в своих целях. 27 марта 1917 г. В Нальчикском округе был образован Нальчикский окружной исполнительный комитет, подчинявшийся областному. Его руководство составили представители кабардинской и балкарской интеллигенции, чиновники дореволюционной администрации Г. Сохов (председатель), И. Абанокв, И. Урусбиев, П. Коцев, Б. Шаханов, Т. Шакманов, Б. Карачаев. Окружным комиссаром был назначен Х. Чижигов.

На организацию властных структур в Нальчикском округе, как и в области, оказали влияние национальные противоречия. Представители русского населения округа отказались от предложенных им двух мест в окружном исполнительном комитете и сформировали отдельный исполком – слободскую думу, призванную защищать интересы русских жителей.

В отличие от буржуазии, быстро сформировавшей новые органы власти в округе, и наладившей их работу, большевистские политические структуры находились только на стадии организации. Революционная «беднота» не имела на данном этапе сколько-нибудь серьезного политического влияния. Ее организацией занялись областные большевистские деятели. В Нальчикский округ были направлены опытные революционеры И. Осокин, М. Кольбус и др. Привлекая к работе местных лидеров крестьянского революционного движения (Бесланев, Калмыков, Энеев, Карашаев, Настуев и др.), они наладили агитационную деятельность в округе среди солдатских частей и жителей селений. Следует отметить, что если задачей Нальчикского окружного исполкома являлось сохранение существующего политического положения, достигнутого после Февральской революции, то в планы большевиков и эсеров входило социалистическое переустройство мира. В марте 1917 г. в Нальчикском округе была создана организация Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП).

Чуть позже был избран Нальчикский совет рабочих депутатов. Июльский политический кризис в Петрограде (многотысячные демонстрации в поддержку Советов, подавленные генералом Половцевым), отразился на развитии событий и на Тереке, где все отчетливее ощущалась активность большевиков. Спустя 3 дня после событий в Петрограде, во Владикавказе был образован военный комитет, который сосредоточил в своих руках всю власть.

Жесткую позицию в отношении большевиков заняло руководство Союза объединенных горцев. В обращении «Ко всем горским народам...» оно призывало не поддаваться на провокации большевиков, разжигающих национальные и социальные конфликты в Терской области.

Успешные попытки большевистских деятелей по привлечению под свои знамена солдатских частей, расположенных в регионе, заставили руководство Союза объединенных горцев и Войскового казачьего круга решать вопрос об организации в срочном порядке военной силы для защиты «февральских завоеваний». При посредничестве Караулова, штаб Кавказской армии направил во Владикавказ три кавалерийских полка. Принятые меры позволили временно стабилизировать ситуацию в регионе.

Захватив власть в центре в ноябре 1917 г., большевики стремились распространить ее на окраины, в том числе и на области Северного Кавказа, одновременно решая задачи его сохранения в составе страны. Однако здесь продолжали действовать созданные после Февральской революции и стоящие на ее позициях политические структуры, которые, не признав октябрьского переворота, образовали Терско-Дагестанское правительство. В его декларации от 5 декабря 1917 г. указывалось: «Падение Временного правительства под ударами большевиков оставило страну без общепризнанной власти... Временное правительство Союза горцев Кавказа (Союз Объединённых Горцев Северного Кавказа и Дагестана. – О.Ж.) и Войсковое правительство Терского Казачьего Войска признали необходимым временно отказаться от части своих полномочий и образовать совместно с Союзом городов Терской и Дагестанской областей Временное Терско-Дагестанское Правительство, облеченное впредь до создания основных законов, полнотой общей и местной государственной власти»¹. В письме представителю германской делегации член Горского Правительства З. Темирханов сообщил: «После Октябрьской революции Центральный Комитет Союза, отказавшись признать правительство большевиков, взял в свои руки верховную власть на своей территории до того времени, когда могло бы быть созвано Учредительное собрание. С тех пор Центральный комитет Союза ... управлял страной не имея никаких сношений с русским правительством в Петербурге и Москве. Отказ признать большевистское правительство вовлек нас в войну с большевиками»².

Таким образом, с ноября 1917 г. большевики на Тереке перестали рассматриваться как союзники в победе над самодержавием и воспринимались как контрреволюционная сила, угрожающая февральским завоеваниям, частью которых были и начавшиеся процессы национально-государственного строительства. В этих условиях, одной из важных задач для местных органов власти стала борьба с распространением большевизма, выразившаяся, прежде всего, в нейтрализации находящихся на Тереке солдатских масс, которые организовывались большевиками в сочувствующие им отряды. Опорой властей в этом деле был вернувшийся на Родину Кавказский конный корпус (Дикая дивизия).

После Февральской революции власть в Кабарде и Балкарии, которые образовывали в то время Нальчикский округ, осуществлялась Нальчикским окружным гражданским исполнительным комитетом, подчинявшимся областной администрации и «Союзу объединенных горцев». В Исполком, возглавленный Г. Соховым, вошли представители кабардинской и балкарской интеллигенции, «имевшие значительный опыт работы в прежних административных и судебных органах»³. Комиссаром Нальчикского округа стал Х. Чежоков. В это же время усилиями большевиков в Нальчике была создана организация Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). В начале июля Совет рабочих депутатов Нальчика и Прохладной объединился с Советами солдатских депутатов, что «значительно укрепило позиции организации РСДРП»⁴.

В этих условиях, Нальчикский исполком пытался не допускать вмешательства Совета, претендовавшего на власть, в управление делами округа, считая его деятельность провокаторской, что выражалось в натравливании одной части населения на другую – арендаторов против собственников земли⁵.

Нальчикский исполком предпринимал меры к сглаживанию социальных противоречий в округе, разжигание которых было на руку большевикам. В воззвании к

населению Нальчикского округа, члены Комитета обратились с просьбой к кабардинским обществам «не допускать в отношении бывших арендаторов Зольских участков никаких насилий»⁶.

Стремясь ограничить «провокационную» деятельность Совета рабочих депутатов, Нальчикский гражданский исполком запретил ему «вести работу среди кабардинских и балкарских крестьян»⁷.

Борьба с деятельностью большевиков в Нальчикском округе пошла успешней, когда сюда 10 октября 1917 г. вернулся Кабардинский конный полк, который был «торжественно встречен в сл. Нальчик представителями народа. Три первые сотни расположились в Нальчике. Четвертую, под командой Хана-Эриванского, отправили в Малую Кабарду (Муртазово-Астемирово), где было беспокойно из-за соседства с ингушскими абреками, уже тогда перевоплотившимися в большевиков»⁸.

Командующий Кавказским конным корпусом генерал-лейтенант П. Половцев в телеграмме командиру Кабардинского полка полковнику В. Абелову сообщил о свержении Временного Правительства и переходе власти к большевикам и о том, что Кавказский конный корпус и все входившие в него полки, в том числе и Кабардинский, подчиняются только приказам ЦК Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана⁹.

В ноябре 1917 года силами Кабардинского полка было начато разоружение большевистски настроенных солдатских частей, которое коснулось 251-й Самарской дружины, несшей гарнизонную службу в Нальчике, а так же артиллерийского дивизиона, солдаты которого вносили «смуту и разврат в жизнь слободы»¹⁰.

Следует отметить, что власти Нальчикского округа и общество, поначалу, воспринимали большевизм, как чуждое для кабардинцев и балкарцев явление, пришедшее из вне и воспринятое частью русского населения. «В кабардинских селах, – вспоминал революционер С. Русаков, – о большевиках были самые вздорные слухи, вплоть до общих жен, закрытия мечетей, отбирания земель в пользу большевиков. Под большевиками понимали только русских иногородних»¹¹.

Первые большевистские организации в Кабарде и Балкарии состояли в основном из русских. Вышеупомянутый С. Русаков писал, что, прибыв в Нальчик, он «начал искать пути организации партии, минуя кабардино-балкарских вожаков»¹².

Однако, в дальнейшем, большевики втягивают в свое движение часть местного населения, не довольного существующим положением. Д. Коренев отмечал, что в Кабардино-Балкарии часть низшего духовенства была заинтересована в передаче крестьянам помещичьих земель. Среди мулл нашлись знатоки и толкователи шариата, утверждавшие, что именно по шариату крестьяне имеют право на помещичьи земли, так как земля должна принадлежать тем, кто ее «воскрешает», то есть трудится на земле. В Кабардино-Балкарии идеологом этого движения стал молодой ученый арабист Назир Катханов¹³.

К. Чхеидзе, говоря о распространении большевизма в Кабарде через солдатские части писал: «... было еще одно – и совершенно неожиданное – увлечение идеями Октябрьской революции: группа религиозно-национально настроенных учеников мусульманской духовной школы верила, что именно большевистский октябрь принесет Кабарде обновление слова пророка Магомета и народной души. Именно этому революционно-религиозному течению и досталась, в конце концов, победа над остальными течениями»¹⁴.

Объединение этого течения с большевистским не было на руку властям Нальчикского округа, которые всячески пытались блокировать деятельность местных сил, поддерживающих большевиков. 4 марта 1918 г. в телеграмме Пятигорскому съезду народов Терека, решавшему вопросы признания советской власти, Нальчикский исполком заявил, что местное население разделяет убеждения Терско-Дагестанского правительства, и только Учредительное собрание может создать истинную народную власть. «Одновременно исполнительный комитет заявляет, что на Пятигорский съезд от кабардинцев и горских обществ делегаты

не обладают полномочиями правильно выбранных по четырехчленной системе и пропорциональности населения, что отсутствие на съезде целых народностей и их протесты усугубляют неправомочность съезда разрешить вопросы, касающиеся всей области»¹⁵.

Пятигорский съезд по существу являлся продолжением Моздокского (21–31 января 1918 г.), на котором был избран Терский областной народный Совет. 15 февраля 1918 г. в Пятигорске собралось около шестиста делегатов от Пятигорского, Сунженского, Моздокского, Кизлярского отделов, Владикавказского и Нальчикского округов Терской области. Национальное представительство расширилось за счет участия чеченской и ингушской делегаций, что придавало больший политический вес его решениям. Одним из них было придание Терской области статуса национально-территориальной автономии в составе Российской Федерации: «Как составная часть Российской Федерации Терская область является союзом народов и племен, живущих в ее пределах, политическое участие которых в управлении областью выражается в пропорциональном представительстве в составе единого объединенного органа областной власти»¹⁶.

Органами местного самоуправления стали Советы, выполнявшие также функции национального самоуправления. Новые органы власти на Тереке – народные Советы – большевики, стремящиеся к диктатуре пролетариата, воспринимали как компромисс. Они не рискнули сразу же образовывать Совдепы в регионе, где пролетариат являлся меньшинством. Народные Советы были представлены широкой социальной базой и формировались на основе всеобщего избирательного права. Каждому народу, отмечал Д. Коренев, большевики предоставили «право организовывать свои народные суды, творящие правосудие, согласно народным обычаям и правам, не противоречащим основным принципам законов Российской республики»¹⁷.

Стремление большевиков к дружбе и равноправию народов Терека, не могло быть достигнуто без решения остро стоящего земельного вопроса. Наделение землей одних народов, проходило за счет ее отчуждения от других, что придавало революционным процессам в регионе национальный характер и затрудняло «бескровное» установление здесь советской власти.

Несмотря на нерешенность многих вопросов, 4 марта Пятигорский съезд признал власть Совета народных комиссаров. Причем большую активность в этом проявила делегация из Нальчикского округа – самая многочисленная на съезде (131 человек). Советские историки считают это свидетельством активизации революционных процессов в Кабарде и Балкарии, поддержки и понимания основной массой населения идей большевистской революции. Однако нельзя считать кабардино-балкарских делегатов выразителями интересов всего народа. Скорее это была идеологически обработанная, сагитированная большевиками центра группа революционных активистов, почувствовавшая «запах власти» и имеющая возможность его получить в Кабарде только через социалистические завоевания. Нельзя отрицать и то, что делегаты из Кабарды и Балкарии, желая блага своим народам, вдохновились большевистскими лозунгами, предполагавшими скорейшего достижения этих благ.

После провозглашения Советской власти на Тереке, были избраны Терский народный совет и Совет народных комиссаров. Последний возглавил Н. Буачидзе. 9 апреля 1918 г. была принята Конституция Терской Республики, согласно которой верховная власть в регионе осуществлялась народным съездом, собиравшимся 2 раза в год. Основные положения конституции сводились к следующему: 1. Терский край есть составная часть Российской Федеративной Советской Республики на основе свободного союза свободных наций; 2. В пределах, представленных основными законами Российской Федеративной Советской Республики, Терский край имеет всю полноту власти на своей территории; 3. Народная власть Терского края имеет целью охранять революционный правопорядок, поддерживать спокойствие

и гражданский порядок края, защищать свободу и права трудовых масс и содействовать дальнейшему освобождению трудящихся от гнета эксплуататоров¹⁸.

Центральная большевистская власть внимательно следила за событиями на Тереке и «давала указания» местным революционным деятелям, относительно вопросов построения новой власти. Последним приходилось бороться не только за торжество социализма на Тереке, но и за сохранение региона в составе России. Это стремление было отражено в приведенном выше положении конституции. Однако, если «революционные массы» Терской области – приняли такое положение, то противостоящий им лагерь, представленный Союзом объединенных горцев и Войсковым казачьим правительством, проявлял «сепаратистские» настроения. Учитывая это, власть не позиционировала себя «как диктатура пролетариата и за исключением «явных постреволуционеро́в», была открыта для широких социальных слоев. Такое положение, отмечал У. Улигов, «открывало доступ в областные, окружные и отдельские съезды и Советы и лицам нетрудового происхождения: местным цензовикам, представителям так называемой национальной интеллигенции, духовенства, офицерства и т.д. Это было характерной особенностью системы Народных Советов, являвшихся тогда местом сосредоточения мелкобуржуазных масс и выразителем их интересов»¹⁹. Эта открытость Советской власти являлась не только следствием отсутствия в регионе широких пролетарских кадров, но и имела целью ослабить антибольшевистский лагерь, переманив его сторонников под свои знамена.

Но принимаемые меры не могли повлиять на развитие ситуации в Крае. Большевики постепенно набирали силу, а Терско-Дагестанское правительство теряло свое влияние. Начался распад Кавказского конного корпуса, являвшегося его опорой. К началу марта 1918 г. фактически распался и Кабардинский конный полк, насчитывавший в своих рядах не более 150 служащих²⁰.

4 марта Пятигорский съезд народов Терека признал власть Совета Народных Комиссаров и провозгласил образование Терской советской республики. В Кабарде и Балкарии, тем не менее, продолжал еще действовать Нальчикский исполком. «Однако местные власти и общество, – вспоминал К. Чхеидзе, – отдавали себе отчет в неизбежности столкновения с большевизмом. Начали разрабатываться различные подходы к решению уже ошутимого конфликта. Были сторонники немедленной вооруженной борьбы. Их позиции укреплялись людьми, уже испытывавшими гнет коммунистического режима. Это были беженцы с областей, где уже установилась Советская власть. Группа кабардинской молодежи, главным образом, интеллигенция, не служившая в полку, или в учреждениях, требовала организации добровольческих отрядов и обороны Кабарды до последних сил. Открыта была запись в предполагаемый добровольческий отряд. Большим энтузиастом в этой группе был студент Батырбек Абуков. Другая тактика подсказывалась местными социалистами: безболезненное признание советской власти и через участие в выборах вхождение в состав местного Совета. Предполагалось (и наивно), что большевики пойдут на коалицию. Управление округа и военное начальство придерживалось неопределенной линии: ни мира, ни войны. В их оправдание надо сказать, что велика была их вера в благородство и дисциплину кабардинского народа... Конечно, Кабарда не имела возможности для отражения Советских сил Терской области. И в начале 1918 г. если бы она подняла такую борьбу, то без сомнения осталась бы в одиночестве. Все это вместе взятое привело к осознанию невозможности активной борьбы и временной ее нежелательности»²¹.

В этих условиях, 21 марта 1918 г. 1 Окружной народный съезд провозгласил в Кабарде и Балкарии советскую власть и образовал Окружной народный Совет. Пришедшие после Февральской революции к власти в Кабарде и Балкарии политические круги, в конечном итоге уступили эту власть большевикам, которых воспринимали как контрреволюционную силу и с тех пор сами перешли в разряд контрреволюционеро́в.

Примечания

1. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. (1917–1918 гг.); Горская республика (1918–1920 гг.) док. и материалы. Махачкала, 1994. С. 93–94.
2. Там же. С. 106.
3. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 36.
4. *Улигов У.А.* Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик, 1979. С. 86.
5. УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 38. Л. 58.
6. Там же. Л. 41.
7. Воспоминания участников Октябрьской революции Гражданской войны в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981. С. 43.
8. ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 16. Л. 29.
9. *Опрышко О.* Бывают странные сближения. Нальчик, 1998. С. 160.
10. Документы по истории борьбы за Советскую Власть и образование Автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922). Нальчик, 1983. С. 59.
11. *Русаков С.Г.* Воспоминания о революционной деятельности в КБАССР 1917–1920 гг. Архив КБИГИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 38. Л. 18.
12. Там же. Л. 9.
13. *Корнев Д.З.* Революция на Тереке. Орджоникидзе, 1967. С. 36–37.
14. *Чхеидзе К.А.* Страна Прометея. Нальчик, 2004. С. 190.
15. Документы по истории борьбы за Советскую власть... Указ. соч. С. 95.
16. Съезды народов Терека. 1918. Т. 1. С. 132.
17. *Корнев Д.З.* Указ соч. 1967. С. 147.
18. *Улигов У.А.* Указ соч. С. 118.
19. Там же. С. 117.
20. *Опрышко О.* Указ. соч. С. 166.
21. ГАРФ. Там же. С. 50–52.

FORMATION AND ACTIVITY OF POLITICAL GROUPS IN KABARDA AND BALKARIA (February 1917 – March 1918)

Zhansitov Osman Aslanovich, Candidate of History, Senior researcher of the Department of Modern History of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), osman.zhansitov@yandex.ru

The article examines the political struggle in Kabarda and Balkaria in the period after the overthrow of the monarchy in Russia in February 1917 and until the proclamation of Soviet power in the region in March 1918. It is noted that the specifics of the revolutionary processes unfolding here at this stage were the parallel coexistence of several political groups claiming to be the sole authority: the Soviets of Workers 'and Soldiers' Deputies, the Civil Executive Committees and the Union of United Highlanders. Moreover, if the first two groups represented political forces fighting in the center of the country – the Bolsheviks and the Provisional Government – the latter set its own agenda, which was to overcome the colonial state of the indigenous population and achieve national autonomy. It is concluded that the presence in the region of various vectors of post-imperial development led to the problematic and “late” proclamation of the Soviet power here, which became possible only four months after the October revolution.

Keywords: Kabarda, Balkaria, Bolsheviks, Provisional Government, Highlanders, autonomy, Terek region, Soviet power, revolution.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-55-61

СОЗДАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОСОБЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ НА КАВКАЗЕ В 30–50 гг. XIX в.

Глашева Зулейха Жамботовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (ИГИ КБНЦ РАН), zu-20.80@list.ru

Статья посвящена истории образования и начальному периоду деятельности учреждений, связанных с управлением Кавказом: Закавказским и Кавказским комитетами, Кавказским наместничеством, VI временным отделением при императорской канцелярии. Новизна исследования определяется введением в научный оборот новых материалов, которые характеризуют деятельность исследуемых органов управления регионом. Обращение к данной проблеме позволяет рассмотреть механизмы управления, с помощью которых осуществлялись административные преобразования на Кавказе, направленные на интеграцию региона в состав Российской империи. Особое внимание уделяется особенностям взаимоотношений исследуемых органов управления между собой в 30–50-е гг. XIX в. В статье обозначены изменения в подходах к организации управления краем. Показаны особенности проведения административных преобразований. Автор приходит к выводу о том, что реформы оказывались неэффективными из-за несбалансированности и непоследовательности действий властей. Перед правительством встал вопрос о необходимости корректировки, а в дальнейшем и кардинальной реорганизации управления Кавказом и приведения его в определенную систему. Актуальность исследования обусловлена недостаточным изучением в отечественной историографии организации управления окраинами Российской империи.

Ключевые слова: Закавказский комитет, Кавказский комитет, Кавказское наместничество, гражданское устроительство Кавказа, административные преобразования.

Важным шагом по реализации геополитики Российской империи на южных рубежах, было присоединение Кавказа. Затем правительство на данной территории занялось установлением прочной политической власти для постепенного придания ей определенного административного статуса. Кавказ попал в зону активной политики Российской империи с середины XVIII в. и с этого времени здесь непрерывно велся активный поиск оптимальных форм управления с учетом региональных особенностей. В результате была найдена наиболее эффективная, с учетом поставленных на тот момент целей, система взаимодействия центральной и региональной властей. Государственное управление позволило решать проблемы Кавказа на региональном уровне в рамках Кавказского комитета и Наместничества. В отечественной историографии проблемы организации управления Кавказом исследовались многими авторами¹.

В рассматриваемый период в Кавказской области сохранялся особенный порядок управления, который отличался от общероссийского тем, что военная и гражданская власть была сосредоточена в одних руках. Управление гражданской властью в Кавказской области и Черномории было юридически подчинено начальнику Кавказской области, который являлся одновременно командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории, а также наказным атаманом Черноморского казачьего войска. После преобразования Кавказской области в Ставропольскую

губернию, гражданский губернатор продолжал оставаться в подчинении командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории и совмещал эту должность с управлением гражданской частью Ставропольской губернии. Одновременно он оставался наказным атаманом Черноморского казачьего войска. В Ставропольской губернии фактически осуществлялась власть военного губернатора с широкими полномочиями.

11 июля 1833 г. Николай I учредил Комитет для разработки положений о гражданском управлении в Закавказье. В 1838 г. в результате работы специальной комиссии под председательством сенатора П.В. Гана, были разработаны важные законопроекты, такие как: «Учреждение для управления Закавказским краем», «Штаты Гражданского управления за Кавказом», «Положение о городском общественном управлении», «Положение о преимуществах чиновников, служащих за Кавказом». Все они 10 апреля 1840 г. были утверждены и переданы в Сенат. Контроль за проведением их в жизнь был возложен на особый Комитет. Однако законопроекты встретили сопротивление со стороны местного населения, что потребовало внести изменения в систему высшего управления. Новое учреждение получило название Комитет по делам Закавказского края. Кроме Комитета было создано Временное отделение в составе Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Комитет был учрежден для предварительного рассмотрения всех дел по управлению краем, а временное отделение для обработки всех новых положений по устройству края и для делопроизводства. В учрежденную временную государственную структуру для надзора и управления за кавказской администрацией входили многие министры. Закавказский комитет стал высшим исполнительным и законосовещательным учреждением Кавказа, но при этом находился в Санкт-Петербурге.

10 апреля 1840 г. Николай I утвердил проект, получивший название «Учреждение для управления Закавказским краем»², согласно которому создавалось Главное управление Закавказским краем, включавшее в себя главноуправляющего краем, Тифлиского военного губернатора и Совет Главного управления. По новому учреждению Закавказский край, за исключением Абхазии, Мингрелии и Сванетии, управлявшихся своими владельцами, в административном отношении разделялся на две части: западную Грузино-Имеретинскую губернию, и восточную Каспийскую область, Дербентский и Кубинский уезды были поставлены под управлением Дербентского военно-окружного начальника, подчиненного непосредственно главноуправляющему³. Грузино-Имеретинская губерния разделялась на 11 уездов: Тифлиский, Горийский, Телавский, Белоканский, Кутаисский, Елисаветпольский, Александровский, Эриванский, Нахичеванский, Ахалцыхский и Гурийский с центром в г. Тифлисе. Каспийская область разделялась на 7 уездов: Ширванский, Карабахский, Шекинский, Тальшинский, Бакинский и на входящие в военный округ уезды Дербентский и Кубинский⁴ с центром в г. Шемахе.

30 августа 1842 г. для повышения эффективности действий исполнительной и законодательной власти на Кавказе, был учрежден особый Комитет и Временное Отделение для управления Закавказским краем⁵, которое рассматривало все дела по Закавказью, требовавшие законодательных мер. После изучения императором, дела направлялись на рассмотрение в Закавказский комитет. Все дела по краю, не требовавшие новых законодательных мер и превышавшие власть министров, также представлялись на высочайшее рассмотрение через комитет.

3 февраля 1845 г. Закавказский комитет был преобразован в Кавказский комитет, в который были отнесены все дела, относящиеся к Кавказской области и Закавказскому краю, разрешение которых выходило за пределы компетенции Наместника Кавказа, министров и главноуправляющих. Он лишился статуса органа высшего управления и надзора за местной администрацией, но сохранял законодательные функции в управлении краем. Комитет осуществлял координацию политики Кавказской администрации с деятельностью центральных органов власти.

В функции Кавказского комитета входило не столько управление, сколько координация политики кавказских властей с деятельностью центральных органов власти. На Кавказе был распространен общеимперский принцип управления, который негативно сказался на положении российской администрации, так как многие законы были фактически неприменимы в этом регионе. Доводилась до абсолюта система бюрократической централизации Кавказа при полном игнорировании внутрорегиональных, культурно-этнических и социально-правовых особенностей края. Высший контроль за введением на Кавказе новой системы управления возлагался на Кавказский комитет и Наместника.

Учреждение Кавказского комитета в 1845 г. было вызвано необходимостью введения на Кавказе специфической формы управления – наместничества. Он являлся высшим законосовещательным органом, который занимался разработкой и введением общих законов на окраинах империи. В него входили многие влиятельные чиновники, наделенные значительными полномочиями. Учреждение Кавказского комитета было попыткой приспособить российское законодательство к местному управлению Закавказьем и Кавказом, которые в первой четверти XIX в. представляли собой пеструю картину отличных друг от друга в политическом, социально-экономическом и культурном отношении областей. В состав комитета вошли опытные чиновники, занимавшие министерские и другие высокие посты: военный министр генерал-адъютант князь А.И. Чернышов (председатель), великий князь цесаревич Александр Николаевич, шеф жандармов генерал-адъютант граф А.Р. Орлов, министр государственных имуществ граф И.Д. Киселев, председатель департамента законов Государственного Совета граф Д.Н. Блудов, министр финансов статс-секретарь Ф.П. Воронченко, министр внутренних дел граф Л.А. Перовский, министр юстиции граф В.Н. Панин. Управляющим делами комитета был назначен В.П. Бутков⁶. Этот состав Кавказского комитета не менялся вплоть до 1852 г.

27 декабря 1844 г. было учреждено Кавказское наместничество, получившее статус высшего государственного органа на Кавказе, совмещавшего административные, военные и гражданские функции. К числу основных задач, поставленных перед институтом Кавказского наместничества, входило: организация военных действий, управление горскими обществами и подавление их вооруженных выступлений в случае неповиновения российским властям. Глава Кавказской администрации обладал широкими военными и гражданскими полномочиями, позволяющими проявлять достаточную самостоятельность в решении практически всех местных задач. Наместник являлся единоличным распорядителем Кавказа, что позволяет говорить о создании здесь своеобразной административной автономии, ведавшей всеми административными и хозяйственно-экономическими делами, но она не обособливалась от общеимперской политики. Во главе новой формы управления Кавказом, стоял Наместник с неограниченными полномочиями. Правительственные ведомства лишались административного контроля над его деятельностью, что давало возможность при необходимости обращаться непосредственно к самому императору⁷. Наместнику предоставлялись также широкие военные полномочия – одновременно он являлся главнокомандующим Кавказской армией. Институт наместничества сосредотачивал в своих руках все управление краем, определяя фактически политику России в регионе⁸. С учреждением Наместничества упразднялось VI Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, ведавшее управлением Кавказа. Распоряжения, поступавшие от центральных органов власти, передавались Наместнику, минуя областное и губернское правление. Без согласия Наместника не могло быть исполнено ни одно распоряжение центральных органов власти.

Все важные вопросы, связанные с изменением административно-территориального деления Кавказа и управления горскими народами, а также проекты по экономическому развитию края, Наместник представлял на разрешение и

утверждение председателя Кавказского комитета. Наместник, используя свои полномочия, распределял полученную информацию, учитывая степень ее важности, по следующим инстанциям: император, Кавказский комитет, министерства. Однако не исключались случаи, когда Наместник мог сам обратиться по интересующим его вопросам непосредственно в министерства, минуя председателя Кавказского комитета. Наместнику также предоставлялись широкие полномочия в судебной сфере.

Изменение политической обстановки, военные действия, развитие экономических институтов в Кавказском регионе, потребовали особого подхода и оперативности в решении задач различного характера. Процесс формирования института наместничества длился почти два года, завершившись в 1846 г. В этот период были определены и разграничены функции наместника и Кавказского комитета.

27 декабря 1844 г. император назначил М.С. Воронцова Наместником, с 1845 г. он стал совмещать две должности: Наместника Кавказа и главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом. Это подчеркнуло его расширенные полномочия. В качестве главнокомандующего Кавказским корпусом, М.С. Воронцов получил также особые полномочия во всех губерниях и территориях, объявленных на военном положении⁹. Рескриптом от 30 января 1845 г. «О усилении прав Главноуправляющего гражданской частью на Кавказе», с февраля 1845 г. должность официально стала именоваться «Наместник Кавказский», что впервые было зафиксировано в положении о канцелярии Кавказского комитета от 3 февраля 1845 г. Широкие полномочия закрепленные за М.С. Воронцовым, позволили ему самостоятельно, с учетом специфики региона, решать возникавшие проблемы на месте, не дожидаясь разрешения министерств и докладывать непосредственно императору. М.С. Воронцов получил также право определять круг дел, направляемых на рассмотрение Совета Главного управления Закавказского края, что снизило роль данного органа государственного управления¹⁰. Впоследствии влиять на Совет наместник мог через начальника гражданского управления Закавказского края, который также возглавлял Совет Главного управления. Значение главноуправляющего гражданской частью Закавказского края снизилось. Он перестал быть главой исполнительной власти в регионе, а его должность была преобразована в должность начальника гражданского управления. Он контролировал весь аппарат управления регионом, включая входящих в состав некоторых из отделов военных чиновников, а также местные правительственные учреждения, невзирая на их ведомственную принадлежность. При этом он имел право напрямую связываться с министрами, распоряжения которых, обязательные для всей страны, на Кавказе вводились только после личного утверждения Наместника, который проверял степень их соответствия региональным условиям.

Резиденцией наместника и административным центром Кавказского наместничества стал Тифлис. Наместничество объединило в себя территорию Кавказской области, Черноморскую береговую линию, земли войска Черноморского, а также Каспийскую область и Грузино-Имеретинскую губернию. В его состав также вошли Абхазия, княжество Сванетия, Мегрелия, а также ряд ханств и феодальных владений Дагестана, принявших подданство Российской империи (ханство Казикумухское, Аварское, Кюрийское, владения Кайтага и Табасарана, шамхальство Тарковское и Мехтулинское ханства, которые управлялись своими владельцами). Власть наместника распространилась почти на весь регион, за исключением горной Чечни и Дагестана, а также значительной части Закубанья, которые являлись анклавом на территории наместничества. В итоге, к 1845 г. народы Кавказа и Закавказья, проживающие на значительной территории, родственные в культурном, генетическом, языковом и религиозном отношениях, впервые были объединены в одной административно-территориальной единице Российской империи.

Институт наместничества сформировался окончательно 6 января 1846 г. с утверждением «Правил об отношениях Кавказского наместника»¹¹, которые

разграничили функции Кавказского комитета и Наместника в области гражданского управления. Наместнику было предоставлено право осуществлять главный (прокурорский) надзор за действиями всех официальных и неофициальных учреждений в наместничестве. Наместнику были также подчинены округа, строительные комиссии (инженерные и путей сообщения), а также прокуроры. 9 февраля при Наместнике и Совете Главного управления Закавказского края были образованы еще две канцелярии: дипломатическая и гражданская¹². Наместник фактически обладал теми же правами, что и министры Кавказского комитета. Кавказское наместничество было выведено из общероссийского управления, а регион стал более самостоятельным в реализации экономических и управленческих вопросов¹³.

С целью улучшения управления Закавказьем, Наместником было проведено новое административно-территориальное разделение Закавказского края с максимальным дроблением. 14 декабря 1846 г. было утверждено «Положение о разделении Закавказского края»¹⁴. Он стал состоять из Тифлисской, Кутаисской, Дербентской (которая включала ту часть Дагестана, которая находилась под контролем Российской империи и входила в состав Закавказского края) и Шемахинской губерний (в 1849 г. была образована пятая, Эриванская губерния)¹⁵. Тифлисская губерния была образована из уездов Грузино-Имеретинской губернии: Тифлиского, Горийского, Телавского, Сигнахского, Елисаветпольского, Александропольского. Принадлежавшие к этой губернии округа горских народов – Осетинский и Тушино-Пшаво-Хевсурский, оставались на прежнем основании. «В Кутаисскую губернию входили: Кутаисский и Гурийский уезды, Абас-Туманский и Хевсурский участки Ахалцыхского уезда вместе с г. Ахалцыхом, селения Горийского уезда, лежащие на западе от хребта Хепинисхеви, и ущелье Мамисонское Осетинского округа. Мингрелия и Сванетия тоже входят в состав губернии. Шемахинская губерния состоит из Каспийской области: Ширванского, Карабахского, Шекинского, Талышинского и Бакинского уездов. Ширванский уезд переименовывается в Шемахинский, Карабахский в Шушинский, Шекинский в Нухинский, а Талышинский в Ленкоранский. Сальянский участок отделяется от Ширванского и причисляется к новому Ленкоранскому. Дербентская губерния состояла из: Дербентского и Кубинского уездов Каспийской области. Округа Самурский и Даргинский, владения Кириновское и Казыкумыкское и прочие земли Дагестана, лежащие к югу от Аварского Койсу»¹⁶.

Следствием представления почти неограниченных прав Кавказскому Наместнику, явилось учреждение новых законов о порядке отношений между Наместником и Кавказским комитетом. Прежде Наместник по всем делам своего управления обращался в министерства, затем из министерств дела направлялись для дальнейшего рассмотрения в Кавказский комитет, так же как в Государственный Совет и Комитет министров. Начиная с 1846 г., Наместник со всеми делами, разрешение которых превышало его власть, обращался непосредственно к председателю Кавказского комитета, а по особо важным делам – прямо к императору. Ему даже предоставлялось право, в случае необходимости, обходить Кавказский комитет и обращаться по отдельным вопросам напрямую к министрам. Таким образом, сфера деятельности Кавказского комитета сводилась к решению вопросов, связанных в основном с административным управлением, судостроительством, финансами и торговлей, промышленностью, сельским хозяйством, земледелием, землепользованием и переселением, просвещением и службой чиновников. Вопросы же политического и военного характера оставались за рамками Кавказского комитета, с ними Наместник обращался прямо к императору.

Сложившаяся ситуация вызвала необходимость осуществления радикальных мер, призванных усилить контроль в регионе: преобразовать систему управления путем сосредоточения в одних руках военной и гражданской власти, упорядочить всю административную систему, обеспечить действенное руководство Главы Кавказской администрации.

Начиная с 1845 г., все поступающие от Наместника представления либо шли на разрешение верховной власти, либо, если они требовали коллегиального обсуждения и согласования с министерствами, обсуждались в Комитете. Так как все члены Кавказского комитета, за редким исключением, являлись членами Комитета министров, то фактически сложилась ситуация «Комитет в комитете». В Российской империи функционировали три высших государственных органа: Сенат, Комитет министров и Государственный совет. В функции Кавказского комитета входило не столько непосредственное управление, сколько координация политики кавказских властей с деятельностью центральных органов власти. Система Кавказский комитет – Наместник была создана в период политической и экономической нестабильности на Кавказе и просуществовала до 1882 г., когда здесь был осуществлен переход к гражданскому управлению, основанному на общероссийской законодательной основе. Дублирование функций, волокита, некомпетентность чиновников, часто приводили к тому, что жизненно важные вопросы решались годами, ни один орган не нес ответственности за принятые решения, поскольку их компетенция зачастую была сформулирована лишь в общих выражениях, без уточнений и пояснений.

Активная законодотворческая и практическая деятельность Кавказского комитета и Наместника отвечали духу времени, формирование новой государственной системы Российской империи было затянуто, многие реформы в большинстве случаев носили половинчатый характер. К началу 40-х гг. XIX в. во властных структурах происходило осознание того, что прежняя административная система, вводимая частями по мере вхождения тех или иных районов Кавказа в Российскую империю, была недостаточно согласована и требовала реорганизации. Применение только военных методов против горцев не могло привести к окончанию Кавказской войны. Николай I понимал, что необходимы изменения в управлении регионом, которые должны были повлиять на привлечение местного населения на сторону российских властей. Он решил отойти от общероссийской губернской системы управления и учредить на Кавказе специфическую форму управления – наместничество. Это было сделано для того, чтобы сконцентрировать исполнительную власть в регионе в одних руках, с целью скорейшей интеграции Кавказа в состав государства. Кавказский комитет являлся государственным учреждением Российской империи XIX в., который был высшим законосовещательным органом при верховной власти и занимался разработкой и введением законов на Кавказе. В функции Кавказского комитета стало входить решение вопросов, выходящих за рамки власти Наместника в гражданской сфере. Комитет сосредоточил высшую исполнительную власть в регионе и занимался только гражданскими делами. С его созданием была окончательно разграничена гражданская и военная власть в Кавказском регионе. Военная власть стала принадлежать Наместнику, военному министру и императору, а гражданская – Кавказскому комитету.

Примечания

1. *Гайдабура И.Г.* Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – начале XX вв.): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007; *Кондрашова А.С.* Кавказское Наместничество и его деятельность на Северном Кавказе, вторая половина XIX – начало XX в.: дис. ... кан. ист. наук. Ставрополь 2003; *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2001; *Мачукаева Л.Ш.* Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начало XX в.: дис. ... кан. ист. наук. М., 2004.

2. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. II. 1840. Т. XV. Отд. 1-е. № 13368. Санкт-Петербург, 1841. С. 237–261.

3. Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис: Типография «Гуттенберг», 1907. Т. I. С. 75.
4. ПСЗРИ. Собр. II. 1840. Т. XV. Отд. 1-е. № 13368. Санкт-Петербург, 1841. С. 237.
5. ПСЗРИ. Собр. II. 1842. Т. XVII. Отд. 1-е. № 16008. Санкт-Петербург, 1843. С. 891–892.
6. РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 32 об.
7. Эсадзе С.С. Указ. соч. С. 84.
8. Малахова Г.Н. Указ. соч. С. 193.
9. ПСЗРИ. Собр. II. 1845. Т. XX. Отд. 1-е. № 18687. Санкт-Петербург, 1846. С. 160–161.
10. ПСЗРИ. Собр. II. 1845. Т. XX. Отд. 1-е. № 18679. Санкт-Петербург, 1846. С. 151.
11. ПСЗРИ. Собр. II. 1846. Т. XXI. Отд. 1-е. № 19590. Санкт-Петербург, 1847. С. 17–18.
12. ПСЗРИ. Собр. II. 1846. Т. XXI. Отд. 1-е. № 19706. Санкт-Петербург, 1847. С. 226.
13. ПСЗРИ. Собр. II. 1846. Т. XXI. Отд. 1-е. № 19590. Санкт-Петербург, 1847. С. 17–19.
14. ПСЗРИ. Собр. II. 1846. Т. XXI. Отд. 2-е. № 20701. Санкт-Петербург, 1847. С. 647–648.
15. ПСЗРИ. Собр. II. 1849. Т. XXIV. Отд. 1-е. № 23303. Санкт-Петербург, 1850. С. 311–312; Эсадзе С.С. Указ. соч. С. 86.
16. ПСЗРИ. Собр. II. 1846. Т. XXI. Отд. 2-е. № 20701. Санкт-Петербург, 1847. С. 647.

CREATION AND FUNCTIONING OF SPECIAL STATE ADMINISTRATION BODIES IN THE CAUCASUS IN THE 30–50'S. XIX CENTURY

Glasheva Zuleikha Zhambotovna, Candidate of Historical Sciences, Researcher of the New History section of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), zu-20.80@list.ru

The article is devoted to the analysis of education and the initial period of activity of institutions related to the administration of the Caucasus: the Transcaucasian, Caucasian committees, the Caucasian vicegerency, VI temporary separation under the imperial chancery. The novelty of the study is determined by the introduction into the scientific circulation of new materials that characterize the activities of the study authorities of the region. An appeal to this problem makes it possible to consider the mechanisms of administration through which administrative transformations in the Caucasus were carried out aimed at integrating the region into the Russian Empire. Particular attention is paid to the peculiarities of the relationship between the control bodies under investigation among themselves in the 30–50's. XIX century. The article outlines changes in approaches to the management of the region. Particular attention is paid to the decision to strengthen the Russian military and political presence in the regions. The features of the administrative transformations are shown. The author comes to the conclusion that the reforms turned out to be ineffective due to the imbalance and inconsistency of the actions of the authorities. The government was faced with the question of the need for an adjustment, and in the future, a radical reorganization of the administration of the Caucasus and bringing it into a certain system. The relevance of the study is due to the insufficient study in the domestic historiography of the management organization of the outskirts of the Russian Empire.

Keywords: The Transcaucasian Committee, the Caucasian Committee, the Caucasian vicegerency, the civil structure of the Caucasus, administrative transformations.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-62-68

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЛИЩНО-ПОСЕЛЕНЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА НАРОДОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: ФАКТОРЫ И ЭТНИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ

Сабанчиева Любовь Хабижевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), sablyu@mail.ru

В статье рассматриваются изменения в строительстве жилых домов и усадеб у народов Кабардино-Балкарской Республики, произошедшие в результате социально-политических и экономических трансформаций XIX–XX вв. Определены факторы, влиявшие на формирование жилищно-поселенческого комплекса до начала XXI в. Особое внимание уделено усадьбе, застройке двора, расположению хозяйственных построек и жилого комплекса. Рассмотрены строительные материалы, конструкции жилых и надворных строений, приёмы зодчества. Выявлены компоненты, характерные для местных народов, а также заимствования, распространившиеся под влиянием других культур. В настоящей статье речь идет о характерных особенностях народной архитектуры кабардинцев и балкарцев и об основных строительно-художественных принципах. Выявлены этапы изменения территории расселения кабардинцев и балкарцев, топографии поселений и строительные технологии. При исследовании модернизационных процессов 1990–2000-х гг. использованы полевые материалы автора.

Ключевые слова: культура жизнеобеспечения, поселения и жилища, архитектура, строительные технологии, этнические особенности, заимствования, модернизация.

Современный жилищно-поселенческий комплекс Кабардино-Балкарии сформировался во многом под влиянием комплекса военно-политических и социокультурных факторов, обусловленных включением региона в состав российского государства и советскими преобразованиями. Анализу различных факторов трансформации этого аспекта этнической культуры посвящены многие работы¹. В нашей статье одним из главных факторов трансформации периода XVI–XIX вв. рассматривается переселенческая политика Российской империи, степень влияния которой дифференцируется по нескольким этапам².

На первом этапе (вторая половина XVI – середина XVIII в.) на окраинных землях Кабарды на р. Сунже была построена одна русская крепость.

Второй этап в направлении изменения границ Кабарды начался с возведения в 1763 г. крепости Моздок и впоследствии ознаменовался сооружением по проекту Г.А. Потемкина в 1777–1778 гг. Азово – Моздокской укрепленной линии, когда в Кабарде были построены несколько крепостей. В них поселились переведенные сюда с Волги и Хопра семейные казаки³.

Моздокская укрепленная линия нанесла значительный урон культуре жизнеобеспечения кабардинцев. Им был ограничен доступ к степным пахотным, покосным и пастбищным землям, на которых зиждилось животноводство.

На третьем этапе, связанном с новой укрепленной линией генерала А.П. Ермолова в 1818 г., произошло насильственное переселение 18 кабардинских аулов из района Минеральных вод и Пятигорья на правобережье р. Малки с последующим

заселением освобожденных мест линейными казаками. В дальнейшем в связи с тем, что Военно-Грузинская дорога с 1825 г. стала проходить по кабардинским землям, для ее охраны на территории Кабарды были построены укрепления Пришибское, Александровское и Котляревское. Эти станицы, образуя еще одну укрепленную линию вдоль Терека и Военно-Грузинской дороги, вклинились между Большой и Малой Кабардой, разделяя их⁴.

Внешние изменения пространства жизнедеятельности не оказали существенного влияния на характер поселений и жилищ кабардинцев и балкарцев. Это видно из записок иностранных путешественников, донесений русских чиновников и других источников.

По их описаниям *традиционный жилищно-хозяйственный комплекс кабардинцев – усадьба (цIанIэ)* представлял собой огромный двор с несколькими надворными постройками. В глубине двора помещался жилой дом (*унэшхуэ*), который в описываемый период представлял собой длинный, поначалу однокамерный дом, к которому по мере разрастания семьи производилась пристройка комнаты (*лэгъунэ*) для новой семьи. Ближе к входу в дом располагалась кунацкая – гостевой дом, который в жизни кабардинцев играл огромную социальную роль⁵.

Морфология кабардинской усадьбы обязательно предполагала наличие в ней помещений для крупного рогатого и мелкого скота, хранилища для урожая и инвентаря, навесы, ток для молотьбы, туалеты для женщин и мужчин. Как пишет Е.Н. Студенецкая, отличительной чертой кабардинской усадьбы являлась наличие в ней отдельно стоящей кухни (*ницэфIанIэ*). Ученые связывают это с обычаем избегания. К кухне в усадьбах князей примыкали жилища слуг – *унаутов*⁶. Все постройки и ограды, а также ворота кабардинских усадеб в описываемое время независимо от статуса владельца были плетневыми, обмазанными глиной. Легкость жилищ можно объяснить образом жизни кабардинцев, их типом культурно-хозяйственного типа, и даже психологическими особенностями⁷. *Унэшхуэ (большой дом)* являлся коммуникативным центром семьи. В нем регламентировалось не только поведение членов семьи, но и внутреннее устройство. Центральным и священным местом *унэшхуэ* считался очаг (*жъэгъу*), возле которого совершались обряды семейного цикла. Самым престижным считалось *жъантIэ* – место справа от очага, где располагался топчан для старшего (*нэхъыжъ*).

Левая часть большой комнаты ближе к дверям, где располагалась домашняя утварь, являлась женской половиной. Женщины большую часть времени за рукоделием или другими делами проводили в левой части (*жыхафэ*). По сообщениям некоторых авторов, представители высшего сословия для женской половины семьи строили отдельный дом, обнесенный высоким забором⁸.

Таким образом, в пространстве кабардинского *унэшхуэ* имелись локальные зоны, отражавшие возрастную иерархию и престижность, оппозиции «близко-далеко», «справа-слева», «сакральное – профанное», «мужское – женское». Регламентация поведения, убранство *унэшхуэ* демонстрировало возрастное и гендерное соподчинение в быту в пользу старших и мужчин.

Кроме большого дома, на усадьбе разобщенно располагалось несколько построек. Связное расположение надворных построек на усадьбе в виде П- или Г-образной формы, а также двухрядных дворов появилось позже. Из хозяйственных построек для всех усадеб были характерны амбары и клетки. Они либо непосредственно примыкали к дому, либо ставились напротив дома по линии ворот. Клетки и амбары использовались для хранения зерновых и других продуктов питания, а также различного хозяйственного скарба и инвентаря.

Традиционно балкарские села «эль» были расположены высоко в горах в ущельях в верховьях рек Черка Балкарского, Черка Безенгийского, Баксана и Чегема. Но села были привязаны не к этим большим горным рекам, а к маленьким боковым притокам, которые создавали удобные условия для хозяйственной

деятельности населения⁹. По своей морфологии балкарские селения, в отличие от кабардинских, еще в XIX – начале XX оставались моногенными. Правда, моногенность в это время уже не являлась признаком архаики, а результатом развития полигенных сел. Из-за земельной стесненности целые фамилии вынуждены были отпочковываться и селиться либо в зимовниках, либо на отведенных им землях. В полигенных поселениях однофамильцы (*туккъум*) обычно селились компактно в околоте (*тийре*)¹⁰. Такое явление было характерно и для кабардинцев в более раннее время (об этом свидетельствует термин *хьэблэ* той или другой фамилии). Названия балкарских поселений редко совпадали с фамилиями их владельцев, топонимы чаще всего совпадали с названием места расположения.

В отличие от кабардинцев, у балкарцев, которые проживали в суровых климатических условиях, были иные технологии строительства жилищ и хозяйственных построек. Под влиянием природных и хозяйственно-бытовых факторов, в формах поселений, композиции жилищ, характере строительных элементов развивались и сугубо местные, локальные варианты, типичные только для отдельных ущелий.

При выборе места поселений балкарцы, руководствуясь хозяйственными потребностями, предпочитали солнечную сторону (*кюнлюм*), а не теневую (*чегет*), ее выбирали в случае крайней необходимости. Описывая балкарские села, Е. Баранов обратил внимание на террасное расположение домов, их скученность и узость улиц¹¹. Но если селение располагалось на пологой местности, постройки не террасировали¹². Дефицит земли не позволял балкарцам иметь двор или усадьбу.

Принцип планировки жилищного комплекса и характер хозяйственных построек подчинялся преобладанию овцеводства в хозяйственно-культурном типе балкарцев.

В строительстве жилых и подсобных помещений у балкарцев наблюдается широкое применение местных материалов – камня, дерева, глины. Но и тут в зависимости от наличия или отсутствия перечисленных материалов наблюдались зональные отличия в технологии строительства. Так, в Черекском ущелье в высокогорных селениях, где ощущался недостаток строительного леса, получила большое развитие крупнокаменная кладка стен и оград из мягкого слоистого камня. Постройки как бы врезались в скалы. В том же массиве скалы вырезалось почетное место для гостей – *тырхык* и ниши для хранения. Кроме того, черекскими мастерами применялась в практике строительства система «ложного свода». Крупные проемы перекрывались путем наращивания боковых выступов каменных плит, закрепленных в толще стены. Подобный способ перекрытия известен многим народам Кавказа. А в Баксанском ущелье были характерны одновременно как деревянные срубы, так и дома, сложенные из камня. Тут, вероятно, имеется влияние Карачая. В Чегемском же ущелье строили комбинированные дома: верхняя часть каменных стен жилища обычно завершалась венцом из нескольких бревен.

Признано, что изолированность ущелий друг от друга, связь с соседними народами (сванами, осетинами, ингушами, дагестанцами) со сходными условиями окружающей среды оказали влияние на архитектуру и строительные традиции балкарцев¹³.

Четвертый этап – время казачьей и крестьянской колонизации равнинной территории русским и украинским населением и частичного переселения балкарцев в предгорья, укрупнение кабардинских сел (40 гг. XIX – начало XX в.)

В 1846 г. российское правительство приняло решение о выделении земли под строительство поселений Первого Владикавказского полка Военно-Грузинской дороги.

По мере усиления власти России в Кабарде вставала проблема управляемости народонаселением. Наличие большого количества малодворных сел не способствовало концентрации власти¹⁴. В 1865 г. было начато укрупнение кабардинских

сел. Из 93 мелких населенных пунктов Большой Кабарды было организовано 35 укрупненных селений, а из 32 населенных пунктов Малой Кабарды 9 селений¹⁵. Количество домов в объединенных селах варьировалось от 223 до 38. Впоследствии некоторые малодворные селения были ликвидированы. Данный процесс в XIX веке носил практически перманентный характер.

В итоге поселенческая политика в пореформенное время привела к образованию на территории Кабарды морфологически сложных новых поселений, намного увеличивших количество имеющиеся к началу реформ полигенных поселений. Трансформация коснулась качественных (родового и национального состава), так и количественных показателей (рост числа многодворных поселений). В результате захвата правительством или покупки земель мигрантами кабардинские селения стали перемежаться с поселениями русских, немцев, осетин, чеченцев, ингушей и др. народов. В течение 25 лет на территории Кабарды число поселений, основанных другими национальностями, увеличилось почти в три раза – с 31 до 88, а количество дворов в кабардинских селениях – в несколько раз¹⁶. Вызвано это, с одной стороны, распадом больших семей, с другой – развитием капиталистических отношений в землепользовании. С ростом многодворных полигенных поселений в Кабарде параллельно шел процесс образования многочисленных хуторов, экономий, товариществ, населенных людьми различных национальностей – русскими, осетинами, ингушами, немцами, греками.

Тем не менее, и во второй половине XIX века искусственные переселения не привели к образованию упорядоченных с точки зрения планировки населенных пунктов кабардинцев. У них по-прежнему преобладали длинные и узкие прибрежные предгорные населенные пункты, преимущественно с одной проезжей улицей, а также более широкие плоскостные селения с беспорядочно разбросанными домами. И в тех, и в других улицы были узкими, кварталы глубоко вклинивались друг в друга, было много глухих переулков и мало поперечных и продольных улиц. Предгорные села отличались от плоскостных меньшими приусадебными участками, преимущественно неправильной формы, и их количество в кварталах было различным.

В отличие от них станицы и русские села имели уличную или улично-квартальную планировку и со временем по мере роста сохраняли эту особенность. Поселки и хутора конца XIX – начала XX века уже имели более разнообразную планировку: и уличную, и улично-квартальную, и рядовую, и беспорядочную в хуторах. В Нальчике тоже изначально были прямые улицы и улично-квартальная планировка.

В целом благоприятные для сельскохозяйственного освоения условия, строительство укрепленных линий содействовали более раннему формированию в северо-восточной части Кабарды устойчивой структуры сети поселений, а развитие транспортных сообщений, в том числе строительство железной дороги, способствовало развитию торговли и притоку населения.

В ходе земельной реформы и отмены крепостного права в 60-х гг. XIX в. вопрос наделения землей безземельных балкарцев встал очень остро. Единственным выходом для них Комиссия по разбору личных и поземельных прав туземного населения Терской области сочла наделение их кабардинскими землями. Безземельные балкарцы и карачаевцы были переселены в предгорную местность, где в 1868 г. было образовано селение Кенделен, а в 1875 г. – Кашхатау. Переселение балкарцев и карачаевцев в предгорье продолжилось до начала XX века. Причем, если сначала это осуществлялось под контролем и организовано, позднее процесс принял стихийный характер. Так были образованы, например, Хасанья и Белая Речка вблизи Нальчика. До конца XIX в. и в начале XX в. на кабардинских землях были образованы балкарские поселения Чижок-Кабак (1867), Хасаут (1867), Хабаз (1873), Яником (Шауген-Къабакъ), Ташлы-Тала (1886)¹⁷.

Во второй половине XIX в. обнаруживается *явственное влияние строительной технологии переселенцев на морфологию построек местного населения*. Расширение и укрепление социально – экономических связей с русскими привело к большим изменениям в строительстве. Во вновь образованных кабардинских и балкарских поселениях и повсюду развивались более современные строительные формы, с применением уже новых материалов – самана, железа, досок. Увеличивается количество комнат с одной до двух-трех, меняется конфигурация крыш, самих домов. Но пока такие новшества могла позволить себе наиболее состоятельная часть населения. В конце XIX в. в кабардинских селениях все еще преобладали турлучные дома с соломенной крышей. Параллельно развивалась техника строительства домов из саманного и красного кирпича. Дальнейшее развитие получает кровельная техника: появляются дома, покрытые железом или черепицей.

Несмотря на очевидное влияние социально-экономических преобразований на эволюцию жилищного комплекса кабардинцев и балкарцев, типы жилищ и их морфология изменялись крайне медленно. Но это утверждение справедливо лишь по отношению к определенной части населения. Скорость модернизации бытовых условий коррелирует с финансовыми возможностями населения. Социальные отличия в материале и способах постройки, в планировке и внутреннем убранстве жилища кабардинцев и балкарцев стали характерны лишь в последней четверти XIX века: богатые стали строить себе дома русского типа, обзаводиться мебелью и фабричной домашней утварью. Но и бедные тоже частично через ремонт и реконструкцию старого жилища усваивали новые домостроительные технологии, например, во многих бедняцких домах были установлены застекленные окна.

Процесс модернизации жилищ в местах проживания кабардинцев и балкарцев имел различные темпы. С развитием строительной индустрии наблюдается более динамичное развитие населенных пунктов, расположенных в предгорной и равнинной части Кабарды. Здесь стали появляться не только дома русского типа, но и хозяйственные постройки с применением современных технологий: навесы начали строить со стропилами и поперечными балками, что давало возможность устроить еще один чердак для хранения хозяйственной утвари. Во дворе стали появляться дощатые большие амбары, крытые железом или черепицей. В высокогорных балкарских селениях из-за отсутствия свободных земель по-прежнему преобладали скученные старинные постройки на узких улицах. Правда, здесь к концу XIX в. в массовом порядке перестали совмещать помещения для проживания людей и для содержания скота. Этому способствовали социально-экономическое развитие переселенных в предгорье поселений (например, постройки в Кашкатау и Кенделене типологически были схожи с кабардинскими). В других случаях зажиточные слои или отделившаяся от большой семьи молодая семья на выделенном участке изначально строила хозяйственные постройки и жилой дом раздельно¹⁸.

Заметное имущественное расслоение, наблюдавшееся в начале XX в., вызванное развитием капиталистических отношений, естественным образом четко отразилось на архитектуре и технологии строительства как жилых, так и хозяйственных построек кабардинцев и балкарцев. Но дальнейший процесс эволюции ненадолго был прерван событиями 1917 года.

Определенное влияние на архитектурные и иные особенности жилищно-поселенческого комплекса кабардинцев и балкарцев оказала советская земельно-переселенческая политика, проведенная в течение XX вв.¹⁹

Пятый советский этап для данной территории можно условно представить в виде двух подэтапов: 1920–1944 гг. и 1957–1980-е гг. В основу такого деления нами положены не только социально-экономические детерминанты, но и политические.

Во-первых, еще одним значительным фактором, оказавшим влияние на трансформацию сети поселений высотных поясов Кабардино-Балкарии, следует отнести

советские земельные реформы 1920–1930-х гг., сопровождавшиеся организацией переселения части балкарского населения в предгорья и на равнину.

Во-вторых, после выселения балкарского населения в 1944 г. балкарские поселения высокогорья обезлюдели, за исключением пос. Терскол, а возвращение балкарцев в 1957 г. и связанная с ним переселенческая политика повлияли не только на локализацию балкарских населенных пунктов, но и на формирование новых традиций жилищно-поселенческой организации балкарцев.

С установлением советской власти в Кабардино-Балкарии в соответствии с лозунгами революции началось нивелирование в обеспечении основными ресурсами для жизнедеятельности. В 1923 г. из областного земельного управления исходит указание *уравнять приусадебные участки* всех граждан. В течение нескольких лет в кабардинских селениях предлагались различные способы уравнения: путем уменьшения или увеличения пахотных земель, выделяемых домохозяйству; выделения специальных отрубов по количеству душ вблизи селения; переселение на другие места. Показав необыкновенную привязанность к насиженным местам, в итоге большинство предпочло перераспределение земли внутри населенного пункта. Средний размер участка был определен в 0,5 га. Были незначительные отступления в большую и меньшую сторону. При этом определялась и форма участка²⁰. Уравнение участков было завершено при коллективизации сельского хозяйства. В процессе реализации данного проекта земельные участки были уменьшены. Но на этом не завершился процесс типизации. Он коснулся и усадьбы. По типовому проекту на усадьбе предусматривались места для дома и хозяйственных построек.

В эти же годы продолжилась государственная политика по урезанию земельного фонда кабардинцев. В 1922–1927 гг. из земель Кабарды дополнительно были отведены земли вновь образовавшимся балкарским селениям Бедык (1922), Лашкута (1922), Герпегеж (1927), Кичмалка (1927)²¹. От Кабардино-Балкарии к Осетии и Ингушетии отошли несколько хуторов. В результате разукрупнения и переселений в 1924–1930-е годы в Кабардино-Балкарии всего было образовано 58 новых населенных пунктов²².

Во вновь образованных и реконструируемых селениях менялся тип жилища, их расположение на усадьбе, планировка внутри дома. Хотя преобладающим типом жилого дома оставался прямоугольный дом с двухскатной крышей, теперь он изначально закладывался двух-трехкамерным, в некоторых из них были веранды и коридоры. Обычно выходы из комнат были отдельными, что позволяло соблюдать обычай избегания. Перестали строить однокамерные дома, увеличилась полезная площадь домов. В строительстве стали применять новые технологии. Стены строили из саманных кирпичей. Крыша покрывалась черепицей. Дома стали строить на каменном фундаменте, сложенном на известковом растворе. Отопление стало печным, хотя в старых домах очаги сохранялись еще десятки лет.

Наряду с длинными домами богатыми гражданами строились и квадратные дома (*унэ плимэ, тёрткюл юй*) с четырехскатной крышей из металла и черепицы. В этих домах было двое сеней, четыре комнаты. Полы и потолки стали дощатыми, появились внешние ставни с резьбой. Большое внимание стали уделять эстетике и гигиене дома и двора. Здесь сказывалось прямое влияние русских строительных традиций.

В дальнейшем и в 30-х годах XX в. работа по унификации и контролю за строительством усилилась. Многие дома селян были построены или реконструированы силами колхозов их же строительными бригадами по типовым проектам.

Здесь необходимо отметить, как специфику, что в селениях Кабардино-Балкарии не прижились двух- и трехквартирные дома, построенные в 30-х – начале 40-х годов в некоторых населенных пунктах. Со временем большинство жителей этих домов построили себе индивидуальные дома, они же были снесены в

60-х годах. Селяне предпочли коммунальным домам традиционные жилища. Коммунизация кабардинцев с помощью жилища на местах провалилась. Связано это с укорененностью сельского образа жизни, предполагающего наличие подсобного хозяйства и приватности частной жизни. Строительство домов в новых и наиболее равнинных балкарских селениях было таким же, как и кабардинских, но в некоторых местах наблюдались локальные технологические отличия, вызванные как природно-климатическими условиями, так и народными традициями. Например, в Чегемском, Хуламо-Безенгийском и Черекском ущельях наряду с саманными все еще строились дома из камня, а в Баксанском – деревянные²³. Подобные дома можно встретить в некоторых селениях и в наши дни²⁴. Для 30-х годов XX в. характерно появление так называемого «полевого строительства». Это тоже был один из инструментов «коммунизации» людей. Суть данного вида строительства заключалась в обеспечении и обустройстве полевых станов для круглосуточного нахождения колхозников и колхозниц на сельскохозяйственной работе. Типовой проект стана предусматривал наличие общежития для мужчин и женщин, кухни со столовой и кладовой, избы-читальни, физкультурной площадки, конторы. Строили также и подсобные помещения. По мере развития колхозного движения и вовлечения женщин в колхозы при необходимости стали достраивать комнаты для детей²⁵. Все эти помещения были оснащены стандартным оборудованием.

В советский период ломаются национальные границы всех поселений, в результате чего сегодня большинство из них являются полиэтничными. Типичным примером трансформации русского хутора Возвратный в селение со сложным этническим составом является современное сельское поселение Светловодское Зольского района²⁶.

В настоящее время образование новых поселений, организованных государством, на территории КБР прекратилось. Последние отголоски подобной политики произошли в начале 90-х годов XX века. В период острого экономического спада в селениях и городах вместо квартир очередникам в окрестностях г. Нальчика компактно были распределены земельные участки под индивидуальное строительство. Среди них – п. Адиюх. Поскольку этот микрорайон был образован в активную фазу возрождения национальных культур, то в его топонимике активно отразились имена героев национального фольклора. Одна из улиц носит имя адыгского мыслителя Казаноко Жабаги, что тоже символично. В 90-е же годы у населения появился интерес к этническим корням, что отразилось в дизайне домов и постройках: на фронтонах кабардинских домов, арках ворот и заборах и сегодня видны изображения родовых тамг²⁷.

Поселок Адиюх по своей структуре и внешнему виду является типичным для вновь образованных в последние 20–30 лет пригородных поселков или городских кварталов малой этажности, поэтому опишем его подробно²⁸.

Спланирован он улично-квартальным методом. Улицы здесь ровные и широкие. Пока не асфальтированные. Дома в основном двухэтажные, благоустроенные, построены из современных материалов, в основном из туфа и красного кирпича. Большинство крыш покрыты популярной в 90-е годы серой нержавеющей жестью или современной металлочерепицей предпочтительно коричневого цвета. Несмотря на то, что жители не разводят животных, не имеют птиц, усадьбы по своей морфологии практически не отличаются от современных сельских усадеб Кабардино-Балкарии: у абсолютного большинства, кроме большого жилого дома, расположенного чаще всего фасадом к улице, в центре усадьбы, по бокам дома или с его одной стороны предусмотрены различные вспомогательные постройки. Чаще всего это навесы, которые теперь предназначены не для хранения сельскохозяйственного инвентаря, а в основном для отдыха или укрытия на случай радостных и горестных событий. Много усадеб, где есть несколько строений, в том числе второй, отличающийся меньшим размером жилой дом, обычно состоящий из спальни, кухни и реже – кладовки. К нему часто примыкает навес. Вокруг усадьба огораживается

заборами из различных материалов: спереди глухим из камня, красного или силикатного кирпича, по бокам металлической сеткой. Практически во всех завершённых усадьбах дворы выложены плиткой, есть металлические ворота различной модификации. В целом посёлок Адиух ещё не получил свой окончательный вид: всюду видны недостроенные объекты. В более поздних постройках обозначены признаки открытости: в нескольких домах видны панорамные окна, открытые площадки и балконы. Описанные признаки в разной степени присущи и другим новостройкам и реконструируемым объектам по всей республике.

Ещё одной новинкой является обращение жителей республики к нехарактерному для них типу домов с мансардой. Такие дома первоначально строили в городах, особенно в Нальчике. Сегодня они получают распространение по всей республике, в том числе и в сельской местности. Много домов с круглыми окнами, в декоре домов видно разнообразие. Многие признаки дают нам основание отнести некоторые дома к викторианскому (английскому) стилю, основными чертами которого являются: незаметный фундамент, просторные навесы, высокая и острая многоскатная крыша с фронтонами, большие, низкорасположенные оконные проёмы, панорамное остекление с частым переплётom и круглые корабельные окошки. Богатый фасадный декор: фигурная кладка, лепные и кованые вставки. Большинство признаков подходит, кроме незаметного фундамента. Наоборот, фундаменты здесь основательные, высотой не менее метра, отделанные мрамором, камнем, керамической плиткой, металлом или просто окрашенные в зависимости от вкуса и финансовых возможностей обладателя дома²⁹.

Желание выглядеть оригинально у местного населения есть. Особенно экзотично выглядит на фоне местных домов стиль фахверк, замеченный нами в одном из микрорайонов г. Нальчик – это тип архитектурной конструкции, при котором несущий каркас здания из горизонтальных, вертикальных и наклонных элементов из бруса является видимым снаружи элементом и несёт в себе декоративный характер. Сочетание темно-коричневого дерева и оштукатуренных выкрашенных в бежевый цвет стен выглядит строго и привлекательно. В данном случае хозяин проявил хороший вкус и представил удачный продукт. В современном строительстве этот прием остался только как украшение. Стиль фахверк как украшение туристических объектов можно встретить и на горнолыжном курорте Приэльбрусье – рекреационной зоне КБР³⁰.

При широких возможностях большим недостатком в проектировании современных индивидуальных домов в Кабардино-Балкарии остается отсутствие привязки дома к конкретному участку и рельефу местности. Вместо привязки к неровной местности бугры и возвышенности ровняют бульдозером.

К недостаткам индивидуального строительства также относится большая скученность домов из-за отсутствия свободных земель. Да и там, где она есть, т.е. в поселениях, где жители имеют достаточно земли для свободного строительства, дома соседей прижаты друг к другу. Порой они строятся на красной линии и являются собой границу. Это затрудняет строительство современных водоотводных и прочих коммуникаций, затрудняет подъезд специальных машин, что зачастую создает конфликтную ситуацию. Даже очень обеспеченные люди не готовы порвать с прошлыми привычками и построить дом со свободным доступом. Все городские и сельские усадьбы кабардинцев и балкарцев окружены глухим забором. Разница лишь в материале и высоте. По-прежнему многие комнаты в большом доме – только для гостей, при этом хозяева живут в дополнительных постройках, кухня в большом доме не используется по назначению. То же касается камина в большом доме. Одним словом, дома современные, а стиль или образ жизни – традиционный. Многие атрибуты современных усадеб при таком раскладе являются только знаками престижа и социального положения, а не частью образа жизни.

В целом сложно определить стиль современных индивидуальных жилых домов в КБР. С точки зрения архитектуры, это эклектика стилей и направлений. Довольно

много примеров, когда архитекторы соединяют два или даже три стиля. В таком случае может складываться лишь ассоциация с каким-то стилевым направлением. Можно даже встретить дома с пристроенными балкарскими боевыми башнями, строения, весьма близко копирующие средневековые европейские замки³¹.

Несмотря на разнообразие архитектурных стилей и направлений, наши наблюдения и интервью с городскими жителями показали, что идеальным жильем является индивидуальный дом. Для них особенно привлекательно то, что можно самому самостоятельно обустроить пространство. Крайне важно и наличие земельного участка, который можно обнести забором для большей приватности. Горожане мечтают жить всей семьей в отдельном большом доме, отгородившись от окружающего мира высоким забором. Закрытая частная территория дает возможность обустроить её по своему вкусу: построить баню или беседку, разбить цветники или посадить небольшой фруктовый сад. Но и тут видна тенденция всё большей популярности выбора свободного пространства, большего остекления, практичности и минимализма. Дома с башенками и вычурными колоннами уступают место более современным постройкам.

Дом в современном стиле – это применение новых технологий, эстетики и рационализма. Простые формы, открытые конструкции, которые становятся архитектурным декором, связи интерьера с внешним миром, экологическая чистота применяемых материалов, свободное пространство, свет и контакт с природой – вот далеко не полный перечень идей, которые должны быть воплощены в современном доме.

Все это не означает, что *многоэтажная застройка* прекратилась. Сегодня не закладываются новые города, а ведется так называемая точечная застройка, то есть продолжается эксплуатация инфраструктуры, созданной при советской власти. Для создания новой инфраструктуры не хватает капитальных вложений.

В Кабардино-Балкарии подавляющее большинство вновь вводимого жилья построено за счет населения. Это индивидуальные дома и квартиры в многоэтажных домах. Не каждый желающий может построить собственный жилой дом. Для этой категории населения существует несколько способов улучшения жилищных условий в многоэтажных застройках. Сейчас еще функционирует сильно урезанная государственная программа предоставления квартир в рамках различных социальных программ. Но квартиры уже не дарят, а сдают этой категории граждан в пожизненный социальный наем. Это существенно снижает их права на жилье, в отличие от тех, кто приватизировал государственное жилье.

Остальные категории жителей городов и сел могут решить жилищную проблему путем приобретения жилья на вторичном рынке целиком на собственные средства, долевого участия в различных государственных программах.

Если характеризовать внешний вид многоэтажных новостроек, то нужно отметить их безликость и однообразие. Скорее всего, отсутствие генеральных планов застройки отрицательно сказывается на внешнем виде городов и сельских поселений КБР. Наш полевой материал свидетельствует, что из более чем 150 населенных пунктов только единицы имеют Генеральный план развития города или сельского поселения. В настоящее время ведется общественное обсуждение генеральных планов. Этот процесс необходимо расширить и ускорить.

Примечания

1. *Думанов Х.М.* Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков. Сборник документов. Нальчик, 1992; *Дзамихов К.Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. (исследования и материалы). Нальчик, 2007; *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971; Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев / отв.

ред. В.К. Гарданов. Нальчик, 1986; *Тхамокова И.Х.* Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000; *Прасолов Д.Н.* Трансформация жилищно-поселенческого комплекса кабардинцев в XVIII – начале XX века // Всеобщая история. № 9. 2011. С. 22–26.

2. *Сабанчиева Л.Х.* Россия и Кабарда в XVI–XIX вв.: динамика жилищно-поселенческого комплекса // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2018. № 4. С.15–20.

3. *Думанов Х.М.* Указ. соч. С. 5.

4. *Тхамокова И.Х.* Указ. соч. С. 3–31.

5. *Налоев З.М.* Из истории культуры адыгов. Нальчик, 1978. С. 49.

6. *Студенецкая Е.Н.* Современное кабардинское жилище // Советская этнография. 1948. № 4. С.107.

7. *Бларамберг И.Ф.* Исторические сведения о кабардинцах // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 353–434 (далее – АБКБИА); *Интерриано Дж.* Быт и страна зихов, именуемая черкесами. Достопримечательное повествование // АБКБИА. С. 51; *Потемкин П.С.* Краткое историко-географическое описание кабардинского народа, составленное кавказским генерал-губернатором П.С. Потемкиным // Кабардино-русские отношения. М., 1957. Т. 2. С. 362.

8. *Неизвестный автор.* Описание кабардинцев // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. С. 48–49.

9. *Асанов Ю.Н.* Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 9.

10. *Асанов Ю.Н.* Указ. соч. С. 20.

11. *Баранов Е.* Очерки из жизни горских татар Кабарды // Терские ведомости. Владикавказ. 1894. № 141.

12. *Асанов Ю.Н.* Указ. соч. С. 27.

13. *Бернштейн Э. Б.* Народная архитектура балкарского жилища // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Материалы научной конференции. Нальчик, 1960. С. 187–190.

14. *Кумыков Т.Х.* Расселения кабардинцев и балкарцев в 40–60-х годах XIX века // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Т. XXIII. Нальчик: Эльбрус. 1965. С. 148–159.

15. *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971. С. 69.

16. *Мамбетов Г.Х.* Указ. соч. С.72.

17. *Думанов Х.М.* Территория и расселение... С. 8.

18. *Мамбетов Г.Х.* Указ. соч. С. 174–175.

19. *Мамбетов Г.Х.* Указ.соч.; *Тхамокова И.Х.* Указ. соч.

20. ЦГА КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 354. Лл. 216. 275; Д. 736. Л. 37.

21. *Думанов Х.М.* Территория... С. 10.

22. *Мамбетов Г.Х.* Указ. соч.С. 101.

23. *Мамбетов Г.Х.* Указ. соч. С. 203.

24. Полевой материал автора – 2016–2017 (далее – ПМА). Тетрадь № 2. С. Байдаевка, п. Тегенекли, с. Верхний Баксан Эльбрусского района.

25. ЦГА КБР. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 864. Лл. 9–10 об.

26. ПМА – 2016–2017. Тетрадь № 2. Информаторы: Апилова Жанпаго Джамаловна (1936 г.р.), Махова Лиза Назировна (1956 г.р.), Лихов Султан Шагирович (1936 г.р).

27. ПМА – 2016–2017. Тетради № 1–3. Селения Исламей, Заюково, г. Баксан, с. Дугулугей Баксанского р-на, с.Чегем 2 Чегемского р-на.

28. ПМА – 2016–2017. Тетрадь № 1. Личные наблюдения автора.

29. ПМА– 2016–2017. Тетради №№ 1–3. Гг. Нальчик, Баксан, Терек, Прохладный, Чегем 1, п. Залукокоаже, п. Кашхатау, сс. Куба, Исламей, Заюково, Атажукино Баксанского р-на, сс. Нартан, Лечинкай, Чегем 2, Кенже, Яниковой Чегемского р-на, сс. Урвань, Старый Черек, Нижний Черек, Черная речка Урванского р-на, п. Былым Эльбрусского р-на.

30. ПМА – 2016–2017. Тетрадь № 2. Такой стиль был применен не только при строительстве административных зданий, но и частного дома Курдановых в п. Терскон Эльбрусского р-на.

31. ПМА – 2016–2017. Тетрадь № 2. Дом Апсуваева Аслана в п. Тегенекли.

**TRANSFORMATION OF THE HOUSING-SETTLEMENT COMPLEX
OF THE PEOPLE OF KABARDINO-BALKARIA:
FACTORS AND ETHNIC MARKERS**

Sabanchieva Lubov Khabizhevna, Candidate of History, Senior Researcher of the Department of Ethnology of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS) , sablyu@mail.ru

In article the changes in construction of houses and estates at the people of Kabardino-Balkar Republic which have resulted from socio-political and economic transformations of the XIX–XX centuries are considered. The factors influencing formation of a housing and settlement complex prior to the beginning of the 21st century are defined. Special attention is paid to the estate, building of the yard, an arrangement of economic constructions and a housing estate. Construction materials, designs of residential and outdoor buildings, methods of architecture are considered. The components characteristic of the local people and the loans which have extended under the influence of other cultures are revealed. In the present article it is about characteristics of national architecture of Kabardians and Balkars and about the basic construction and art principles. Stages of change of the territory of resettlement of Kabardians and Balkars, topography of settlements and construction technologies are revealed. At a research of modernization processes 1990 – the 2000th field materials of the author are used.

Keywords: culture of life support, settlements and dwellings, architecture, construction technologies, ethnic features, borrowings, modernization.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-69-79

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 316.752.4 (470.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-80-87

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД (по результатам социологического исследования)

Кушхабиев Анзор Викторович, доктор исторических наук, заведующий Центром социально-политических исследований Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (КБНЦ РАН), anzor-vk@mail.ru

Алхасов Мухаметхан Михайлович, кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра социально-политических исследований Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (КБНЦ РАН), alhas77@yandex.ru

Табаксоев Ибрагим Ахматович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (КБНЦ РАН), tabaksoev1982@list.ru

В статье представлен анализ результатов социологического исследования (анкетный и экспертный опросы) по трансформации экономических ценностей населения Кабардино-Балкарии в современный период. Исследование выявило существенную трансформацию экономических ценностей населения Кабардино-Балкарии. Они стали доминирующими в иерархии системы ценностей. Это обусловлено снижением жизненного уровня населения Кабардино-Балкарии. По мнению экспертов, самыми актуальными проблемами у населения Кабардино-Балкарии являются низкий уровень доходов и коррупция. Большинство экспертов выразили негативное мнение о социально-экономической ситуации в Кабардино-Балкарии.

Преобладающая часть респондентов объясняет низкий уровень жизни населения республики неудовлетворительной работой органов государственной власти. Анкетный опрос также выявил, что актуализация экономических проблем и ценностей у населения Кабардино-Балкарии негативно отражается на других сферах и оказывает деформирующее влияние на другие ценности и, прежде всего, на моральные и этнокультурные, которые являются основными составляющими традиционных ценностей. Сделан вывод о том, что только рост экономики и повышение жизненного уровня населения республики будут способствовать позитивным изменениям в системе ценностей.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, экономические ценности, трансформация, современный период, анкетный опрос, экспертный опрос

Экономические (материальные) ценности (совокупность материальных благ: продукты питания, одежда, жилье, транспорт, деньги и т.п.) занимают одно из приоритетных мест в иерархии систем ценностей. Они оказывают значительное, трансформирующее влияние на культуры народов, на государственное устройство

и др. Изменение значимости экономических ценностей населения регионов неминусом отражается на всей системе ценностей, на общественном сознании и может оказать значительное воздействие (деструктивное либо стабилизирующее) на социально-политическую ситуацию. В этой связи, выявление характера, специфики и факторов трансформации экономических ценностей населения регионов РФ, в частности, населения Кабардино-Балкарии имеет важное фундаментальное и прикладное значение.

Актуальность настоящего исследования обусловлена и недостаточной изученностью проблемы. Отдельные вопросы, связанные с заявленной проблемой, нашли отражение в исследованиях А.В. Кушхабиева¹, Ю.М. Шанибова и Р.Х. Коческова², М.М. Алхасова и Э.А. Саракуева³. Социологическое исследование трансформации экономических ценностей населения Кабардино-Балкарии в современный период проводится впервые.

К середине 1980-х гг. у народов Советского Союза сложилась система ценностей, представлявшая собой синтез социалистических и традиционных (сохранившихся элементов этнокультурных ценностей) ценностей. Идеология СССР базировалась на социально-экономических ценностях, основными составляющими которых являлись общественная собственность, коллективный труд и централизованная плановая экономика. Социальная политика СССР была направлена на недопущение сильной дифференциации доходов и построение социально однородного общества. Распад СССР в 1991 г. и переход России к рыночной экономике привели к кардинальным социально-экономическим и политическим изменениям, к трансформации системы ценностей населения регионов страны. По результатам исследований российских ученых (социологов, политологов, философов, культурологов, психологов и др.) в конце XX – начале XXI в. социалистические и традиционные ценности сменились системой ценностей, которую можно охарактеризовать как синтез новых либеральных и традиционных ценностей. Некоторые исследователи считают, что в иерархии ценностей населения регионов РФ и, прежде всего среди молодежи, экономические ценности занимают доминирующее место и их значение возрастает. Значение же традиционных ценностей снизилось⁴.

В период перестройки (1985–1991 гг.) в стране довольно быстрыми темпами возрастал удельный вес предпринимателей. Переход к рыночной экономике в регионах России проходил по-разному. В Кабардино-Балкарии большинство промышленных предприятий и колхозов были ликвидированы, в результате чего возникла нехватка рабочих мест. Созданные в районах республики небольшие предприятия пищевой и текстильной промышленности, а также фермерские хозяйства не решили проблему безработицы. В таких условиях произошло падение уровня доходов и уровня жизни населения КБР.

Основным источником при подготовке настоящей статьи послужили результаты социологического исследования (анкетного и экспертного опросов), проведенного Центром социально-политических исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН в апреле–мае 2018 г. во всех районах и городских округах Кабардино-Балкарии. Исследование было проведено с целью выявления мнений респондентов и экспертов о характере и степени трансформации системы ценностей населения Кабардино-Балкарии в современный период⁵.

В задачи экономического блока анкетного опроса входит: оценка социально-экономической ситуации в КБР, отношение респондентов к изменениям различных компонентов экономической жизнедеятельности общества и экономических ценностей. В анкетном опросе приняли участие 522 респондента – жители КБР. Использовались методы квотной и случайной выборки. При формировании доли квотной выборки учтено процентное соотношение респондентов кабардинской, балкарской и русской национальности по районам и городским округам республики. Также учитывалось соотношение социальных слоев и сфер деятельности респондентов.

В задачи экспертного опроса входит: определение самых важных ценностей и выявление наиболее актуальных проблем для большинства населения КБР, среди которых – выявление характера трансформации экономических ценностей населения КБР. В качестве экспертов выступили специалисты – сотрудники сфер высшего и среднего образования, науки, культуры, государственного и муниципального управления. Использовался метод случайной выборки – 50 экспертов, жителей КБР. Выборка рассчитана по признаку основной сферы деятельности. Большинство экспертов – 40 человек (80%) представляют сферы образования, науки и культуры. 9 человек (18%) представляют сферу государственного и муниципального управления. 1 человек (2%) представляет сферу коммерции и торговли.

Анализ полученных данных показал следующие результаты.

Ранжирование ценностей. Распределяя ценности по степени важности, эксперты выстроили их иерархию, в которой на первом месте из семи оказались экономические ценности. За ними следуют витальные, социальные, моральные, религиозные, этнокультурные и политические ценности. Ранжирование ценностей выявило доминирование в системе ценностей населения КБР экономических ценностей, что обусловлено, прежде всего, снижением в значительной степени его жизненного уровня.

Самые актуальные проблемы у населения КБР. Определяя самую актуальную проблему у населения КБР, 64% экспертов указали низкий уровень доходов, 26% экспертов – коррупцию. Указанные экспертами низкий уровень доходов и коррупция взаимосвязаны. Многие жители республики отмечают (в интервью), что давление чиновничества является главным барьером, препятствующим развитию предпринимательства. В этой связи, коррупцию следует рассматривать как один из факторов низкого уровня доходов населения.

Социально-экономическая ситуация в КБР. 42,1% респондентов оценили социально-экономическую ситуацию, сложившуюся на момент опроса, как «скорее плохую, чем хорошую», 19,2% респондентов – как «плохую», 15,3% – как «очень плохую». 17,0% респондентов оценили ее как «скорее хорошую, чем плохую», 5,4% – как «хорошую» и лишь 1,0% – как «очень хорошую». В целом, большинство респондентов (76,6%) оценили социально-экономическую ситуацию, сложившуюся в КБР, как плохую и 23,4% респондентов оценили её как «хорошую». Социально-экономическую ситуацию в КБР оценили как «плохую» («скорее плохая», чем «хорошая», «плохая», «очень плохая») респонденты: в возрастных группах 41–50 лет (83,2%), 51–60 лет (78,9%) и старше 60 лет (77,2%); по национальности «другие» (88,9%) и русские (84,6%); занятые в сфере сервиса и туризма (100%), в общественных организациях (87,5%), а также в системе среднего (87,1%) и высшего образования (85,2%); проживающие в г. Прохладном (93,8%), Майском (91,4%), Урванском (83,7%), Эльбрусском (83,3%), Черекском (81,5%) районах и в г. Нальчике (82,2%).

Социально-экономическую ситуацию в КБР оценили как «хорошую» («очень хорошая», «хорошая», «скорее хорошая», чем «плохая») респонденты: в возрастных группах 18–20 лет (33,4%) и 21–30 лет (28,0%); по национальной принадлежности – кабардинцы (24,0%) и балкарцы (20,5%); работающие в сфере транспорта и связи (44,5%), в строительстве (40,0%) и правоохранительных органах (33,4%); жители Терского (81,8%), Лескенского (33,4) и Прохладненского (28,0%) районов.

Анализ результатов по половому признаку показал, что большинство респондентов-женщин (80,4%) оценило общественно-политическую ситуацию в КБР как «плохую» и 19,6% – как «хорошую». 69,2% респондентов-мужчин оценили ее как «плохую» и 30,8% – как «хорошую».

Полученные данные коррелируют с результатами экспертного опроса. Большинство экспертов (76%) выразили негативное мнение о социально-экономической ситуации в КБР. Только 24% экспертов оценили ее положительно.

Сравнение с результатами социологического исследования, проведенного Институтом гуманитарных исследований КБНЦ РАН в 2003–2004 гг., показывает снижение оценок респондентами социально-экономической ситуации в КБР за последние 14 лет. В 2004 г. 29,2% респондентов оценили социально-экономическую ситуацию в КБР как «кризисную», 11,8% – как «катастрофическую», 10,4% – как «хорошую», 46,1% – как «удовлетворительную»⁶.

Следует отметить, что по основным социально-экономическим показателям 2014 г. Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) находится на одном из последних мест среди округов РФ, а КБР практически на последнем месте в округе⁷.

Таким образом, негативные оценки социально-экономической ситуации в КБР, данные большинством респондентов и экспертов, свидетельствуют о доминировании в общественном сознании КБР экономических ценностей и проблем.

Характер и степень трансформации экономических ценностей в сознании и жизни населения КБР. Определяя характер и степень трансформации экономических ценностей в сознании и жизни населения КБР в современный период, подавляющее большинство экспертов (98%) указали возрастание значения и функций экономических ценностей. Данное мнение экспертов подтверждает вышеуказанные выводы об актуализации у населения республики экономических проблем и ценностей.

Выявление степени и характера трансформации экономических ценностей осуществлялось во взаимосвязи с изменениями витальных (жизнь, здоровье, качество жизни и др.), моральных (добро, дружба, долг, честь и т.п.) и социальных (статус, профессия, патриотизм, участие в общественной жизни и т.п.) ценностей. Одним из показателей изменения экономических и моральных ценностей является вопрос об отношении к людям, «нажившим состояние нечестным путём». 76,6% респондентов выразили по отношению к данной категории людей свое отрицательное отношение, 19,7% – безразличное и 2,7% – положительное. 1% респондентов заявил, что другим путем нажить состояние практически невозможно (свой вариант ответа). 79,4% респондентов-мужчин заявили об отрицательном отношении к данной категории людей, 2,3% – о положительном и 16,6% – о безразличном. 75,2% респондентов-женщин заявили об отрицательном отношении к данной категории людей, 2,9% – о положительном и 21,3% – о безразличном.

Об отрицательном отношении к людям, нажившим состояние нечестным путем, сообщили, главным образом, респонденты: в возрастных группах 41–50 лет (82,4%), 51–60 лет (85,3%) и старше 60 лет (84,2%); по национальности русские (85,9%), «другие» (77,8%) и кабардинцы (76,7%); работающие в общественных организациях (93,8%), правоохранительных органах (83,3%), сервисе и туризме (83,3%), сельском хозяйстве (82,5%), науке и культуре (81,0%); проживающие в Майском (95,7%), Прохладненском (92,0%), Зольском (87,9%), Черекском (87,5%) районах и г. о. Прохладный (87,5%).

Положительно относятся к людям, нажившим состояние нечестным путем, в основном, респонденты: в возрастных группах 18–20 лет (16,7%) и старше 60 лет (5,3%); по национальности русские (3,8%); работающие в сферах промышленности (14,3%), строительства (10,0%) и системы среднего образования (5,2%); жители г. Баксана (13,2%), Баксанского (10,3%) и Черекского (6,3%) районов.

Безразличное отношение к людям, нажившим состояние нечестным путем, выразили, в основном, респонденты в возрастных группах 18–20 лет (66,7%), 21–30 лет (26,9%) и 31–40 лет (25,3%); по национальности балкарцы (25,0%), «другие» (22,2%) и кабардинцы (20,7%); работающие в сферах торговли и обслуживания (29,0%), здравоохранения и спорта (24,0%), транспорта и связи (22,2%), системы среднего образования (21,6%); проживающие в Терском (48,5%), Лескенском (25%), Урванском (23,3%) районах, в г. о. Баксан (28,9) и г. о. Нальчик (24,2%).

Ответы на данный вопрос показали, что у большинства респондентов (76,6%) сохраняются моральные ценности – негативное отношение к «людям, нажившим состояние нечестным путем».

Для выявления соотношения экономических и моральных ценностей показательными также являются ответы на вопрос: «Чем Вы готовы пожертвовать ради возможности зарабатывать большие деньги?» 5,5% респондентов сообщили – «материальным благополучием других людей» (моральная ценность), 4,0% – «своим здоровьем» (витальная ценность), 3,4% – «отношениями с друзьями» (моральная ценность), 2,7% – «своей репутацией» (социальная ценность), 1,5% – «всем вышеперечисленным», 82,8% – «ничем из перечисленного». Тот факт, что подавляющее большинство респондентов указали, что не станут жертвовать «ничем из вышеперечисленного», свидетельствует об устойчивости моральных ценностей у значительной части населения Кабардино-Балкарии. Данный вывод подтверждается и ответами на вопрос: «Готовы ли Вы преступить закон ради получения больших денег?» 68% респондентов ответили отрицательно, 21% – «скорее нет, чем да», 6% – «скорее да, чем нет». И только 5% ответили «да».

Для определения степени доминирования экономических ценностей у населения КБР представляют интерес ответы на закрытый вопрос: «Где бы Вы предпочли жить и работать?» Отвечая на него, 72,8% респондентов сообщили, что «в родном городе/селе», 17,6% – «за рубежом», 5,6% – «в столице РФ – г. Москве», 2,5% – «там, где соблюдают права работника и оценивают их труд» (свой вариант). Полученные данные свидетельствуют о доминировании у большинства респондентов ценности патриотизма (социальная ценность).

Значительный интерес представляет выяснение мнения респондентов относительно ценности вида работы. 40,2% респондентов выбрали «высокооплачиваемую, но неинтересную» работу, 37,2% – «высокооплачиваемую и интересную» (свой вариант), 12,3% – «тяжелую и опасную, но высокооплачиваемую», 10,3% – «низкооплачиваемую, но интересную» работу. «Высокооплачиваемую, но неинтересную» работу выбрали, главным образом, женщины (40,9%); в возрастных группах 18–20 лет (66,7%), 41–50 лет (44,0%) и 31–40 лет (42,5%); по национальности «другие» (44,4%) и кабардинцы (43,6%); занятые в сферах сервиса и туризма (50,0%), здравоохранения и спорта (48,0%) и административных органов (47,8%); жители Зольского (60,6%), Черекского (50,0%) и Баксанского (48,3%) районов.

«Высокооплачиваемую и интересную» работу выбрали, в основном, женщины (40,3%); в возрастных группах 21–30 лет (41,9%), 51–60 лет (37,9%) и 31–40 лет (37,0%); по национальности русские (47,4%) и «другие» (44,4%); занятые в сферах науки и культуры (58,6%), транспорта и связи (44,4%), системы среднего образования (40,5%); проживающие в Майском (52,2%) и Эльбрусском (44,4%) районах, а также в г. о. Нальчик (42,7%).

«Тяжелую и опасную, но высокооплачиваемую» работу считают наибольшей ценностью, главным образом, мужчины (21,1%); по национальности балкарцы (11,4%), кабардинцы (11,3%); в возрастных группах 18–20 лет (33,3%), 21–30 лет (15,1%), старше 60 лет (14,0%); занятые в правоохранительных органах (33,3%), в сельском хозяйстве (27,5%) и строительстве (25,0%); жители Лескенского (33,3%) и Терского (27,3%) районов, а также г. о. Баксан (18,4%). «Низкооплачиваемую, но интересную работу» в качестве наибольшей ценности выбрали, в основном, женщины (11%); в возрастных группах старше 60 лет (17,5%), 51–60 лет (15,8%), 21–30 лет (10,8%); по национальной принадлежности балкарцы (14,8%) и «другие» (11,1%); занятые в сферах сервиса и туризма (33,3%), общественных организаций (18,8%), науки и культуры (18,2%); проживающие в Прохладненском (20,0%), Лескенском (16,7%) и Баксанском (13,8%) районах.

Отвечая на вопрос: «Что для Вас является главным в работе?», респонденты выбрали следующие варианты. 58% респондентов указали «заработную плату», 20% – «возможность работы по специальности», 9% – «интерес к работе» (свой вариант), 7% – «общение с коллегами». Ответы на оба вопроса показали, что у респондентов при выборе работы доминирует критерий оплаты труда. Вместе с тем,

немалая часть респондентов (20%) предпочитает работать по специальности, что свидетельствует об устойчивости ценности специальности и образования.

Причины относительно невысокого жизненного уровня населения Кабардино-Балкарии. Выявление мнений респондентов о причинах относительно невысокого жизненного уровня населения КБР является одним из важных вопросов социологического исследования. 27,3% респондентов объясняют невысокий жизненный уровень в КБР «неудовлетворительной работой республиканской власти», 26,4% – «произволом чиновников», 18,1% – «массовой трудовой эмиграцией молодёжи» из республики, 13,4% – «политикой федерального центра», 12,5% – пассивностью населения республики.

На неудовлетворительную работу республиканской власти указали 59,9% женщин и 53,7% мужчин. Это, главным образом, респонденты в возрастных группах 51–60 лет (62,1%), 41–50 лет (60,0%), 31–40 лет (58,2%); по национальности «другие» (77,8%) и балкарцы (69,3%); занятые в сферах сервиса и туризма (83,3%), системы среднего образования (68,1%) и промышленности (64,3%); проживающие в Лескенском (79,2%), Майском (78,3%) и Эльбрусском (77,8%) районах.

Произвол чиновников считают причиной невысокого жизненного уровня населения КБР, в основном, женщины (57,6%); в возрастных группах 41–50 лет (60,0%), 31–40 лет (59,6%), старше 60 лет (56,1%); по национальности «другие» (66,7%) и кабардинцы (57,1%); работающие в сферах сервиса и туризма (83,3%), правоохранительных органов (83,3%) и в общественных организациях (68,8%); жители Зольского (72,7%), Черекского (68,8%), Баксанского (65,5%) и Майского (65,2%) районов.

Массовую трудовую эмиграцию молодёжи из КБР приводят в качестве причины невысокого жизненного уровня населения, главным образом, женщины (41,2%); в возрастных группах старше 60 лет (52,6%), 51–60 лет (44,2%), 41–50 лет (40,8%); русские (47%), кабардинцы (38%) и балкарцы (37,5%); занятые в сферах строительства (45%), науки и культуры (44,8%), системы среднего образования (42,2%) и административных органов (42,2%); проживающие в Терском районе (60,6%), в г. о. Прохладный (53,1%) и Прохладненском муниципальном районе (48,0%).

В целом, преобладающая часть респондентов объясняет относительно невысокий жизненный уровень населения республики неудовлетворительной работой органов государственной власти (неудовлетворительная работа республиканской власти, произвол чиновников, политика федерального центра).

Таким образом, полученные результаты социологического исследования свидетельствуют о том, что в системе ценностей населения Кабардино-Балкарии доминирующими стали экономические ценности. Это является отражением реальной ситуации в республике – ее отставанием в сфере экономики от других регионов страны. Экономический спад, дальнейшее снижение доходов и, как следствие, снижение жизненного уровня населения республики отражаются на других сферах, прежде всего на демографической ситуации. Следствием этих процессов является общая тенденция изменения рождаемости – медленное снижение (снижение показателей суммарного коэффициента рождаемости), а также массовый отток трудоспособного населения, главным образом молодежи в возрасте 25–35 лет из КБР в мегаполисы. В свою очередь массовый отток квалифицированных кадров и рабочих ведет к снижению социально-профессионального кластера КБР⁸.

Чрезмерная актуализация экономических проблем и ценностей у населения республики оказывает деформирующее влияние на другие ценности и, прежде всего, на моральные и этнокультурные, которые являются основными составляющими традиционных ценностей.

Каковы же основные факторы, обусловившие трансформацию системы ценностей населения Кабардино-Балкарии? Они в целом идентичны факторам, обусловившим трансформацию системы ценностей российского общества в конце

XX – начале XXI в. Российские исследователи выделяют следующие, наиболее значительные факторы: фактор распада СССР в 1991 г. и последовавшие за этим масштабные социально-экономические и политические преобразования; экономический фактор; политический фактор; социальный фактор; фактор давления процесса глобализации; фактор взаимосвязи науки, образования и систем ценностей; фактор влияния западных ценностей; информационный фактор⁹.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Социологическое исследование (анкетный и экспертный опросы) выявило существенную трансформацию экономических ценностей населения Кабардино-Балкарии. Они стали доминирующими в иерархии системы ценностей. Экономические проблемы, прежде всего, низкий уровень доходов населения и, как следствие, снижение жизненного уровня являются самыми актуальными проблемами для населения республики. Преобладающая часть респондентов объясняет низкий жизненный уровень населения республики неудовлетворительной работой органов государственной власти. Большинство экспертов выразили негативное мнение о социально-экономической ситуации в Кабардино-Балкарии.

Актуализация экономических проблем и ценностей у населения Кабардино-Балкарии негативно отражается на других сферах и оказывает деформирующее влияние на систему ценностей. Только рост экономики и повышение жизненного уровня населения республики будут способствовать позитивным изменениям в системе его ценностей.

Примечания

1. *Куихабиев А.В.* Проблемы трансформации системы ценностей российского общества в конце XX – начале XXI в. в работах российских исследователей // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2018. № 1 (81). С. 66–74; *Куихабиев А.В.* Политические ценности кабардинского населения Кабардино-Балкарии во второй половине 80-х – 90-х годах XX века // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2017. № 3 (77). С. 94–100; *Куихабиев А.В.* Проблемы трансформации политических ценностей кабардинцев // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2014. № 4 (60). С. 154–159.

2. *Шанибов Ю.М., Качесок Р.Х.* Ценностные ориентации студенческой молодежи // Res publica. Альманах социально-политических и правовых исследований. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2000. Вып. 1. С. 131–150.

3. *Алхасов М.М.* Процессы социальной трансформации в Кабардино-Балкарии и России в переходный период: методологический и структурный анализ // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2007. № 3 (19). С. 118–122; *Алхасов М.М., Саракуев Э.А.* Этнопсихологические особенности студенческой молодежи КБР. Ростов-на-Дону: Изд-во «Антей», 2010. 200 с.

4. *Куихабиев А.В.* Проблемы трансформации системы ценностей российского общества в конце XX – начале XXI в. в работах российских исследователей... С. 67, 68.

5. *Куихабиев А.В., Алхасов М.М., Кильчукова А.Л., Табаксоев И.А.* Аналитический отчет о результатах анкетного опроса «Трансформация системы ценностей населения Кабардино-Балкарии в современных условиях». Экономический блок. Рукопись. Нальчик: КБНЦ РАН, 2018. 18 с.; *Куихабиев А.В., Алхасов М.М., Табаксоев И.А.* Аналитический отчет о результатах экспертного опроса «Трансформация системы ценностей населения Кабардино-Балкарии в современных условиях». Рукопись. Нальчик: КБНЦ РАН, 2018. 29 с.

6. *Алхасов М.М.* Некоторые аспекты взаимодействия исполнительной власти с обществом КБР в 2003–2012 гг. (по результатам социологических исследований) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2014. № 6 (62). С. 195.

7. *Боров А.Х.* Экономика Кабардино-Балкарской Республики и ее проблемы // Кавказология. 2018. № 3. С. 93–128. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-93-128>.

8. *Табаксоев И.А.* Демографическая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике и ее влияние на устойчивое развитие региона // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2016. № 4 (72). С. 138–140.

9. *Куихабиев А.В.* Проблемы трансформации системы ценностей российского общества в конце XX – начале XXI в. в работах российских исследователей... С. 68–73.

**TO THE PROBLEM OF TRANSFORMATION
OF THE ECONOMICAL VALUES OF POPULATION
OF THE KABARDINO-BALKARIA IN THE MODERN PERIOD
(by results of the sociological research)**

Kushkhabiev Anzor Victorovich, Doctor of History, Head of the Center of socio-political researches of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (KBSC RAS), anzor-vk@mail.ru

Alkhasov Muhametkan Mikhaylovich, Candidate of Sociological sciences, Researcher of the Center of socio-political researches of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (KBSC RAS), alhas77@yandex.ru

Tabaksoev Ibrahim Akhmatovich, Candidate of Sociological sciences, Senior Researcher of the Center of socio-political researches of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (KBSC RAS), tabaksoev1982@list.ru

The article presents an analysis of the results of a sociological research (questionnaire and expert poll) on the transformation of the economic values of the population of Kabardino-Balkaria in the modern period. The research revealed a significant transformation of the economic values of the population of Kabardino-Balkaria. They became dominant in the hierarchy of value system. This is caused by the decrease in the living standards of the population of Kabardino-Balkaria. In the opinion of the overwhelming majority of experts, the most actual problems among the population of Kabardino-Balkaria are low income and corruption. Most experts expressed a negative opinion about the socio-economic situation in Kabardino-Balkaria. The majority of respondents explain the relatively low of living standards of the population of the republic by the unsatisfactory work of state authorities. At the same time, a questionnaire revealed that the actualization of economic problems and values among the population of Kabardino-Balkaria negatively affects on other areas and has a deforming effect on other values and, above all, on moral and ethno-cultural, which are the main components of traditional values. Only the economic growth and the increase in the living standards of the population of the republic will contribute to positive changes in the system of values.

Keywords: Kabardino-Balkaria, economical values, transformation, modern period, questionnaire poll, expert poll.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-80-87

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.10

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-88-96

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ И ПЕРЕВОДА МАТЕРИАЛОВ АДЫГСКОГО ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Гутов Адам Мухамедович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

Статья посвящена разработке общих правил эдичионной работы по подготовке серии томов адыгского историко-героического эпоса для выполняемого единого проекта «Антологический свод адыгского фольклора». С опорой на общие принципы научного издания текстов, сложившиеся в кавказской и всей отечественной филологической науке, акцент делается на необходимости этнокультурной, этноязыковой и художественной специфики конкретного материала – песен и сказаний адыгского фольклора, относящихся к обозначенному жанру. В контексте аналитической характеристики важнейших особенностей источника вырабатываются обязательные и рекомендательные ориентиры по отбору и систематизации эпических песен и сказаний, их текстологической подготовке, научно-аналитическому переводу на русский язык, характеру составления комментариев, словарных и иного рода приложений. Работа выполнена в русле и – при необходимости в развитие – общепринятых основных принципов, по которым готовились научные издания в современной отечественной фольклористике, а также с учетом всех существенных особенностей материалов по адыгскому историко-героическому эпосу.

Ключевые слова: эдичионная работа, историко-героический эпос, антологический свод, текстология, научно-аналитический перевод.

Цели и задачи. Издание призвано представлять собой многотомное антологическое собрание записей материалов из циклов адыгского историко-героического эпоса, подготовленное в соответствии с научными принципами публикации аутентичного фольклора. Следовательно, для него должны быть отобраны из доступных к рассмотрению образцов данного жанра на всех диалектах языка адыгского этноса (кабардино-черкесского и адыгейского языков) только материалы, лучшие в художественном и историко-культурном отношении. С учетом историко-культурной ценности в собрание могут быть включены тексты, дошедшие до нас в записи на другом – чаще всего русском – языке. Каждый текст должен сопровождаться обстоятельными комментариями, справками, научно-аналитическим переводом на русский язык.

При составлении настоящей концепции были взяты за основу принципы практики научно-эдичионной работы, в соответствии с которыми в настоящее время осуществляются академические издания или отдельные научные публикации

текстов в отечественной и зарубежной фольклористике. Учитываются методологические разработки и практические наблюдения отечественных и зарубежных специалистов в области общих вопросов текстологии фольклора. В частности, особое внимание обращено на общеметодологические принципы, выработанные коллективами фольклористов Института мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ)¹, Института русской литературы (ИРЛИ)², на опыт подготовки серии «Эпос народов СССР» (нынешнее название – «Эпос народов Европы и Азии»), которая выпускается отделом фольклористики ИМЛИ в сотрудничестве с ведущими специалистами из регионов РФ, СНГ и стран Балтии с конца 60-х годов XX в. по настоящее время (особенно важны выпуски томов адыгской, карачаево-балкарской и осетинской версий нартского эпоса³). Также учитывается опыт издания учеными ИГи КБНЦ РАН многотомных серий «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов»⁴, «Антологии народной музыки балкарцев и карачаевцев»⁵, завершенных томов «Антологического свода адыгского фольклора»⁶, отдельных научных публикаций, включая все – от дореволюционных до самых близких к нашему времени.

При этом совершенно очевидно, что в ходе подготовки материалов по каждому жанру и для каждого издания непременно возникают специфические проблемы, которые следует решать с учетом конкретных обстоятельств. Опыт показывает, что даже самая совершенная общеметодологическая разработка не может являть собой единственно верный универсальный стандарт, который мог бы без каких-либо корректив быть пригодным к использованию независимо от обстоятельств и специфики конкретного материала. Практика свидетельствует, что даже самые совершенные в научном отношении принципы, созданные для одного издания, не могут быть без оговорок и изменений применены к другому, поскольку специфике каждой публикации могут определять различные особенности материала или, параметры, закладываемые при подготовке. Так, например, за почти полувековую историю даже одного и того же издания, «Эпос народов СССР / Европы и Азии», методологические принципы значительно изменились (причем сделано было всё без отступления от общих принципов научной публикации, а в порядке их совершенствования), и это произошло не только по причине обретения опыта и соответствующих корректив в эдиционной работе, хотя это тоже имеет место, но еще и потому, что эпические произведения, созданные на разных языках и имеющие разные стадийные характеристики, непременно всякий раз требуют учета тех или иных особенностей, что без сомнения отражается при составлении общих принципов издания. Данным обстоятельством обусловлена необходимость выработки методологических уложений не только общего плана, но и единичного порядка, в данном случае – для издания собрания образцов жанра историко-героического эпоса адыгского фольклора. Это относится ко всему циклу эдиционной работы, включая отбор материалов, их систематизацию, текстологическую подготовку материалов, научно-аналитический перевод, составление комментариев, приложений, глоссариев. Так, например, серия «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» – по своему профилю издание этномузыкологическое. Она призвана отражать не только жанровое и тематическое многообразие адыгского фольклора, но, в первую очередь, его музыкальные особенности. В области вокальной и инструментальной традиции отражается этнокультурная специфика адыгского музыкального фольклора, иногда существенно отличающаяся как от европейской, так и восточной традиции. Поэтому специально для данного издания был использован принцип нотной транскрипции, разработанный проф. Е.В. Гиппиусом совместно с В.Х. Барагуновым, адаптированный к конкретному материалу применительно к специфике адыгской вокальной и инструментальной исполнительской культуры. Концентрация внимания на музыкальной стороне потребовала представления нотного материала во всей его полноте и разнообразии – с учетом особенностей мелодического стиха, музыкальной строфики, характера

варьирования мелодии. Очевидно, что если бы песенные тексты с нотами сопровождались полными текстами обширных прозаических текстов, которые в живом бытовании образуют единый цикл, вся эта работа могла бы быть заслонена словесным материалом. Пришлось отказаться от пространных прозаических нарративов и вместо них поместить вслед за песенными текстами краткие аннотации информативного характера.

В отличие от названного издания, в настоящей работе потребуется давать циклы во всей их полноте.

Отбор материалов. Приоритет при подборе материалов для публикации принято отдавать, по справедливости, их художественным достоинствам, то есть стройности композиции, законченности поэтической структуры и особенностей художественного языка и стиля, гармонического сочетания двух компонентов – песни и прозаического повествования. Прежде всего имеются в виду следующие критерии:

– полнота цикла, т.е. единство песни и предания, желательно записанных от одного и того же лица или одних и тех же информантов (если исполнение было не одиночным);

– относительная художественно-композиционная завершенность и гармония между обоими компонентами цикла, т.е. песней и преданием, а вместе с тем насыщенность текста изобразительно-выразительными средствами языка, иными приемами эстетической организации (особенности пространственно-временных представлений и их художественная интерпретация, композиционные приемы, в том числе – параллельные конструкции, повторы, ретардация и пр.);

– историко-культурная значимость произведений, т.е. их место в эволюции художественного языка, роль в истории словесной и, в целом, общей культуры этноса.

Помимо того, немаловажно представить в публикациях разнообразие исполнительских школ, что в практике часто указывает на географию распространения и степень популярности каждого цикла. В этом случае возможно одновременно отметить и ареал естественного бытования, и особенности локальной исполнительской традиции, в том числе – вариативность в области певческой культуры, сюжетосложения, выразительно-изобразительной системы языка, диалектных особенностей, общего уровня эстетической организации текста.

Принципы отбора материалов по жанрово-формальным признакам.

Традиционно считается, что исполнитель (или исполнители) должен не только спеть песню, но и рассказать связанное с ней сказание, и только в этом случае цикл считается завершенным. Однако это идеальный вариант исполнения, который не всегда соблюдается. При подборе материалов приоритетны записи, которые содержат и предание (иногда несколько преданий) и песню. Но, поскольку в представленных материалах часты случаи, когда собиратель зафиксировал только песню или только предание, допустимо помещать наиболее художественно совершенные тексты отдельных произведений при условии, что они не будут без специальной оговорки комбинироваться для искусственно komponуемого цикла. При наличии нескольких вариантов одного цикла, приблизительно равных в художественном отношении, приоритет следует отдавать вариантам, которые отражают во всей полноте географическое и субэтническое распространение произведения. Кроме того, в качестве вариантов следует включать записи, в которых отражены как общие для всего эпоса художественные особенности, так и совершенно оригинальные варианты сюжета, композиционных особенностей, поэтического языка и стиля. Этим, как можно полагать, будет обеспечено отражение как общих закономерностей эпического творчества, так и степень самостоятельности некоторых вариантов как своеобразных разветвлений цикла, который когда-то возник в качестве инварианта, но от которого впоследствии распространились варианты со стандартными «общими местами» и оригинальными образами.

Источники. Наиболее общедоступными источниками являются публикации. Однако их следует подвергнуть строжайшей критической экспертизе и классифицировать по степени аутентичности. Самые ранние опубликованные записи – это материалы Ш.Б. Ногмова (в «Истории адыгейского народа», впервые опубликованных в 1864 г., и «Филологических трудах», выпущенных в свет спустя более ста лет после смерти автора, в середине XX в.) а также дореволюционные публикации многих других собирателей в разных изданиях – академических и научно-популярных, просто популярных с определенной долей вольной интерпретации, причем одни на языке оригинала с переводом и комментариями, другие только в переводе на русский, третьи – в вольном переложении. В последнем случае желательно провести текстологический анализ и установить степень аутентичности.

Не рекомендуется включать в издание совершенно вольные переложения, никак не соответствующие традиционной манере изложения, чуждые поэтической стилистике адыгского фольклора. О них можно упомянуть в комментариях, указав достоинства и степень соответствия фольклорной традиции.

Ту же модель систематизации можно применить и к материалам советского и постсоветского периодов, но с некоторыми корректировками. Так, в течение первой половины и середины XX столетия особенно много внимания уделялось популяризации эпических сказаний, для чего порою допускалась значительная доля вторжения в аутентичный текст, якобы с целью более рельефного выделения его достоинств или адаптации исходного текста к запросам рядовой массы читателей. Если сказать точнее, это был повод для вольной литературной обработки подлинно народных произведений. В каждом из подобных случаев в процессе подготовки материалов для настоящего издания потребуется критический анализ с целью установления степени вторжения публикаторов в исходный текст и пригодности рассматриваемого материала для публикации как фольклорного феномена.

Записи, хранящиеся в архивах, составляют значительную часть имеющихся материалов, из которых базовым для настоящего издания остается рукописный архив ИГИ КБНЦ РАН. Необходимо принимать во внимание, что, как сказания старшего эпоса, так и материалы эпоса младшего записывались в разное время и при разных обстоятельствах лицами, также разными – по своей квалификации, профессиональным интересам, общему уровню своей компетентности. В числе записывающих оказывались иногда и лица, не имевшие ясного представления о правилах сбора и текстологической работы с фольклорными материалами. Иногда некоторые из собирателей плохо владели языком исполнения или же не знали даже правил орфографии и пунктуации. Все это, бесспорно, прямо сказывалось на характере записей, что необходимо учитывать при отборе текстов для включения в готовящееся издание. При подборе текстов важно обращать на все это должное внимание. В зависимости от степени приемлемости текста для восприятия, рекомендуется в процессе подготовки подбираемых текстов приближать их к нормам современного правописания только в тех случаях, когда без внесения корректив текст не будет понят читателем. Обязательное условие при этом – оговаривать каждый случай вынужденного вторжения в текст первоисточника. При этом важно следить за тем, чтобы вносимые поправки ни в коем случае не оказывали влияния на смысл фразы и, тем более, на художественные достоинства текста – ни в сторону его ухудшения, ни в сторону «улучшения». Как то, так и другое, особенно – если это делается без оговорки, равным образом непозволительно.

Материалы фоноvideотеки представляют третий блок записей, которые по характеру фиксации должны характеризоваться большей степенью аутентичности. Это, чаще всего, так и есть, если на звуковой дорожке зафиксирован подлинно аутентичный материал, а не конечный результат многократной репетиции, чего тоже нельзя исключать и что при достаточном опыте легко можно установить. Таковыми обычно являются не студийные записи, а полевые. Однако и в данном случае есть свои исключения. Так, например, студийные записи группы во главе

с Амирханом Хавпачевым, одним из последних джегуако, представляют бесспорную аутентичку. Дело в том, что данный ансамбль регулярно исполнял произведения своего основного репертуара, приближаясь этим к традиционному образу творчества профессионально-народных творцов и исполнителей. В силу этого обстоятельства фольклорные тексты участниками ансамбля хранились в активной памяти, и для них не было никакой надобности в артистических репетициях или руководстве со стороны профессиональных музыкантов и актеров разговорного плана. Кроме того, сам корифей этой группы и его постоянные компаньоны обладали хорошо поставленными от природы голосами, четкой дикцией и природным красноречием. Фактически без подготовки они могли говорить на микрофон без речевых накладок, выстраивая речь грамматически почти безупречно. То же можно сказать и о записях вокально-инструментальной и инструментальной музыки в исполнении Хасана Хавпачева, сына упомянутого народного певца, который унаследовал многое не только от родного отца, но и от других носителей древней традиции.

При выписке фонограмм с магнитной ленты не считаем обязательным строго фонетическую фиксацию всех речевых особенностей, поскольку лингвистически точная транскрипция чрезмерно утяжеляет художественное восприятие и отталкивает подавляющую часть читателей.

К фономатериалам, записанным научными сотрудниками, примыкают записи, выполненные в дореволюционные годы представителями студий грамзаписи. Таковы, например, записи 1914 года, произведенные специалистами из Риги (к сожалению, они доступны нам не в полном объеме). По инициативе энтузиастов в сайтах Интернета размещены материалы записей начала XX века на восковые валики из различных источников в Западной Европе. Думается, при соответствующем научном оформлении их можно поместить в один из томов серии.

Научно-аналитический перевод и его основные принципы. В целях большего удобства для читателя предпочтительно помещать текст перевода не отдельным блоком в издании, а следом за основным текстом. Само понятие «научно-аналитический перевод» предполагает органическое сочетание научной достоверности текста с точностью передачи не только образной системы оригинала, но, по возможности, и его структуры. В данном случае имеется в виду следующее.

а) каждый поэтический троп оригинала желательно передавать соответствующим тропом и в переводе, то есть эпитет – эпитетом, метафору – метафорой, сравнение – сравнением и т.д. Однако это далеко не всегда оказывается возможным, в особенности когда языки оригинала и перевода – разноструктурные. Особенно с наибольшей явственностью это обнаруживается при работе с песенными текстами историко-героического эпоса, где поэтический текст весьма насыщен поэтическими оборотами и часто представляет собой феномен суггестивной лирики: в песенных текстах названного характера часто встречаются иносказания, намеки, умолчания, смысл которых может полностью понять только лицо, посвященное в суть явления. В подобных случаях особую значимость обретает служебная функция прозаического компонента: многие иносказания и другие тропы из песни или прямо комментируются в предании, или же становятся понятными при знакомстве с ним.

Далеко не всегда бывает возможной адекватная передача слова или сочетания, которое в оригинале представляется прозрачным. Возьмем, например, стих «И жанырыбзэм Аушы-Гэргым Іэ дельэ» из песни об Андемиркане в записи П.И. Тамбиева. Буквальный перевод будет выглядеть так: «По его острорежущему Ауш-Герги рукой проводит».

Прежде всего, надо разобраться с метафорикой. «Жанырыбзэ», «острорежущее» – это распространенное в поэтическом лексиконе адыгского младшего эпоса обозначение *меча*. Но если дать его в переводе без какого-либо пояснения, текст так и останется загадочным. В случае, если мы переведем это словом «меч», утратится

образная выразительность источника. Далее, устойчивое в живом языке сочетание «Іэ дэльэн» имеет однозначное содержание — «гладить», «погладить». Поэтому представляется разумным именно так и перевести этот блок. Однако в песенном контексте *погладить меч* имеет переносное значение – *благословить, освятить*. Но важно и кто именно освящает или благословляет: *Ауш-Герги (Аушигерг, Даушгергий)* — в адыгской поздней мифологии это *Святой Георгий*, покровитель воинов, наездников, охотников. Без знания всех названных особенностей невозможно разобраться в смысле данной фразы, представляющемся, на первый взгляд, достаточно прозрачным. Тем более, передать на иноструктурном языке всю полноту содержания поэтического стиха, в котором представлено такое слово, проблематично.

«ХьэщхьэрыІуэдзэ» (*бешеного волка зуб*) метафорический эпитет, означает меч особой остроты и надежности, который разит без разбора всё, что ни попадается. Такого рода стандарты могут иметь свои варианты, различающиеся в разных записях одного произведения или же в записях разных произведений не более, чем одним-двумя звуками. Их следует отмечать при написании в тексте оригинала и в комментариях к текстам, но отразить подобные нюансы в переводе не всегда представляется возможным. Поэтому переводить подобные словесные блоки или же отдельные сложные слова целесообразно одинаковыми сочетаниями. Так, например, приведенный выше эпитет «хьэщхьэрыІуэдзэ» (букв.: *бешеного-волка-зубый*; в контексте – *с лезвием подобным бешеному волку*) отмечен в вариантах архаической «Песни могучих нартов», песни об Андемиркане и песни о герое времен Кавказской войны Кучуке Аджигирееве. Но в цитируемой нами песне, записанной П.И. Тамбиевым, в этом слове на месте дифтонга *-дз-* фигурирует *-цІ-*, и это коренным образом меняет значение слова: *бешеного волка имя*. Как переводить слово в подобных случаях и как комментировать, зависит от контекста.

Такого же рода сложности неоднократно возникают с переводом многих сложных слов, когда по звучанию слова представляют собой омоформы, но своим содержанием оказываются совершенно различными. В подобных случаях представляется целесообразным обратить внимание на контекст: если варьирование звука влечет за собой изменение значения самого слова или фразы, целесообразно дать в комментариях

б) Желательно по возможности сохранять в тексте перевода тот же порядок слов в предложении, который налицо в оригинале, если это не противоречит правилам построения фраз в языке перевода. В приводимом ниже фрагменте оба параллельных стиха построены по одной схеме: *субстантивированное прилагательное с определением*:

ПщІэгьуалэ кІэщІыр Андемыркъаным хуагъафІэ,
Афэхум и быдэр Андмыркъаным щатІагъэ...

Коня белого короткого для Андемиркана лелеют,
<Из> белых кольчуг <самую> прочную на Андемиркана надевают...

Это особенно актуально, когда речь идет о передаче параллельных синтаксических конструкций (как в приведенном примере), что прямо связано с трансплантацией художественной структуры оригинала. Успешнее всего эта задача может быть решена, когда в источнике налицо прямой порядок слов в предложении или же когда фраза дается простым предложением, что в поэтическом тексте случается не всегда. Но, имея дело с разноструктурными языками, это следует соблюдать только при неременном условии, что в обоих случаях степень отношения к структуре естественной речи будет одной и той же. Если, например, с точки зрения порядка слов адыгской речи данное построение является естественным, а для структуры языка перевода он выглядит как искусственное построение, то

надо искать логически приемлемый вариант, чтобы текст перевода не отклонялся от общепринятых форм синтаксического строя языка перевода и чтобы, судя по нему у читателя не создавалось впечатление нелепости системы мышления в языке источника. Обязательным условием, во избежание разнобоя должно быть повторение аналогичной структуры во всех других случаях по всему тексту, когда переводится текст с той же самой структурой. Во всех сходных случаях должна применяться только одна и та же предложения однажды уже избранная структура. Только в этом случае разные части одного текста или же сходные по смыслу фрагменты разных текстов окажутся сопоставимыми по своей структуре на языках не только источника, но и перевода. Это же относится к работе с вариантами одного и того же произведения, особенно – переводам устойчивых словесных блоков: во всех вариантах устойчивые словесные блоки источника должны переводиться по одному типу, т.е. одинаковыми словесными блоками.

в) Для всех устойчивых формул оригинала, повторяющихся в разных текстах или же в разных частях одного текста, следует выработать в тексте перевода абсолютно одинаковые сочетания. Так, например, встречающееся в разных текстах сочетание «джатэ бгъуэ кIэщI» (*меч широкий короткий*) выступает как характеристика человека, который не боится ближнего боя и одиночного поединка с врагом, поэтому оно стало универсалией, обозначающей подлинно смелого воина и с такой функцией вошло в песенную лексику как одна из клише. Таковы же сочетания *тцIэгъуалэ кIэщI*, (букв. – *конь белый короткий*), упомянутое выше слово *хьэщхьэрыIуэдзэ / хьэщхьэуэрыхуэдзэ* – *острие – бешеная собака* и т. п. Два последних примера характерны также тем, что одно слово оригинала требует для перевода непременно двух и даже более слов. Подобные случаи, видимо, нецелесообразно обозначать это в самом тексте, но указать в комментариях будет желательно.

Проблема презентования эпического цикла как явления синкретического. Как хорошо известно, законченный эпический циклэто песня в сочетании с прозаическим сказанием (иногда несколькими сказаниями). По этой причине здесь выделяются вербальный и музыкальный компоненты, при чем вербальный по формальным признакам делится на поэтический и прозаический, а музыкальный – на вокальный и инструментальный. Каждый из этих компонентов настолько важен, что игнорирование его в издании приведет к неполноте представленности самого явления. В распоряжении составителей имеется богатый материал песен, которые были нотированы для фундаментального серийного издания «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» (НПИНА) и в данной серии были опубликованы. Учитывая высокий научный уровень выполнения названной работы, которая велась под непосредственным руководством профессора Е.В. Гиппиуса, причем по специально разработанной системе нотной транскрипции, будет целесообразно перепечатать нотные материалы из указанного труда. При необходимости нотирования новых записей, не вошедших в НПИНА, следует выполнить его по тому же принципу, но не по канонам нотной грамоты. В связи с тем, что все же предполагаемое издание не является строго музыкальным, в ряде случаев придется помещать тексты без нот. Также допустима публикация неполных циклов, то есть поэтических текстов без прозаического сказания и, наоборот, прозаических текстов без песенного компонента – в тех случаях, когда жанровая принадлежность записи не подлежит сомнению.

Комментарии, приложения. Важность комментариев и других научных приложений к публикации в научном издании текстов неоспорима. При этом необходимо бывает соблюсти параметры объемов текста и комментариев таким образом, чтобы они были достаточными для объяснения всех случаев, когда в этом есть необходимость, но в то же время даже самые обстоятельные дополнения и пояснения не должны заслонять сами тексты. Поэтому определенные пропорции должны быть соблюдены, что в данной части работы потребует особого лаконизма стиля. Следуя практике и опыту работы над материалами нартского эпоса, целесообразно

помещать сведения о каждой публикуемой записи (исполнитель, дата и место записи, собиратель и пр.) прямо после текста перевода. Там же рекомендуется помещать комментарии к таким фрагментам или отдельным архаизмам, окказионализмам, именам собственным и образным выражениям, которые употребительны только в данном произведении или же встречаются в различных произведениях сравнительно редко (то есть, если слова или сочетания не стали так называемым и общими формулами, которые употребительны в нескольких разных произведениях). Требуемые пояснений слова и выражения, которые стали универсалиями и употребительны в различных поэтических текстах (наподобие *пщIэгъуалэ – белый конь, джатэбгъуэ кIэщI – меч широкий короткий, елъэрышэ лъагъуэ – узкая тропа*, букв.: <путников или всадников> в цепочку растягивающая тропа, и пр.), предполагается сгруппировать в отдельный словарь с толкованиями.

Настоящие заметки имеют общеметодологическое и сугубо рабочее назначение, они не претендуют на универсальность решения всех проблем, которые могут возникнуть в ходе работы. Поэтому они не претендуют на полноту освещения всех аспектов данной проблемы. Также нельзя исключать возможности внесения в предлагаемые общие принципы отдельных корректив, что совершенно вероятно потребует сделать по ходу работы над конкретными записями в тех случаях, когда фактические материалы будут демонстрировать их актуальность. Вместе с тем, надеемся, что предлагаемые условия сослужат руководством, способным ориентировать практическую работу, обогащая при этом теоретико-методологический потенциал ее исполнителей.

Примечания

1. Текстологическое изучение эпоса. М.: Наука, 1971. 232 с.; Фольклор. Издание эпоса. М.: Наука, 1977. 288 с.
2. Принципы текстологического изучения фольклора. М.–Л., 1966. 256 с.
3. Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1974. 416 с.; Нарты. Карачаево-балкарский героический эпос. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1995. 656 с.; Нарты. Осетинский героический эпос. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. Т. 1. 1989, Т. 2. 1990, Т. 3. 1991.
4. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Под общей редакцией Е.В. Гиппиуса. Т. II. Нартские пшинатли. М.: Советский композитор, 1981. 224 с.; Т. III. Ч. 1. 1986. 264 с.; Т. III. Ч. 2. 1990. 488 с.
5. Антология народной музыки балкарцев и карачаевцев / под общ. ред. Е.В. Гиппиуса. Т. I. Мифологические песни и наигрыши. Нальчик: КБИГИ, 2015. 432 с.
6. Нарты. Адыгский эпос. Т. I. Ранние циклы. Нарт Сосруко / под общ. ред. Нальчик: Тетраграф, 2012. 424 с.

BASIC PRINCIPLES TEXTOLOGICAL PREPARATION AND TRANSFER OF MATERIALS OF THE ADYG HISTORICAL-HEROIC EPOS

Gutov Adam Mukhamedovich, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

The article is devoted to the development of general rules for the ecclesiastical work on the preparation of a series of volumes of the Adyghe historical-heroic epos for the single project “Anthological collection of Adyghe folklore”. Based on the general principles of scientific

publication of texts established in Caucasian and all Russian philological science, the emphasis is placed on the need for ethno-cultural, ethno-linguistic and artistic specificity of a particular material – songs and legends of Adyg folklore belonging to the chosen genre. Together with the analytical characteristics of the most important features of the source, mandatory and recommendatory guidelines are developed for the selection and systematization of epic songs and legends, their textual preparation, scientific and analytical translation into Russian, the nature of writing comments, vocabulary and other kinds of applications. The work was carried out in line with and, if necessary, in development, of generally accepted basic principles, according to which scientific publications were prepared in modern Russian folklore studies, as well as taking into account all the essential features of the materials on the Adyghe historical-heroic epic.

Keywords: eclectic work, historical-heroic epic, anthological collection, textology, scientific and analytical translation.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-88-96

**«ТИМУРОВСКИЙ ЦИКЛ» В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ
И «СКАЗАНИЕ О ХРОМОМ ТИМУРЕ» Д.-Х. ШАВАЕВА**

Берберов Бурхан Абуюсуфович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), burhan_berberov@mail.ru

Тимур (Тамерлан, Хромой Тимур) – историческая личность, которая оставила значительный след в фольклоре и профессиональной литературе многих западноевропейских и восточных народов. Как у всякого диктатора образ его амбивалентен: одни исследователи подчеркивают масштаб его созидательной деятельности, другие – деструктивный характер его завоевательских походов. Составной частью обширного «тимуровского цикла» является лиро-эпическая поэма карачаево-балкарского сказителя XIX века Д.-Х. Шаваяева «Сказание о хромом Тимуре». Здесь также воссоздается противоречивый образ незаурядной личности, прославившейся как подвигами, так и крупномасштабными злодеяниями. Тематическим центром поэмы является вторжение тимуровских войск на территорию Северного Кавказа и разорение многочисленных селений. Художественное мастерство автора проявилось в искусстве сюжетосложения, использовании оригинальных речевых оборотов, красочных сравнений, метафор, эпитетов, гипербол.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, историческое предание, «тимуровский цикл», Шаваяев, поэма, амбивалентный образ, нашествие, уроки истории.

Северокавказская земля издревле была ареной драматических историй, связанных с иноземными нашествиями, оборонительными битвами, героическими подвигами горцев и крупномасштабными народными трагедиями. Особое место в этих «милитаристских анналах» занимает Тимур (Тамерлан, Аксак Тимур), – печально знаменитый средневековый правитель, младший последователь Чингисхана, который почти до основания разорил «Страну Прометея» в 1395 г. Как отмечает кавказовед Х.А. Хизриев, «последствием этих нашествий войн и междоусобиц было резкое сокращение численности местного населения, прежде всего трудового, в результате массового его истребления или увода в плен, насильственной вербовки наиболее здоровой его части в войска завоевателей»¹.

Историками, политологами, социологами достаточно полно изучены исторические страницы, связанные с нашествием Аксак Тимура на территорию Северного Кавказа. Другим ценнейшим источником, знаний об этом периоде является богатейший фольклор, созданный практически всеми северокавказскими народами. В устном народном творчестве карачаевцев и балкарцев также имеется многожанровый «тимуровский цикл», состоящий из исторических и топонимических преданий, героических песен, песен-плачей (кюй жырла) и т.д. Кстати, как отмечает М.А.-А. Джанкёзова, хронологически «самые ранние песни связаны с событиями нашествия войск Тимура на Северный Кавказ (1395; 1400) и, в частности, на территорию предков карачаево-балкарцев»². Интересное предание о Хромом Тимуре было опубликовано Евг. Барановым в дореволюционном номере журнала «Вокруг света» (1912 г.)³.

В архивном фонде КБИГИ нами обнаружено любопытное предание о Хромом Тимуре. Поскольку текст небольшой по объему, приведем его целиком. «Хромой Тимур жил у реки в Балкарии. Вскоре горы ему надоели. Он не знал, как выбраться из горной теснины. В окрестностях Жалпака позади Зылги он обнаружил выход. Он взобрался на вершину горы. Осмотревшись, увидел широту мира, о которой не догадывался. Ему не нравилась низина и он, оборотившись назад, с вершины прокричал свою мольбу: «О, Аллах, этим людям живущим у реки, никогда не дай бедность, но и богатства никогда не дай». Как отмечает сказитель Бисолтан Жилкибаев, поведавший это сказание 27 июня 1972 г., «с тех пор среди жителей Балкарии нет ни богатых, ни бедных»⁴.

Благодаря усилиям карачаево-балкарских фольклористов, в особенности Х.Х. Малкондуева, на сегодняшний день накоплен ценный в научном и художественном отношении материал, проливающий свет на исторические события, связанные с нашествием Тимура и силой народного сопротивления. Особый интерес представляют этноландшафтные, орографические исследования Х.Х. Малкондуева, который шаг за шагом воссоздавал траекторию передвижения Хромого Тимура по Центральному Кавказу через топонимические названия местностей, скал, камней, урочищ⁵. В этой связи вспоминаются строки из стихотворения Кайсына Кулиева «Камень»:

Наши книги, история нашей земли!
Потому-то и камень везде в преизбытке,
Что столетия в нем свой язык обрели.
Это скорби и стойкости твердые свитки!

Вот надгробья, вот мельничные жернова,
Башни... Память о войнах, набеггах, обвалах.
Выразительны камни, как будто слова.
Заливала их кровь, лунный свет заливал их.

Это плач матерей и томленья подруг,
Боль поэта и мысль мудреца-чародея
И умельца движения чуткие рук,
Дух борца... Я читаю их, сам камня!»⁶.

Сходные мысли обнаруживаются в «Запеве» к роману ингушского писателя XX века И.М. Базоркина «Из тьмы веков»:

Всегда живой и сильный,
ни тленью, ни сраженьям не подвластный
язык-мудрец народа моего.
В нем память прошлых дней и песни соловья.
В нем сохранился миф про Тейшабайне,
сказ про Батыя – внука Чингис-хана –
и про сражения с Тимуром Хромым,
мир покорившим, но не эти горы!»⁷.

В одном только Чегемском ущелье Х.Х. Малкондуев обнаружил около двух десятков топонимов, происхождение которых связано с именем среднеазиатского завоевателя. Среди этих «каменных» свидетельств – Акьсакъ Темирни ташы (Камень Хромого Темира), Акьсакъ-Темирни-Атла къошу (Стан лошадей Хромого Темира), Акьсакъ-Темирни Тохтаучу-жеру (Стоянка Хромого Темира, Акьсакъ-Темирни-Бодуркъусу (Застава Хромого Темира) и др.⁸. В приведенных нами топонимах напрямую упоминается имя «кровожадного властелина Вселенной».

Но есть и другие, «сюжетные топонимы», которые в свернутой форме содержат в себе трагические протестные антивоенные истории. Один из таких топонимов –

«Къызла-Кюйген-Къая (Скала Сгоревших Девушек)». Согласно народному преданию, при приближении полчищ Тамерлана на подступах к Чегемскому ущелью местным населением была выставлена мощная оборонительная сила. Однако она была прорвана противником, который двинулся вверх к склонам гор. В этот момент четыре дочери-красавицы князя Дюгербия поднялись на высокий выступ, подожгли себя и горящими живыми факелами сбросились вниз. В народной памяти сохранилась трогательная песня-плач, посвященная этому трагическому событию. В ней воспевается образ горянки, для которой девичья честь, свобода и любовь к родной земле превыше жизни.

Заметный вклад в исследование «тимуровского цикла» внес известный фольклорист и литературовед А.М. Теппеев, который в 1972 г. вдоль и поперек прошел всю Верхнюю Балкарию, где сохранились «следы» кровавого завоевателя. Ученому удалось записать со слов сказителей двенадцать народных песен, тематически связанных со злодеяниями Тамерлана: «Къара боран» («Черный буран»), «Эгизле анасыны сарыны» («Плач матери близнецов»), «Аналагъа бугъоу сынжыр салалла» («Матерей заковывают в кандалы»), «Жарлы Астемир» («Бедный Астемир»), «Эгечи къарындашына этген кюй» («Плач сестры по умершему брату»), «Къазауатда ёлген эрине къатыны этген кюй» («Плач вдовы по погибшему на войне мужу»), «Дюгербий» («Дюгербий») ⁹ и др. Все они представляют собой бесценный источник «для изучения основ народной педагогики и психологии, тесно связанных со всем укладом жизнеустройства балкарцев и карачаевцев в трагический период народной истории» ¹⁰.

С опорой на многочисленные предания карачаево-балкарский автор Дауд-Хаджи Шаваев (Абайханов) (1800–1892) написал достаточно объемную лиро-эпическую поэму «Сказание о Хромом Тимуре», состоящую из 124 строф. Во вводной части автор вкратце знакомит читателя с творческой историей произведения, признаваясь, что «с детских лет слышал множество правдивых рассказов о древнем герое, имя которого до сих пор на слуху у всех в Балкарии, Чегеме, Холаме, Баксане, Карачае, Багдаде, Персии, Стамбуле, Крыме» ¹¹.

Далее автор повествует о рождении и детских годах одиозного завоевателя, несколько романтизируя его образ и используя для характеристики множество гиперболических формул, типичных для героического эпоса. По преданиям, Тимур родился в среде скотоводов-кочевников. Эта деталь значима, если учесть теорию Г.Д. Гачева о «космо-психо-логосе», согласно которой формирование судьбы и ментальности отдельной личности или этноса проходит в соответствии с окружающей его «прародиной», эколандшафтом, средой обитания ¹². Так, по Шаваеву, в оттачивании совершенных психо-физических качеств Тимура активное участие принимает животный мир. Мальчику, едва научившемуся ходить по земле, доверяли стада овец, коров, табуны лошадей. Забавляясь, малыш, хватал жеребца за хвост, гонял его до изнеможения и затем взлетал вверх и опускался на его спину. Завидев горного тура, он гнался за ним на бешеной скорости, настигал и молниеносно накидывал на шею жертвы аркан. Меткость стрелка Тимур оттачивал стрельбой из лука по печени степного орла:

Окъ ётюп бауурундан,
Тохтатыучед учханьн.

Стрелу вонзая в печень,
Он останавливал летящего ¹³.

(Подстр. пер. автора статьи)

Заяц – еще один чрезвычайно интересный и инвариантный зооморфный образ, который встречается в «тимуровских преданиях» различных евразийских народов, и содержит глубоко философское и по-своему гуманистическое объяснение

хромоты в равной степени великого и зловещего полководца. В наиболее полной форме «заячий сюжет» приводится в чечено-ингушском предании «Хромой Тимур». Приведем этот примечательный отрывок: «Когда Тимур был еще маленьким, у его отца было много овец. Однажды Тимур пас их и заметил, что среди овец бегают зайцы. Завидя Тимура, заяц побежал. Тимур бросился за ним, поймал его и пустил среди овец. Тот опять убежал. Тимур и во второй раз поймал зайца. Так в течение дня Тимур ловил его много раз, приносил и пускал его в отару. Вечером вместе с овцами Тимур пустил зайца в загон. Придя домой, он сказал отцу:

– Среди наших овец бегают один барашек. Я не видел никого быстрее него; целый день я гонялся за ним и сильно устал. Надо бы прирезать его.

Выпуская утром овец, отец Тимура сказал:

– Покажи-ка мне этого барашка.

– Вот он, – показал Тимур отцу зайца и отпустил его.

– Поймай тогда, – сказал отец.

Тимур поймал зайца и подал отцу. Отец тотчас же зарезал зайца. После этого отец поломал Тимуру бедро и при этом сказал:

– Если тебя оставить невредимым, ты разоришь все страны.

С тех пор Тимур стал хромым»¹⁴.

Чечено-ингушский вариант примечателен и интересен своим притчевым содержанием и ярко выраженной поучительной антивоенной направленностью.

Большое место в поэме Д.-Х. Шаваева (Абайханова) занимают батальные сцены, характеристика воинского искусства предводителя «степной армии» и его конной кавалерии. Автор отмечает феноменальное взаимопонимание «людей и коней», слаженность их действий, способность выдерживать многодневные марш-броски через горы и степи из одной страны в другую. Поется настоящая ода боевым лошадям, которые сравниваются с горными турами, для них не являются преградой к намеченной цели ни холод, ни зной, ни ледники, ни пропасти. Прославляется сам военачальник, единое слово которого мгновенно выстраивает в ровную шеренгу многотысячную армию. Нередко Д.-Х. Шаваев обращается к орнитогенным образам, поэтизируя военное снаряжение, амуницию, оружие:

Къауум аскер тизилип,
Садакъларын атсала,
Учхан окъла ушайла,
Кёгде минг къанкъазлагъа.

Если воины выстроятся
И выпустят стрелы,
То летящие стрелы
Похожи на тысячу лебедей¹⁵.

(Подстр. пер. автора статьи)

Верный исторической правде, Д.-Х. Шаваев, наряду с достоинствами, отмечает и «другую сторону медали», а именно, жестокость Тимура, его бесчеловечность и страсть к карательным методам достижения дисциплины и абсолютного повиновения. В отдельных случаях автор с натуралистическими подробностями описывает изощренные формы наказания сопротивленцев.

Одним из впечатляющих эпизодов является рассказ об ополченцах Персии, которые заполнили подступы к своей стране тысячами младенцев для того, чтобы надвигающаяся орда Тимура смилостивилась, остановилась, образумилась и отказалась от своего захватнического плана. Однако ставка на милосердие не возымела успеха, конница прошла по телам новорожденных и Персия пала под натиском хромого Тимура¹⁶.

Вторая часть поэмы «Предание о Тимуре» посвящается «кавказским страницам» военно-политической биографии восточного диктатора, который, по словам

Д.-Х. Шаваева, был одержим идеей расширить границы своих владений до Главного Кавказского хребта, до Эльбруса. Карачаево-балкарский автор мастерски использует художественную ойконимию для того, чтобы наглядно проиллюстрировать планетарный размах территориальных притязаний Тимура. Здесь упоминаются десятки географических названий стран, рек, городов, гор – Бухара, Турция, Иран, Аравия, Идиль (Волга), Персия, Шам (Дамаск), Индия, Ногайская Степь, Багдад, Крым, Стамбул, Бештау, Маджария, Дигория, Беш Тамак, Верхняя Балкария, Холам, Черек, Баксан, Ётмюш Кол и др.

Калейдоскопическое мелькание всех этих многочисленных больших и маленьких «стоянок» диктатора придают художественному тексту эффект скоростного движения кочевников во главе со своим предводителем по евразийскому континенту. Характеризуя мировоззрение кочевых народов, Г.Д. Гачев отмечает: «Это – народы-ферменты, движущиеся в порах истории. Они – орган и орудие развития, исторического движения. Но сами почти не развиваются именно потому, что их движение уходит в пространство (смена мест), а не во время (смена обществ на одной земле).

Отсюда уже априори можно сделать важное предположение о мировоззрении кочевых народов: понятие пространства у них должно превалировать над понятием времени (у земледельцев, очевидно, – наоборот)»¹⁷.

С большой долей художественной идеализации Д.-Х. Шаваев изображает народ «таулу», живущий мирным трудом (разводят скот, выращивают злаки, воспитывают богатырей). На призыв Хромого Тимура сразу сдаться горсточка самонадеянных горцев отказывается без раздумий и вступает в неравный бой с многотысячной ордой профессиональных воинов, экипированных до зубов. Защитников своей родной земли автор сравнивает с нартами, а агрессоров называет «бешеными псами» (кьутургъан итле), «убийцами» (къанлы), «проклятыми» (налат).

Картина после погрома напоминает апокалипсис, в художественном решении которого доминируют два цвета: красный и черный. Пролитой крови было столь много, что горы Балкарии после побоища еще несколько лет были пропитаны «запахом крови», на равнины с гор текли «реки крови», из камней «сочилась кровь». Вместе с выжившим чудом скорбят горы, ледники, животные. Доминанта символики красного цвета в финале поэмы дополняется образом огромной тучи из «черных воронов», привлеченных в горный край запахом крови.

Завершается поэма риторическим вопросом автора, обращенным к жестокому завоевателю:

Къабырына не алды ол,
Бу жарыкъ, бу дуниядан?

Что он забрал с собой в могилу,
Из этого светлого, из этого мира?¹⁸.

(Подстр. пер. автора статьи)

В этих двух строчках в свернутом виде содержится важнейший вопрос нравственного выбора каждого человека и каждого народа. Жизнь полна фатальных моментов, когда надо решить экзистенциальную дилемму, выбирая славу или смирение, свободу или рабство, честь или бесчестие. С этой точки зрения другому оценивается решение горсточки горцев, которые рабской жизни под пятой захватчиков предпочли смерть за родину в честном бою. Другими словами, в этической системе горцев всегда присутствовали абсолюты, которые определяли стержень личностного и этнического бытия. По произведениям о Хромом Тимуре «сегодня можно не только восстановить конкретику событий, но и сделать выводы о психологических особенностях народа, его моральной и духовной силе»¹⁹.

В этом высший смысл «тимуровского цикла» легенд и преданий, а также проанализированного лиро-эпического произведения выдающегося автора поэтического

слова XIX века Д.Х. Шаваева, поскольку каждый из этих фольклорных текстов является ценнейшим источником знаний об истории, культуре и менталитете северокавказских горцев.

Примечания

1. *Хизриев Х.А.* Нашествие Тимура на Северный Кавказ и сражение на Тереке // Вопросы истории. № 4. 1982. С. 45–54.
2. *Джанкёзова М.А.-А.* Историко-национальный контекст в карачаево-балкарском фольклоре // Гуманитарная мысль Северного Кавказа в общероссийском научном пространстве. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 15–17 ноября 2012 года. Черкесск: КЧИГИ, 2014. Ч. 2. С. 79–83.
3. *Баранов Евг.* Темир Аксак // Фольклор карачаевцев и балкарцев в записях и публикациях XIX – середины XX века. Нальчик: Эльбрус, 2016. С. 296–304.
4. Архив КБИГИ. Балкарский фольклорный фонд. Папка 11. Паспорт 3. Записала Кучмезова М.Ч.
5. *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарский песенный фольклор о нашествии Аксак Темира на Центральное Предкавказье. Мотивы // Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII века). Нальчик: КБИГИ; ООО «Печатный двор», 2015. С. 46–79. 312 с.; *Он же.* Карачаево-балкарский песенный фольклор о нашествии Аксак Темира // V международная фольклорная конференция национальной АН Азербайджана. Баку, 2007. С. 676–679; *Он же.* Неисследованные фольклорные материалы об Аксак Темире // Вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2015. № 1. С. 91–99.
6. *Кулиев К.Ш.* Камень // Собрание сочинений. Т. II. Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература, 1977. С. 49–50. 542 с.
7. *Базоркин И.М.* Из тьмы веков. Роман. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1989. С. 4. 576 с.
8. *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарский песенный фольклор о нашествии Аксак Темира на Центральное Предкавказье. Мотивы // Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII века). Нальчик: КБИГИ; ООО «Печатный двор», 2015. С. 46–79. 312 с.
9. *Тепеев А.М.* Эпоха Хромого Темира – в балкарских песнях // Газета «Заман». 2008 г. 26–27 августа.
10. *Берберов Б.А.* Ребенок и репрессия: карачаево-балкарский детский фольклор о депортации // Кавказ между Западом и Востоком. Межвузовский сборник научных работ. Карачаевск: КЧГУ, 2003. С. 111–113.
11. *Шаваев (Абайханов) Д.-Х.* Дуния сагышла (Раздумья о жизни). Поэмы. Зикиры. Стихи. В 2-х частях. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. Ч. I. 196 с.; Ч. II. 182 с. Ч. II. С. 115.
12. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.
13. *Шаваев (Абайханов) Д.-Х.* Дуния сагышла (Раздумья о жизни). Поэмы. Зикиры. Стихи. В 2-х частях. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. Ч. I. 196 с.; Ч. II. 182 с. Ч. II. С. 117.
14. *Хромой Тимур* // Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Составители: И.А. Дахкильгов, А.О. Мальсагов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1986. С. 362–365. 528 с.
15. *Шаваев (Абайханов) Д.-Х.* Дуния сагышла (Раздумья о жизни). Поэмы. Зикиры. Стихи. В 2-х частях. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. Ч. I. 196 с.; Ч. II. 182 с. Ч. II. С. 116.
16. *Шаваев (Абайханов) Д.-Х.* Дуния сагышла (Раздумья о жизни). Поэмы. Зикиры. Стихи. В 2-х частях. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. Ч. I. 196 с.; Ч. II. 182 с. Ч. II. С. 121.
17. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 256. 544 с.
18. *Шаваев (Абайханов) Д.-Х.* Дуния сагышла (Раздумья о жизни). Поэмы. Зикиры. Стихи. В 2-х частях. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. Ч. I. 196 с.; Ч. II. 182 с. Ч. II. С. 124.
19. *Берберов Б.А.* Художественные особенности выселенческого фольклора карачаевцев и балкарцев // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2004. 3 (9). С. 18–21.

**«TIMUR'S CYCLE» IN THE KARACHAY-BALKAR FOLKLORE
AND «THE LEGEND OF TIMUR THE LAME» BY D.-KH. SHAVAEV**

Berberov Burkhan Abuyusufovich, Doctor of philology, Lead researcher, Head of Sector of Karachay-Balkar folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), burhan_berberov@mail.ru

Timur (Tamerlane, Timur the Lame) is a historical figure, who left a significant trail in the folklore and professional literature of many Western European and Eastern peoples. As any dictator, his character is ambivalent: some researchers emphasize the scale of his creative activity, others – the destructive nature of his conquering campaigns. An integral part of the extensive «Timur's cycle» is the lyrico-epic poem «The Legend of Timur the Lame» of the Karachay-Balkar narrator of the XIX century D.-Kh. Shavayev. Here is also re-created the controversial character of an extraordinary personality, who became famous both for his exploits and large-scale atrocities. The thematic center of the poem is the invasion of the Timur's troops on the territory of the North Caucasus and the ruin of numerous villages. The artistic skill of the author was reflected in the art of plot structure, the use of original figure speeches, colorful comparisons, metaphors, epithets, hyperboles.

Keywords: Karachay-Balkar folklore, historical legend, «Timur's cycle», Shavaev, poem, ambivalent character, invasion, history lessons.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-97-103

СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОТИВА ПОДКИДЫША (НАЙДЕНЬША) В АДЫГСКОМ ЭПОСЕ

Бухуров Мухамед Фуадович, кандидат филологических наук, заведующий сектором адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), mbf72@mail.ru

В статье на широком фактическом и сравнительном материале проводится анализ существенных особенностей универсального мотива «подкидыша» (найденьша) в адыгском фольклоре. Автор приводит все наиболее распространенные разновидности конкретных форм объективации данного мотива в сказках, наргских сказаниях и историко-героическом эпосе, характеризуя каждую из них по характеру бытования и типологии. Особое внимание уделяется композиционному строению рассматриваемого явления. В частности, выявляются основные его составные части, которые классифицируются по формальным, позитивным, семантическим, функциональным и другим признакам, в результате чего определяется модель мотива. Значительное место в статье отводится также установлению истоков некоторых архаических элементов, составляющих основу мотива, и путей их эволюции в эстетической системе фольклорного произведения.

Ключевые слова: подкидыш, найденьш, мотив, чудесное рождение, историко-героический эпос, сказка, сказание.

Мотив подкидыша (найденьша) относится к числу мировых фольклорных универсалий, и чаще всего он связан с так называемым «эдиповым сюжетом». Данный сюжет соответствует сказочному, выделенному в международном указателе А. Аарне – С. Томпсона (далее – АТ)¹ под номером 931. Например, в сюжетном указателе восточнославянской сказки (далее – СУС) он имеет следующую формулировку: «Кровосмеситель (Андрей Критский): при рождении мальчика предсказано, что он убьет отца и женится на матери, его бросают в воду, но предсказание все же сбывается; грех искупается суровым покаянием»². Он близок также сюжету АТ 933: «Кровосмеситель (Папа Григорий): женщина кладет новорожденного внебрачного сына в корзину и пускает вниз по реке; его подбирают рыбаки (дьякон); взрослым он вступает в любовную связь с этой женщиной; узнав, что она ему мать, отправляется на пустынный остров, где ведет отшельническую жизнь; в сане епископа исповедует свою мать»³. Многие элементы обозначенных сюжетов содержатся также в следующих типах: АТ 315, АТ 461, АТ 510, АТ 930 и др.

Как известно, сюжет о царе Эдипе не раз становился объектом пристального изучения видных отечественных и зарубежных исследователей. Многие кавказоведы в своих трудах указывали на наличие этого сюжета и в устном народном творчестве адыгов. В этом плане интерес представляют исследования А.И. Алиевой⁴, А.М. Гадагатля⁵, М.Е. Талпы⁶, Ш.Х. Хута⁷ и др., в которых содержится обобщенная характеристика этого фольклорного явления. Среди наиболее значительных работ следует назвать монографию А.М. Гутова «Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса», в которой проводится тщательный анализ адыгской версии названного сюжета. Однако здесь основное внимание ученого обращено

на изучение двух центральных мотивов сюжета – отцеубийства и кровосмешения, с которыми переплетается мотив подкидыша (найденъша)⁸. В данном случае стоит упомянуть и монографию Ж.Г. Тхамоковой, где, наряду с другими сюжетами адыгских бытовых сказок, рассматриваются типы АТ 930, АТ 930 I, IV, АТ 931, АТ 933 и др.⁹ Однако в настоящее время не существует специальных работ, посвященных обозначенной теме, чем и обусловлены актуальность и новизна настоящего исследования.

Как повествуется в трагедии Софокла, Аполлон предсказывает Лаю смерть от руки собственного сына. Услышав это, Лай велит бросить младенца (Эдипа) на горе Киферон, проколов ему ноги булавкой. Но пастух не выбрасывает новорожденного, а передает его коринфскому пастуху, который в свою очередь отдает ребенка своему бездетному царю Полибу, и тот воспитывает его¹⁰. Как известно, фольклорный мотив удаления младенца в трагедии представлен в авторской интерпретации. Согласно греческой мифологии, мальчика опускают в сундуке (ящике и т.п.) в море, а жена царя находит его на берегу у Коринфа (или Сикиона) и усыновляет. По другой версии, Эдипа находят пастухи, среди которых он и вырастает¹¹.

Причину появления данного сюжета в фольклоре ученые связывают с древней формой наследования царской власти. А.М. Гутов, придерживаясь мнения большинства специалистов, в частности, А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, О.М. Фрейденберг, В.Я. Проппа и др., приходит к заключению, что «в основе мы имеем дело с древней традицией, и она, по всей вероятности, связана с формой наследования. Естественно, что младший наследует старшему – будь это в семье, в общине или же на уровне государства. При этом естественно, что старший стремится по возможности продлить свое верховенство, а младший – как можно достичь его. Это и есть, видимо, первооснова конфликта»¹². Однако, по его замечанию, «...фольклорный мотив, как правило, далеко не сразу исчезает с изменением породившей его базисной основы. ...Он изменяется в деталях и даже в функции, но не выпадает из арсенала народного искусства»¹³. Высказывание ученого подтверждается и анализом нашего материала.

Судя по приведенному выше сюжету об Эдипе, ядро названного мотива образуют следующие компоненты: *пророчество, удаление младенца и его спасение (воспитание)*. В адыгском фольклоре в своей традиционной форме он представлен в «Сказке о могучем князе», записанной А.М. Гутовым со слов известного сказителя Чеченова Азрета (1902 г. р.)¹⁴. Сюжет сказки соответствует АТ461=930. Он начинается со следующей исходной ситуации: князь со своим войском отправляется в *зеклуэ* (поход), и в пути их одолевает жажда. В пустыне они находят колодец, князь спускается в него, а там за столом сидит какой-то старик и что-то пишет. Как оказалось, старик записывал предначертанную каждому человеку судьбу. За исходной ситуацией следует *пророчество*: старик предсказывает князю, что, пока он будет в отъезде, у него родится дочь, а у его служанки – мальчик, и что этот мальчик станет его зятем.

Мотив *удаления младенца* в сказке реализуется следующим образом: разгневанный князь возвращается домой, ночью крадет у служанки новорожденного, относит в лес и оставляет на съедение диким животным. На первый взгляд кажется, что здесь отражен мотив социального неравенства: князь хочет погубить сына служанки, чтобы он не женился на его дочери. Однако, если следовать суждениям Дж.Дж. Фрэзера¹⁵, В.Я. Проппа¹⁶ и др., в данном случае мы наблюдаем отголоски древнего обычая, согласно которому, царский трон передавался не по мужской линии, а по женской, т.е. зятю. И, как полагают ученые, в этом заключена причина появления в фольклоре мотива вражды между князем и будущим зятем (ср.: мотив «бой отца с сыном»).

В эпизоде, где описывается *спасение (воспитание)* героя, представлены следующие архаические элементы: коза вскармливает брошенного на гибель мальчика

своим молоком; козопас находит его в кустах; он отдает его своей жене на воспитание.

Еще В.Я. Пропп обращал внимание на заменимость пророчества в «эдиповом сюжете». По этому поводу он писал: «Оно может отсутствовать без всякого влияния на сюжет, может быть без ущерба для него вычеркнуто. Пророчеством мотивируется удаление младенца. Но удаление может быть мотивировано и иначе»¹⁷. В богатырской сказке «Был-Былакь и Іуэхур кьызэрекІуэкІар» (Приключения Быль-Былака)¹⁸ отсутствует пророчество, а удаление мальчика вызвано тем, что он родился от побочной связи его матери с мифическим существом – иныжем. Сюжет сказки соответствует номеру 315 в указателе АТ: герой обращается с запретом к матери «не открывать дверь в *хачеш* (гостиная)», и сам отправляется в *зекІуэ* (поход). Как правило, запрет нарушается, и мать входит в хачеш, а там лежит раненый иныж. Он просит ее помочь, и за это обещает последовательно заменить ей отца, брата или стать ее мужем. Женщина соглашается на уговоры иныжа и принимает последний вариант. Впоследствии рождается мальчик. Чтобы скрыть это, по требованию антагониста, женщина уносит его и оставляет на развилке дорог. Мотив спасения героя в сказке представлен в следующей форме: брошенного мальчика находит его старший брат, т.е. центральный герой. Он приносит его с собой и отдает матери на воспитание (ср.: в архаическом фольклоре ребенка находят пастух (табунщик, козопас, пастушка гусей и т.п.).

В качестве сравнительного материала можно привести сказание «Нарт Пэ-тэрэз и кьуэ Пакьэжь и хьыбар» (Хабар (сказание) о Пакаже, сыне Патараза)¹⁹. Здесь, как и в сказке «Был-Былакь и Іуэхур кьызэрекІуэкІар» (Приключения Быль-Былака), отсутствует пророчество, но выделяются две формы реализации мотива удаления героя. В первом случае наблюдаются отголоски характерного для «эдипова сюжета» мотива кровосмесительного брака. Как говорится в сказании, жена Батраза была самой красивой женщиной на всем белом свете. Оставив после себя одного сына и одну дочь, она умирает. Батраз клянется найти такую же во всем, какой была его жена, и отправляется на ее поиски. Однако, как оказалось, только дочь во всем была такой же прекрасной, как и его умершая жена, поэтому он решает жениться на ней. Это становится поводом для ухода брата с сестрой из дома. Как известно, этот сюжет получил широкую популярность в мировом фольклоре и соответствует АТ 510В. В восточнославянской сказке, например, он известен под названием «Свиной чехол»: отец хочет жениться на дочери; она требует, чтобы он подарил ей три платья со звездами, луной и солнцем; надевает свиной чехол и бежит из дому; поступает служанкой во дворец; на пиру трижды появляется в чудесных платьях; царевич в нее влюбляется, ее узнают по башмачку²⁰. В сказании о сыне Батразе он представлен в контаминации с сюжетом АТ 315: брат наказывает сестре не открывать дверь какой-то комнаты и сам отправляется на охоту. Нарушив запрет брата, она заходит туда и встречает привязанного железными прутьями семиглавого иныжа, который, как правило, предлагает стать ее отцом или братом, или мужем. Девушка соглашается на уговоры иныжа и становится его женой. Со временем у них рождается мальчик. Они относят его и оставляют на обочине дороге, по которой герой должен возвратиться домой. Он находит ребенка, приносит и отдает (возвращает) сестре.

В адыгском фольклоре встречается также ослабленная форма мотива удаления новорожденного. В сказке «Иныжьым и кьан» (Воспитанник великана)²¹ иныж советует бездетному князю съесть яблоко с определенной яблони. От них рождаются дети. Троих нукеры забирают к себе на воспитание, а младшего – сам иныж. В данном случае князь, соблюдая нормы обычая аталычества, отдает мальчика великану на воспитание. Как отмечал И.Ф. Бларамберг, «в соответствии с обычаем, который сохранялся с отдаленных времен, князья не имеют права воспитывать своих сыновей ни в своем доме, ни под своим наблюдением, а должны как можно

раньше, чуть ли не с самого рождения, отдавать на воспитание в чужой дом»²². Скорее всего, это легло в основу данного мотива. Как свидетельствует этнографический материал, иногда детей похищали из родительского дома и воспитывали их, но к такому способу прибегали в основном кровники. Ш.Б. Ногмов отмечал, что «виновный мог, однако же, прекратить родовое кровомщение, украв сам или при содействии другого лица из семьи обиженного дитя мужского пола, воспитав его со всем рачением, как сына, и потом, наградив его лошастью, оружием и одеждой, доставить его с большой церемонией обратно»²³.

На таком обычае основывается одна из форм мотива удаления героя в адыгском нартском эпосе. Согласно сказаниям о Батразе, нарты убивают Хьмиша. Как плату за кровь отца, нартская старуха по имени Жокояна берет мальчика на воспитание. Далее происходит процесс переосмысления некоторых элементов обычая. Вместо того чтобы вернуть воспитанника в родительский дом, его повторно удаляют, и это мотивируется *страхом перед ним*. Жокояна сделала колыбель, у которой боковины из крепкого самшита, торцы – из крепкого явора, ремни – из кожи спины оленя и уложила младенца. Батраз разрывает крепкие ремни, разламывает люльку и, вращаясь, на пол соскакивает. Старуха была ясновидящей, и она, заметив это, предвещает следующее: «*Мой свет, вырастешь – мужественным станешь, нартов могучих племя изведешь!*»²⁴. С этими словами она запирает его в сундук и бросает в реку (в море). На берегу нартские пастухи находят сундук, оттуда достают мальчика, приносят в пастушеский стан, и там его воспитывают.

То же самое наблюдается в цикле о Бадиноко, но в иной интерпретации. Нарты устраивают пир в доме Шабатына. Сосрыко, не подозревавший, что *гуаши* (княгиня) ждет ребенка, слышит плач младенца, находившегося в ее чреве. Согласно некоторым вариантам, Сосрыко обладает не только богатырскими качествами, но и магическими способностями: он предвещает нартам гибель от руки Бадиноко. Поэтому они решают погубить младенца, и, по их указанию, Снежноволосяя старуха крадет мальчика и передает им. Нарты запирают его в сундук и бросают в Бездонный овраг. Река выносит сундук из оврага на равнину, и утром его находит пастушка гусей, которая становится его воспитательницей²⁵.

В цикле о нарте Шауе удаление младенца мотивируется следующим обстоятельством. Как говорится в сказании «Къанжэ и къуэ Шауей Нэрыбгейм и къуэ закъуэ» (Шауей, сын Канжа, единственный сын Нарибгеи)²⁶, Шауей рождается от матери, которая убивала своих новорожденных детей. Бабка-повитуха, чтобы спасти младенца, крадет его у злой матери и приносит домой. Однако, после того как мальчик немного окреп, бабка-повитуха, опасаясь, что суровая мать ребенка не простит ее, готовит ящик и, посадив его туда, относит и бросает в реку. Какая-то нартская женщина, увидев плывущий по реке ящик, подбирает его, и оттуда достает мальчика – Шауея.

Интерес представляет и цикл об Андемиркане, в котором отражены наиболее известные в адыгском фольклоре разновидности рассматриваемого явления. Так, в сказании «Андемыркъан и хьыбар» (Хабар об Андемиркане)²⁷ функция отлучки героини из родительского дома имеет усиленную форму: отец изгоняет ее. Поводом для этого становится нарушение вышеуказанного запрета на внебрачную связь. Как и в сказках на сюжет АТ 650А, в лесу *мезитль* (букв.: *лесной человек*) встречает девушку, и он уводит ее к себе в пещеру. В результате их сожителства рождается мальчик (Андемиркан). На младенца налетает огромный орел и уносит. Андемир находит его в орлином гнезде и усыновляет.

Сказание «Мать Андемиркана и Тлепш»²⁸ основано на том же сюжете: у залива Хазас-море (Каспийское море) живет огромный силач; силач совершает набег и похищает девушку из рода Карабовых; от них рождается мальчик (Андемиркан). Далее сюжет развивается по отмеченной выше схеме: мать достает крепкий, не пропускающий воды сундук и, положив туда мальчика, бросает в реку. Такая

форма удаления младенца для цикла об этом герое не является типичной, и, скорее всего, здесь она появилась в результате взаимодействия нартских сказаний с произведениями историко-героического эпоса. Это подтверждается и тем, что в сказании, как и в цикле о нарте Батразе²⁹, таким же способом удаляется и сестра Андемиркана. Сходство наблюдается также в мотиве спасения ребенка: как и пастух (табунщик, козопас, пастушка гусей и т.п.) из нартского эпоса, на берегу реки Андемир находит сундук, оттуда достает мальчика и берет на воспитание.

Различие между двумя приведенными вариантами сказания заключается в том, что вместо мифического персонажа *мезитля* в первой версии выступает обычный человек, но обладающий огромной физической силой, т.е. мотив «чудесного рождения» героя (от брачной связи девушки с антропоморфным мифическим существом) сменяется другим, более близким к реальности. При этом сохраняется традиционный принцип идеализации центрального героя: его отец – богатырь, и тем самым (т.е. своим происхождением) Андемиркан отличается от других (ср.: в сказании «Тума» (букв.: *незаконнорожденный*) мотив похищения девушки силой отсутствует, но Андемиркан происходит из богатырского рода, при этом он рождается на каком-то острове, находящемся между двумя морями³⁰). Расхождение наблюдается также в мотиве удаления новорожденного: во втором варианте орел похищает ребенка. Именно такая форма реализации названного мотива является закономерной для цикла об Андемиркане, хотя в более поздних версиях она представлена в переосмысленном виде.

Так, сказание «Сын унаутки»³¹ начинается с элемента отсутствия у князя наследника. Далее следует парный элемент *запрет и нарушение запрета*. Здесь одновременно представлены две формы запрета. В первом случае речь идет о табу на внебрачную половую жизнь, а во втором – запрете на брак между представителями различных сословий. В сказании князь, вопреки таким обычаям, вступает во внебрачную связь с *унауткой* (букв. рабыня), вследствие чего рождается Андемиркан. Чтобы скрыть поступок князя, мальчика отдают Андемиру, а приближенные князя пускают слух, будто Андемир нашел младенца в орлином гнезде, и последний воспитывает мальчика. Существует также вариант сказания³², в котором сохранена характерная для сказочного сюжета АТ 315 форма объективации мотива удаления новорожденного: незаконнорожденного мальчика уносят и оставляют у обочины дороги; бездетный Андемир, возвращаясь домой, находит его и воспитывает.

В некоторых текстах³³, хранящихся в архивном фонде ИГИ КБНЦ РАН, мотив удаления младенца имеет ослабленную форму, хотя и в них сохраняются элементы, типичные для данного цикла: бесплодная княгиня, подложив подушку под платье, делает вид, что беременна, а после рождения ребенка унауткой, объявляет себя его матерью. Далее, как и в сказке «Иныжьым и кьан» (Воспитанник великана), князь отдает сына аталыку (воспитателю). Как видно, в сказании сохранены сюжетные компоненты, характерные для архаических жанров фольклора, однако они ассимилированы принципами историко-героического эпоса, в результате чего многие из них становятся более правдоподобными.

На некоторых из вышеприведенных элементах строится и мотив о «подкидывше» в так называемых историко-бытовых новеллах, в частности, в цикле о Жабаги Казаноко. Жабаги Казаноко – историческая личность, а многие предания о нем имеют реальную историческую основу. Однако, как отмечает А.М. Гутов, и этот «цикл не мог складываться совершенно автономно, вне традиции»³⁴. Так, в некоторых сюжетах о рождении этого персонажа, как и в упомянутых версиях сказания об Андемиркане, началом служит парный элемент «запрет и нарушение запрета»: дочь вдовы вступает во внебрачную связь с каким-то юношей, и впоследствии рождается мальчик (Жабаги Казаноко). Как правило, за ним следует мотив удаления ребенка, который в цикле имеет своеобразную форму реализации: вдова, встревожившись этим, обращается к одному мужчине из их села за помощью

в сокрытии такого поступка дочери. Он уносит младенца в горы к чабанам, незаметно кладет его в котел, обернув шерстью, а сам возвращается в аул³⁵. В другом варианте, юноша из княжеского рода Хатохшоковых вступает во внебрачную связь с какой-то девушкой, и от этой связи рождается Жабаги. Далее сюжет развивается аналогично первому варианту: Хатохшоко, чтобы скрыть это, уносит ребенка в горы и подкидывает его чабанам³⁶. Третий вариант близок к сказочному: он начинается с экспозиции, в которой говорится о бездетности уже состарившихся мужа и жены и о чудесном рождении героя: Жабаги появляется на свет обвитым ядовитой змеей, и данное обстоятельство становится поводом для отказа родителей от собственного сына: как и в первых двух вариантах, отец оставляет его чабанам³⁷.

Итак, проведенный сравнительно-типологический анализ материала позволяет выделить в мотиве «подкидыша» (найденыша) следующие устойчивые компоненты:

1. Герой рождается чудесным образом³⁸ (условное обозначение – А). В адыгском фольклоре по происхождению выделяются несколько разновидностей этого типа персонажей: а) от животных (А¹); б) от растений (А²); в) от антропоморфных персонажей (А³); г) от зооморфных персонажей (А⁴); д) от богатырей (А⁵); е) от родителей, не состоявших в законном браке (А⁶); ж) от неравного брака (А⁷).

2. Мотивации, служащие поводом для удаления младенца из родительского дома (В): а) пророчество (В¹); б) страх перед героем (В²); в) запрет на внебрачную связь (В³); г) запрет на брак между представителями различных сословий (В⁴); д) обычаи, связанные с институтом аталычества (В⁵).

3. Удаление младенца. Основные формы реализации мотива (В): а) новорожденного относят в лес и оставляют на съедение диким зверям (В¹); б) бросают в море (реку) в ящике (сундуке) (В²); в) его похищает животное (чаще медведь) или громадная птица (орел) (В³); г) оставляют на развилке дорог (В⁴); д) подкидывают чабанам (В⁵); е) отдают на воспитание в чужой дом (иногда похищается кровником с этой же целью) (В⁶).

4. Спасение (воспитание) младенца (Г): а) встретившееся животное кормит ребенка, спасая его от голода (в приведенной выше сказке коза вскармливает брошенного на гибель мальчика своим молоком) (Г¹); б) пастух (табунщик, чабан, козопас, пастушка гусей и т.п.) находит его в кустах (на берегу моря или реки) и отдает матери (жене) на воспитание (Г²); в) чабаны находят подкидыша в казане и воспитывают (Г³); г) брат (дядя, его будущий аталык) находит его на развилке (у обочины) дорог (Г⁴), в орлином гнезде, приносит с собой и воспитывает (Г⁵).

5. Возвращение героя в родительский дом (Д).

При этом вне зависимости от жанровой принадлежности, сюжет всегда имеет одинаковую композиционную структуру, и это можно обозначить следующей схемой: А (А^{1, 2 и т.д.}) + В (В^{1, 2 и т.д.}) + В (В^{1, 2 и т.д.}) + Г (Г^{1, 2 и т.д.}) + Д

За этими элементами, как правило, следует сюжетный ход, где описывается подвиг героя. По мнению В.Я. Проппа, такая последовательность компонентов доказывает принадлежность данного мотива к циклу инициации. Как указывал Дж.Дж. Фрэйзер, «у многих первобытных племен, особенно у которых наличествует институт тотемизма, принято устраивать для достигших половой зрелости юношей обряды инициации, чаще всего сводящиеся к «умерщвлению» и «воскрешению» участников обрядов»³⁹. В фольклоре, как отмечал В.Я. Пропп, «на ребенка наносится знаки смерти, но ему не причиняется самая смерть. Мы имеем здесь отправление ребенка в далекий путь на воспитание со знаком смерти, имеем смерть, которая не есть смерть, имеем мнимую смерть»⁴⁰. Это подтверждается и анализом адыгского материала. Например, по некоторым вариантам, перед тем, как спустить в реку новорожденного Андемиркана, мать ставит на его лопатки тавро, что равносильно «знаку смерти» (ср.: Эдипу прокалывают ноги булавкой), при этом заворачивает мальчика в пеленки, находит именно крепкий, не пропускающий воды сундук, лишь после этого она бросает его в реку⁴¹. А в сказании о

нарте Шауе бабка-повитуха готовит ящик, в который не просачивалась бы вода, кладет туда различные сладости для мальчика, посадив его туда, относит и бросает в реку⁴². Как видно, мать (или бабка-повитуха, или кто-то другой) бросает своего ребенка (или воспитанника) на верную гибель, но заодно создает все условия для его выживания. Другими словами, в завязке повествования герой представлен в роли жертвы, но он выживает, т.е., проходит своего рода испытания, и возвращается в родительский дом уже взрослым и в дальнейшем совершает подвиг. Подобное явление в фольклоре, по мнению А.П. Скафтымова, следует назвать эффектами неожиданности и удивления, которые «выносят на вершину внимания то, что произведение считает в себе наиболее значительным и основным»⁴³. Как известно, для этой цели очень часто в эпической традиции применяются мотивы чудесного рождения, быстрого роста, богатырской еды, недооценки героя и др. В этом ряду достойное положение занимает и мотив «подкидыша» (найденъша), основанный на древних обычаях и обрядах, и использованный в продуктивную для адыгского эпоса эпоху в качестве художественного приема для идеализации центрального персонажа. Другими словами, здесь наблюдается закономерный для фольклора процесс ассимиляции архаических мотивов эстетическими принципами словесного искусства.

Примечания

1. *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1961. 588 p.
2. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / отв. ред. К.В. Чистов. Л.: «Наука». Ленинградское отделение, 1979. С. 238.
3. Там же.
4. *Алиева А.И.* Адыгский нартский эпос. М.–Нальчик: Эльбрус. 1969. 168 с.; *Алиева А.И.* Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука. 1986. 280 с.
5. *Гадагатль А.М.* Героический эпос нарты и его генезис. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1967. 423 с.
6. *Талпа М.Е.* Комментарии и варианты // Кабардинский фольклор / общ. ред. Г.И. Бройдо. Нальчик: Издательский центр «Эль-фа», 2000. С. 573–618.
7. *Хут Ш.Х.* Адыгское народное искусство слова. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2003. 536 с.
8. *Гутов А.М.* Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. С. 14–33.
9. *Тхамокова Ж.Г.* Адыгская бытовая сказка (сюжетный состав в сравнительном освещении). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. С. 55, 188–189.
10. Мифы народов мира. 2-х томах. Т. 2 / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. С. 657.
11. Там же. С. 658.
12. *Гутов А.М.* Народный эпос: традиция и современность. Нальчик: Издательство КБИГИ. С. 39.
13. *Гутов А.М.* Художественно-стилевые традиции... С. 23.
14. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 689/13.
15. *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая ветвь. М.: Издательство политической литературы, 1984. С. 150–156.
16. *Пронн В.Я.* Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. С. 264–268.
17. Там же. С. 263.
18. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Папка № 6-а. Паспорт № 12.
19. Нарты. Адыгский эпос. 2 том. Озырмес. Батраз. Ашамез / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН. С. 279–291. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/2.%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB-%D0%A2%D0%BE%D0%BC-2.pdf> (дата обращения: 01.06.2018).
20. Сравнительный указатель сюжетов... С. 145–146.

21. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века / отв. ред. А.М. Гутов. Нальчик: «Эльбрус», 1979. С. 269–280.
22. *Бларамберг Иоанн*. Кавказская рукопись. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1992. С. 84.
23. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / вст. ст. и подг. текста Т.Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 70.
24. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Папка № 32-и. Паспорт № 2.
25. Там же. Папка № 32-е. Паспорт № 3.
26. Там же. Папка № 32-н. Паспорт № 7.
27. Адыгэ IуэрыIуатэхэр. 2 т. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1969. Н. 219–220.
28. Кабардинский фольклор / общ. ред. Г.И. Бройдо. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 308–313.
29. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Папка № 32-з. Паспорт № 15.
30. Кабардинский фольклор... С. 303–308.
31. Там же. С. 313–323.
32. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Папка № 21-г. Паспорт № 9; Папка № 21-е. Паспорт № 6.
33. Там же. Папка № 21-г. Паспорт № 18; Папка № 21-г. Паспорт № 23.
34. *Гутов А.М.* Художественно-стилевые традиции... С. 78.
35. Сказания о Жабаги Казаноко / сост. Налоев З.М. и Гутов А.М. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2001. С. 43–44.
36. Там же. С. 44–46.
37. Там же. С. 53–56.
38. См. *Бухуров М.Ф.* Мотив чудесного рождения в адыгских богатырских сказках // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. № 2 (28). Нальчик: Редакционно-издательский отдел КБНЦ РАН, 2009. С. 162–169; См. *Быхьурэ М.Ф.* Лъыхъужьым и саби-игъуэр (мотивыр нарт эпосымрэ пелуан псысэхэмрэ къазэрыхэшыр) // Вестник института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Вып. 1 (20). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2013. С. 92–94.
39. *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая ветвь... С. 646.
40. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность... С. 273.
41. Кабардинский фольклор... С. 308.
42. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Папка № 32-н. Паспорт № 7.
43. *Скафтымов А.П.* Статьи о русской литературе. Саратов: «Саратовское книжное издательство», 1958. С. 6.

STRUCTURAL AND TYPOLOGICAL ANALYSIS OF MOTIVE FINDER (FOUND) IN THE ADYG EPOS

Bukhurov Mukhamed Fuadovich, Candidate of Philological Sciences, Head of the Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), mbf72@mail.ru

The article analyzes the essential features of the universal founding motif in the Adyg folklore on a wide factual and comparative material. The author gives the most common varieties of objectification specific forms of motive in fairy tales, Nart legends and historical and heroic epos, characterizing each of them in terms of frequency of functioning, nature of existence and typology. Special attention is paid to the compositional structure of the phenomenon under consideration. In particular, its main components are identified, which are classified according to formal, positive, semantic, functional, and other features, as a result of which the motive model is determined. A significant place in the article is also given to the establishment of the sources of some archaic elements that form the basis of the motive, and the ways of their evolution in the aesthetic system of the folklore work.

Keywords: founding, foundling, motive, miraculous birth, historical and heroic epic, fairy tale, legend.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-104-111

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ: СТАТУС. АСПЕКТЫ

Алхасова Светлана Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), al khas55@mail.ru

Актуальность анализируемого литературного материала определяется ее спецификой: кабардинская поэзия переживает очередной всплеск талантливой женской поэзии. В постсоветской кабардинской литературе само время стало побуждать к тому, чтобы расширить историко-культурный и этнокультурный контекст в инновационном развитии литературного процесса.

Целью данной статьи является рассмотрение этноспецифики современной кабардинской женской поэзии, определяемой особенностями национальной литературы, не ограниченной строго узкими рамками. В адыгских литературах – прозе и поэзии – развитие шло далеко не плавно и поступательно, оно воплощалось в периодических подъемах национального бытия и культуры в условиях кризиса. Говоря об этнокультурных традициях в современной кабардинской женской поэзии, как комплексе уникального самобытного облика, отмечается, что на волне современных общественных преобразований интерес к реабилитации национально-духовных традиций и ценностей в кабардинской литературе оживился, в том числе, и в женской поэзии.

Статья содержит тенденции и новейшие теоретические выводы, касающиеся современной кабардинской женской поэзии, представленной такими авторами, как Хайшат Кунжиева, Асият Кармова, Люба Балагова и др.

Ключевые слова: Литературоведение, женская поэзия, художественное мышление, национальные рамки, литературная детерминация.

Поиск теоретических основ семантики отношений «женской» и «мужской» поэзии является достаточно актуальной задачей. Решение этой проблемы будет способствовать не только прояснению их функций и соотношений между данными видами поэзии, но открывает перспективы дальнейших разработок некоторых теоретико-онтологических понятий литературоведения.

О женской и мужской поэзии споры в литературном и научном мире идут давно. Данный вопрос не является до конца разработанной концепцией. Если разделить такие понятия как объект (поэзия) и субъект (поэт или поэтесса), то, каково отношение самих авторов к такой градации? В данном случае субъекты нашей модели совершенно по-разному соотносятся с объектом, находящимся в поле зрения нашего исследования. Их пути решения расходятся. К примеру, кабардинская поэтесса Люба Балагова, автор романа в стихах «Царская любовь»¹, основанного на исторических фактах, категорически отрицает существование женской поэзии как таковой и считает себя просто поэтом. Само слово «поэтесса» ей чуждо изначально. Она тверда во мнении: женской поэзии не существует.

Обратимся к основной составляющей стиха – рифме. Как известно, в литературоведении существуют понятия женской рифмы и мужской рифмы. При создании женской рифмы ударение рифмуемых слов падает на предпоследний слог.

Существует понятие «мужская рифма», когда ударение падает на последний слог. Многие поэтессы пишут стихи, порой используя мужскую рифму. Но случается, что и мужчины-поэты в своих произведениях используют женскую рифму.

Наши исследования подтверждают, что сущность женской рифмы состоит еще и в том, что слог в «женской» поэзии строится иначе, чем в «мужских» стихах. В «мужских» стихах – своя мужская логика и романтика, и влюбленность, чем в женских. Кроме того, мужчины пишут более жестко и прагматично, по – мужски. Аналогично, в женских стихах – своё понимание сущего: женское ощущение любви и романтики, чисто женские (гендерные) переживания чувства счастья, своя женская стыдливость и т.д.

В кабардинской поэзии наблюдаем целую плеяду женщин – поэтесс с ярко выраженной женской индивидуальностью: Хайшат Кунижева, Фуза Бештокова, Муза Тлостанова, Асият Кармова, Людмила Хавжокова, Белла Аброкова, Зарина Канукова, Зарема Куготова, Люда Загаштокова, Радима Нагоева и другие. Например, Хайшат Кунижева относится к плеяде талантливых поэтесс, вошедших в кабардинскую литературу в 70-х годах. Даже названия сборников ее стихов говорят сами за себя: в них заметно проявляется чисто женское начало: «Журавлиный путь»². «Картины жизни»³, «Горсть солнца»⁴, «Поле души»⁵ («Псэм и губгьуз»), «Удод»⁶.

Она обладает свойственной только ей женской оригинальностью, искренностью, когда передает читателю своё ощущение окружающего мира. Тематика стихов Х. Кунижевой разнообразна. В лирических стихах она воспевает родную землю, своё отечество. По-особому проникновенны её стихи, когда она пишет о родителях. Но ценность поэзии Хайшат Кунижевой вовсе не в разнообразии тем или их обширности. Ценность их в том, каким сугубо новым, личностным, особым мировидением она может передать своё женское мироощущение. Мысли и чувства, содержащиеся в поэзии Х. Кунижевой, светлы, глубоки и сдержанны: у поэтессы проникновенный и острый взгляд. Она беспокойна, её душа и сердце в вечном смятении. По ее мнению, пустое слово подобно пустому кувшину. Она и не берется судить о незначительных вещах, или о том, в чем сама не сведуща. В то же время она не скрывает своих сомнений от читателя, все её желания и помыслы обнажены, очевидны.

В поздних стихах Х. Кунижевой появляются более глубокие философские темы. Например, тема женского одиночества и одинокой старости. Простые и искренние слова: ведь нет ничего страшнее одинокой старости, не вызывающей жалости ни у кого. Х. Кунижева сумела привнести в кабардинскую женскую поэзию новое слово.

Яркой звездой блеснула на женском поэтическом небосклоне молодая кабардинская поэтесса Асият Кармова. Она пишет на двух языках: на родном и на русском. Ее поэзия – это искренние и возвышенные стихи, исполненные женским обаянием, открытостью и искренностью.

Подборкой стихов «И кЫхьагьыр зы гьащІэ КьызофыкІ гупщІэуз» («Длиною в жизнь моя боль души»), опубликованной в журнале «Іуащхьэмахуэ» («Эльбрус» № 2016), А. Кармова удивила читателей необычным, тончайшим владением искусством поэтического слова, чутким, подсознательным созерцанием тайн души, доступных лишь художнику-творцу. В её стихах имеются элементы модернизма, мистификации и сакральности, так редко встречающиеся в кабардинской поэзии. Здесь можно сослаться на ярких представительниц русской женской поэзии прошлого: Анну Ахматову и Марину Цветаеву.

А. Кармова, представляя современную женскую поэзию, создала новую философию культуры. При внешних проявлениях элитарности А. Кармова сумела на практике наполнить стихи новой художественной формой и содержательностью. Ни у одной из кабардинских поэтесс женская проникновенность и искренность не достигали такой высоты, как у Асият Кармовой:

И когда ты уходил на дно
Варева безвестнейшей пучины,
Я пыталась вычерпать крылом
Белым бездну жесточайшей тины;
Так, чтобы меж илистых глубин
Задрожал смычок, терзая струны,-
Так, чтобы из смертных – ты один
Был утешен звуком моей лиры⁷.

Женская искренность как нельзя лучше чувствуется в этом стихотворении: «Ты помнишь, в середине лета...». Новый, ранее не известный в кабардинской поэзии образ змеи, змеиных глаз, змеиных голов, вдруг гроздьями рвущихся из мужской груди, приближают стихи к модернистским течениям, придавая им современные краски и современное звучание. В них присутствует интуитивное созерцание тайных смыслов, сверх рациональная чуткость художника.

Уощ!эж ар ф!ыгуэ, макъуэагуэу,
Къуейщ!ейм, зэ блащхъуэ къысхуэпхъат,
Зысхуээф!ишрэ зишыхъыжу...
Сыщ!ащхъуэк!ийуэ сыкъэщтат!...

.....
Уи бгэгущталгэ зэщ!ыбох,
Умыгушы!э – умыджэгуу,
Блащхъуэ !эрамэ къызыкъуох...
Мытхытх си щ!ыфэ – си фи пык!къым –
Къызгуры!уат! Къэсц!ыхужат!
А блащхъуэ егъум и нэ цыщхъухэр
Уи нэ вагъуит!у къы!уплъат...⁸

.....
Ты помнишь, в середине лета, шутя,
Змею гремучую принес мне,
Та вывернулась предо мной, затем свернулась...
Испуганной ласточкой я закричала!
Не раз потом сквозь мои сны, проглядывали холодные змеиные глаза,
Мне душу трепетную леденя...
Не видя в том примет особых,
Мы часто весело смеялись, об этом вспоминая...
Ночным охотником, пройдя сквозь годы
Явился ты вдруг смуглый, говорливый
Приняв тебя за того, в чьих я мечтах,
Распахиваю радостно перед тобою двери...
Полна доверия, к тебе тянусь,
Но не шутя и не играя,
Распахиваешь грудь свою,
Открывая предо мною множество змеиных голов...
Не содрогнулась я, не побледнела –
Я поняла! Узнала я!
Эти змеиные синюшные глаза
Твоими холодными глазами на меня смотрели.

(Подстрочный перевод наш. – С.А.).

Образ гремучей змеи – «блащхъуэ» – присутствует и в других стихах Кармо-вой. На русский язык «блащхъуэ» буквально переводится, как «синяя», «синюш-ная змея». Но в русском языке «синий» имеет романтическую окраску, далеко не негативный оттенок, как в кабардинском. Поэтому ближе к смыслу на кабардин-ском – «гремучая» змея. Вот стихотворение «Псит!ым зэдахъ хъэзабыр» – «Стра-дания двух душ»:

Псынэу сыкъыщигъэщІым
МафІэу зыкъепщІэкІащ,
Блащхъуэ зыныщыпхуэщІым –
Бгъащхъуэу укыщІэкІащ...

Когда обернулся ты родником –
Огнем вокруг тебя я обвилась,
Когда змеей гремучей пред тобой я обернулась,
Ты синим вороном передо мною взвился...

(Подстрочный перевод наш. – С.А.).

В этом стихотворении мы находим отголоски фольклорных жанров и фольклорных образов. Формально можно уловить не только особенности народной поэзии, ее душевный настрой. Главный элемент этого настроения – одушевление природы. В фрагменте стихотворения, написанного молодой поэтессой, ясно видно, какими путями идет освоение фольклорных приемов. Одушевление природных явлений рождает у поэтессы новые образы, гораздо более сложные и отражающие индивидуальное поэтическое видение. Освоение фольклорных приемов мы видим и в другом замечательном стихотворении: «Я – речная Нимфа (Богиня), / Всем богиням я соперница».

Как завораживающий поток словесно-музыкальных созвучий, в оригинале являются народные образы всадника, седлающего богатырского коня, ребра гигантской рыбы, бурного потока, у которого слагает свои плачи красавица, для которой нет на всей земле «лагъунэ» (комнаты для невесты)... В стихотворении слышен ритм народной адыгской песни. При этом образы здесь более сложные, чем в народной песне, так как отражают не только коллективное, но и индивидуальное поэтическое видение. Таких образов в поэзии А. Кармовой множество. Часто она использует прием психологического параллелизма, характерный для народной поэзии. Но и здесь она стремится найти параллели. Она часто обращается к лирическим народным песням. Фольклор помогает поэтессе отразить народный характер мировосприятия, передать образ мыслей народа, его чувства и настроения.

Асият Кармовой, без преувеличения, удается придать женскому поэтическому слову и на кабардинском, и на русском языке подвижность и многозначность, в слове она открывает дополнительные оттенки и грани смысла. Самовыражение поэтессы обретает в её лирических стихах масштабность и глубину личности автора. Ей доступна вся полнота выражения сложнейших чувств и проблем бытия.

Таким образом, детерминация женской поэзии является одной из форм отражения современной кабардино-черкесской литературы, которая конкретизирует и характеризует ее уникальность.

Примечания

1. Люба Балагова. Царская любовь. Роман-поэма. М.: Общество дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами. 2007.
2. Кунижева Хайшат. Журавлиный путь (Къру гъуэгу). Стихи и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 1984.
3. Кунижева Хайшат. Картины жизни. Стихи. Нальчик: Эльбрус, 1991.
4. Кунижева Хайшат. Горсть солнца. Стихи. Нальчик: Эльбрус, 1993.
5. Поле души (псэм и губгъуэ). Стихи. Нальчик, 1998.
6. Удод (Хьарэхьуп). Стихи для детей. Нальчик: Эльбрус, 1996.
7. Къармэ Іэсият. АдрыщІ ньджэ (Кармова Асият. По ту сторону берега). Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2018.
8. Къармэ Іэсият. АдрыщІ ньджэ (Кармова Асият. По ту сторону берега). Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2018. С. 84, 170.

ETHNO-CULTURAL SPECIFICITY OF CONTEMPORARY WOMEN'S POETRY

Alkhasova Svetlana Mikhailovna, Doctor of Philology, Leading researcher of the Department of the Kabardino-Cherkess literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «KabardianBalkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), alkhas55@mail.ru

The analyzed literary material is determined by the specifics of the time, not limited to the narrow framework and continuing at the present time. In the Adyghe literature-prose and poetry-the development was not smooth and progressive, it was embodied in the periodic rise of national life and culture in crisis. Speaking about ethno-cultural traditions in modern Kabardian poetry, as a complex of unique original appearance, it should also be noted that in the Wake of modern social transformations, interest in the rehabilitation of national and spiritual traditions and values in Kabardian literature revived, including in Kabardian poetry.

The article contains some of the latest trends and theoretical conclusions concerning modern Kabardian poetry, represented mainly by women. The literary process considered in the article covers the period from the 70s of the last century to the present.

In the post-Soviet Kabardian literature, after the well-known events of the early 90s, the time itself began to encourage to expand the historical, cultural and ethno-cultural context in the innovative development of the literary process, and especially modern poetry.

Considering in detail the modern Kabardian poetry, the author asks the question: does female poetry really exist? And what does the term “female poetry” mean? What features characterize it? What is its specificity.

For analysis, the author refers to three Kabardian poets, examines their work in detail, highlighting in their poems the features inherent in women's poetry.

Keywords: Literary criticism, artistic thinking, national framework, the latest theoretical and methodological positions.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-112-116

ПСИХОЛОГИЯ И МИРОВОСПРИЯТИЕ ГЕРОЯ СОВРЕМЕННОСТИ В МАЛЫХ ЖАНРАХ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бегуганова Елена Нартшаовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (ИГИ КБНЦ РАН), betuganova.80@mail.ru

В статье анализируются основные типы образов, в которых реализована кабардино-черкесскими писателями концепция человека в жанре рассказа 90-х гг. Постсоветская проза открывает новый этап в творчестве авторов, характеризующихся интенсивностью работы мысли, направленной на поиск героя переходной эпохи «как выразителя нового времени». В творчестве ряда авторов (А. Кешоков, А. Камергоев, Б. Кагермазов, Б. Гаунов, Ж. Дауров, З. Канкулов, Р. Ацканов) отражен процесс реадaptации сознания человека к постсоветскому характеру отношений. Пристальное внимание к судьбе отдельного человека, а через него к судьбе общества в определенную эпоху открывает новые пути художественного познания человеческой жизни во всех ее проявлениях. В статье выявлены те особенности современной действительности, которые являются доминирующими в новых обстоятельствах, показано, как социокультурная ситуация XX–XXI вв. оказала существенное влияние на создание в жанре рассказа новых типов героев и средств его художественного воплощения.

Ключевые слова: кабардино-черкесская литература, рассказ, социокультурный, проза постсоветского периода; маргинализация; духовное возрождение, религиозные мотивы.

Социально-политические процессы, происходящие в настоящее время в стране и целом мире, находят свое косвенное, а иногда и прямое отражение в творчестве писателей и художников независимо от принадлежности к тому или иному творческому направлению и языку творчества. Это имеет прямое отношение и к современным адыгским писателям. Кроме того, личности творческих профессий, при всем разнообразии позиций и методов художественного выражения, близки между собой тем обстоятельством, что в условиях социально-политической неопределенности деятели культуры так или иначе выражают в своем творчестве собственное отношение к глобальным и локальным кризисным явлениям, оказывающим влияние на все общество. Поэтому особенности их осмысления в творчестве каждого автора и в каждой национальной литературе имеют свое самостоятельное значение, чем и обусловлен выбор темы настоящей статьи.

Развитие российского общества в новую эпоху сопровождалось глубокими структурными трансформациями на политическом, экономическом, культурном, антропологическом уровнях его бытия. Эти изменения качественно отличались от всех преобразований, которые происходили на предыдущих этапах социального развития, в специфически новом цивилизационном контексте, обусловленном разрушением традиционных основ бытия всего общества и каждого человека. Современный мир оказался достаточно противоречивым. С одной стороны, социальная практика и наука фиксировала раскрепощение сознания народа, восстановление исторической памяти, а также религиозной культуры страны. В условиях

перехода экономики в русло новых экономических отношений и возвращение демократических свобод на путь самообновления встала и культура. Однако вопреки ожиданиям современное российское общество было отмечено кризисом, проявляющимся в таких формах, как усиление нестабильности, криминализация общественных отношений, маргинализация большей части населения, его имущественная стратификация, утрата общности культурной ориентации, активизация различных форм отчуждения, дискредитация традиционной системы ценностей.

Немецкий философ Э. Гуссерль, характеризуя особенности природы кризиса, отмечает: «Отчего жизнь, творящая культуру внутри непрерывного исторического процесса, наталкивается на определенные помехи, глубинные противоречия, приводящие к кризису? Можно говорить, следовательно, о благоденствующих культурах и о культурах находящихся в стадии упадка. Что служит критерием их разделения? Таким критерием выступает внутреннее самоощущение человека внутри культуры. Если оно психологически комфортно, гармонично, то говорить о кризисе культуры рано. Напротив, крайне обостренное чувство одиночества, хрупкости и неустроенности, рождающееся в человеческой душе, говорит о подорванности культуры, ее кризисе»¹.

Анализ прозаических произведений адыгских писателей, созданных в первое постсоветское десятилетие, показывает, что основным мотивом, определяющим внутреннее состояние человека, несмотря на некоторые очевидные положительные моменты, является непонимание или же недостаточно ясное понимание всей сути происходящего, и это порождает социальное отчуждение, тенденцию к концентрации внимания на проблемах собственного узкого мира.

Человек рубежного периода характеризуется как глубоко страдающий, не находящий себе места в современной жизни. Культурологи объясняют это следующим образом. Ощущение чуждости и абсурдности происходящих событий пронизывает индивидуальное сознание человека в эпоху социокультурных катаклизмов. Индивид как бы покидает свой «дом», где все понятно и знакомо, и внезапно оказывается в чужой «культурной среде». С одной стороны, это заставляет человека задумываться о той культуре, которая была привычна не замечалась в старом обществе. «Старая культура» была настолько естественна, что человек принимал ее нормы, ценности и правила поведения, сам не осознавая этого. Резкие изменения в социокультурной среде заставляют четче осознавать те культурные нормы и ценности, которые уходят в прошлое, сравнивать их с новыми, возникающими непосредственно и спонтанным образом.

С другой стороны, столкновение двух систем ценностей, старой и новой, ведет к возникновению явления, именуемого «культурным шоком». Сущность его заключается в остром конфликте прошлого и настоящего, идеалов, норм поведения на уровне индивидуального сознания, когда человек уже утратил старые межевые вехи своего бытия, а новые обстоятельства еще не стали частью быденного существования. Радикальный общественно-политический сдвиг привел к тому, что люди оказались выбитыми из привычных социальных условий и поставлены перед необходимостью поиска новой социальной ниши. Они осознают свою чужеродность относительно новой культуры и оказываются эмигрантами в собственной стране. Возникает проблема «жития в кризисе», отношение к кризису как неизбежному естественному элементу процесса обновления общества, человека и культуры.

Глобальные катаклизмы заставили писателей вглядываться в поступь времени и в те изменения, которые они принесло в общество. В центре внимания кабардино-черкесских прозаиков – актуальная проблематика социального взаимодействия личности и общества. Само новое время предъявило писателям важный социальный заказ – показать нового героя в непосредственной связи с преобразованиями, происходящими в стране. А. Камергоев описывает метафорически одушевленный

дом, из уст которого звучит неуверенный вопрос: «Мы лъэхэнэщІэ зыфІащам, и нэгу хуиту уригъэплъэн сэ щІэрэ, и щхьуабзэ утригъэплъэну пІэрэ?»² – («Как, интересно, к нам отнесется так называемое новое время: даст ли оно заглянуть в глаза, а может даже своего цвета не даст разглядеть?»). В ситуации «рубежа» и «слома» литература осознала разрушение старого дома, как выражение новых социально-исторических процессов. Главный герой не уверен, сможет ли он найти себя в новое время, в котором все кардинально изменилось.

Во многих современных рассказах определяющая и открыто выраженная роль в формировании образной структуры принадлежит повествователю, который вносит особое – явно повышенное эмоциональное настроение. Часто в них главный герой и автор или одно лицо, или же это субъекты, несущие в себе много общего. Самое важное, что определяет художественный мир, эмоциональный настрой и структуру произведения – это авторское мироощущение, оно может придавать и объективному способу изображения разные содержательные функции. В социально-психологическом рассказе автор, скрытый в повествовательной ткани, в наиболее ответственных, требующих активной оценки обстоятельствах открыто вмешивается в ход повествования. Неожиданный вопрос, который задает «стена» в начале рассказа, передает отношение автора к разрушению привычной картины мира.

Как и следовало ожидать, затронутый нами процесс в оценочном плане далеко не однозначен. Достоинно внимания то, что (при наличии несомненных общих типологических черт), кабардино-черкесский рассказ имеет некие «жанровые традиции», которые и определяют во многом его национальную специфику и художественное своеобразие. Серьезную культурно-историческую значимость представляет вопрос преемственной связи литературного рассказа с национальными художественными традициями, аккумулировавшимися в многовековом фольклоре. Отчетливо ощутимо в произведении устное народное повествование. Поэтика хабара повлияла на жанровую специфику рассказа, на своеобразие стиля и лексику. Образ автора напоминает профессиональных сказителей – джегуако, безбоязненно высказывающих свои мысли в любом обществе. Писатель, подобно джегуако, прерывает свое повествование и предоставляет слово для реплики читателю – так же, как и предоставлялось это право слушателю, когда песня или рассказ были частью беседы. Сказанное позволяет сделать вывод, что кабардино-черкесский рассказ во многом наследует и развивает художественные завоевания устного прозаического творчества. Эта традиционность, собственно говоря, становится той самой почвой, на которой произрастает ее новаторство.

В постсоветский период повысилось внимание к неповторимости внутреннего мира человека, создались наиболее благоприятные условия для выявления «личного» начала в человеке, что способствовало усилению лирического начала и психологизма в прозе. Это не могло не сказаться на самом характере художественного времени. В нем более важным компонентом становится внутреннее время, время сознания героя. Течение времени подчас передается не столько через координаты объективного характера, сколько в субъективных переживаниях героя. Б. Кагермазов использует сюжетный ход, который состоит в нарушении «обычного существования». Герои, находившиеся в привычных условиях жизни, в общем ее потоке, вдруг выталкиваются из привычного бытия. В рассказе «На базаре» мифопоэтический план связан с героями «потерянными», как бы выпавшими из своего времени. Яблоки олицетворяют сознание человека в эпоху социальных перемен. Старые яблоки не понимают, почему за молодыми яблочками выстроилась очередь, а они никому не нужны. Автор исследует кризисные душевные состояния, предшествующие рождению и выявлению в человеке нового: напряженность духовной жизни героев открывается на фоне неготовности их к новой жизни, отсюда психологическая незащищенность.

Прозаиков Б. Гаунова, Ж. Даурова, А. Кярову, Р. Жамбекову объединяет углубленное социальное и психологическое исследование бытования личности, раскрытие ее своеобразия в условиях новой реальности. В подавляющем большинстве современных рассказов заметна тенденция авторов выбирать объектом изображения короткий отрезок времени, небольшое, но колоритное событие, позволяющее рельефно высветить характер. В рассказах, как в объективе перевернутого бинокля, изменялась привычная перспектива. Громоздкие предметы отодвигаются, становятся миниатюрными, в то же время резкость, избирательность виденья неожиданно возрастают.

Этой же цели служит образ повествователя. Автор не дает прямой оценки ко всему, что происходит. Но и без «личностных» комментариев обнаруживает себя, до конца проясняет свое отношение к поставленной в произведении проблеме и к выведенному в нем герою. В нем авторская позиция главенствует и решительно подчиняет себе другие точки зрения... Ясно обозначенное на протяжении всего повествования авторское сознание делает его монолитным и монологичным. В рассказе нет второго голоса, звучащего полноправно с авторским. Все изображенное в произведении так или иначе подчиняется однозначно звучащему авторскому голосу. В подобного рода рассказах, где авторская точка зрения стилистически, композиционно уступает место сначала взглядам одного героя, затем другого, третьего писателя подстерегают свои трудности; их «заметным недостатком является то, что читатель не может определить авторскую идею. В коротком рассказе она «должна быть однозначной и определенной. В рассказе З. Канкулова «Сон» главному герою Муахиду снится сон: «МуГэхид щашыху хужкыбзэ зытепхуа Гэнэхэм еплурэ хуэмурэ ирикГуэрт. Пхэщхэмыщхы хадэхэКи щашэркым мы бэзэрым. Мес, лы фафГэшхуэм цыху напэ кьабзэ дыдэ стЮлым кьытрильхэщ...»³ («Муахид проходит мимо прилавков, накрытых белейшими покрывалами. На этом базаре не продают ни фрукты, ни овощи. Вот, представительный мужчина кладет на стол чистейшую совесть»...).

Описанный автором странный базар, где торгуют не чем иным, как совестью, олицетворяет типичные образы отображаемой действительности, характерные приметы мира, человека в определенную эпоху: а именно падение нравственных устоев. Пристальный интерес к судьбе отдельного человека, а через него и в его лице к судьбе общества в конкретную эпоху открывает новые пути художественного познания всего человеческого сообщества и конкретной личности во всех ее проявлениях.

Правдивое воссоздание типических обстоятельств и характеров представляет большую сложность для писателей, пишущих о современности. Но все же в рассказах заложено желание узнать, зафиксировать мир, который стремительно изменился, отметить смещение качеств и приоритетов. Но поиски путей к возможно более широкому охвату действительности, к изображению ее в развитии не обязательно заставляют писателя брать в основу рассказа большой отрезок времени. Здесь, пожалуй, важно другое – умение найти такое событие, которое, будучи непродолжительным, отражает в себе ведущие тенденции эпохи, которые являются заметными звеньями в цепи исторического развития. В этом плане показательны рассказы Ж. Даурова «У умершего не было денег», «Не встречайтесь с Исламом» («Ислам зыхуэвмыгъазэ»), «Лшам ахшэ иАккым». В них дается характеристика современного общества посредством создания типических образов. В первом рассказе богатая наследница утонувшего мужа поскупилась на его похороны: столь важное ответственное дело она переложила на плечи коллег по работе. В другом рассказе того же автора главный герой продает дом, который ему не принадлежит. Как видно из рассказов, социокультурная ситуация XX–XXI вв. оказала существенное влияние на создание в ней новых типов героев и новых художественных средств в его изображении.

Постсоветский период свидетельствовал о новом этапе в современной действительности, которая после диктата советской власти вынуждена была подчиниться диктату материального мира, часто гораздо более прагматичного и циничного. «Неуправляемая коммерциализация» стала причиной изменения престижа профессий: особенно популярными были «рыночные» профессии: экономист, финансист, менеджер, юрист. Ученый, инженер, летчик, врач, учитель уступали место банкиру, предпринимателю, охраннику, шоумену. «Привлекательность» второй группы профессий была связана с видимой возможностью быстро и легко зарабатывать деньги, демонстрировать стандарты высокого уровня потребления. Этой проблемы коснулись в своих рассказах Б. Гаунов «Сил больше нет» («Схузхьжыркъым»), Ж. Дауров «Профессия» («ІэщІагъэ»). Вывод из всего сказанного: время глобальных реформ, захлестнувших Россию «сломаło» систему прежней «морали», существенно перевернув все нравственные ценности. Сама реальная действительность, с ее масштабным кризисом современного российского общества способствовал выживанию этих моделей поведения и ценностных установок.

Подобная ситуация в обществе сподвигла писателей к поиску путей выхода из социального кризиса. Современная литература не осталась в стороне. Авторы предлагают свои способы социального порядка. Достижение совершенства в духовной жизни человека как ощущение полноты и целостности, означает по мнению ряда авторов, означает выход человека к Богу – тем нравственным, духовным константам, которые характеризуют основания человеческого бытия.

Рассказ Н. Лукожевой «Шуршание» («Щхьщхь макъ») является произведением по сути глубоко религиозным. Постсоветскому периоду, вместе с обновлением прозы, предстояло внести новое содержание в произведениях религиозного характера, обогатить их идеями, образами, выработать для них более высокую художественную форму. В современной литературе можно проследить параллель рассказа с Кораном: он апеллирует к религиозным заповедям, опирается на коранические истины и заветы, нравственные и художественные ценности, соотносит с ним свои идеалы, приводит речения, притчи, легенды из Священного писания... Эта связь не всегда очевидна, но открывается в результате пристального, вдумчивого чтения и вносит как бы новое измерение в «художественную вселенную». Рассказ Н. Лукожевой напоминает читателю о существовании загробной жизни и тем самым взывает к духовности в мирских делах. Произведение начинается с зловещих слов, который принес с собой ветер: «СощІэ... Сэ псори сощІэ...»⁴ – («Знаю, я все знаю»). Человек, пытаясь обуздать ветер, вырвал ему глотку; здесь он увидел страшное: из нее стало появляться множество человеческих рук... Примечателен образ таинственного писаря, который, не останавливаясь, все это время что-то записывал. Мысль автора и форма превращаются в единый впечатляющий художественный образ – предостережение, что для каждого наступит Судный день, после того, как два ангела, призванные фиксировать все добрые и неблагоприятные поступки поведают о деяниях человека. Праведные попадут в рай, грешники сгорят в аду. «Человек, зная о том, что все его слова и поступки записываются двумя ангелами, а так же зная о том, что Аллаху известно абсолютно все, будет стараться избегать совершения грехов, и будет стараться совершать благие деяния». Н. Лукожева культивирует богобоязненного человека. Рассказ прозаика, известного своей парадоксальной манерой изложения, никак нельзя воспринимать как голое морализаторство, но все же он воспринимается как предупреждение человеку, чтобы он задумался о смысле жизни, расставил правильные ориентиры и обрел истинную цель своего существования.

Таким образом, в кабардино-черкесском рассказе рубежа XX–XXI веков об-новляется концепция личности. Авторы уделяют большое внимание социальным, нравственным проблемам. В повествовательной манере прозаиков обнаруживается

стремление к жанрово-стилевому обновлению рассказа, к экспериментальным новациям.

Примечание

1. *Гуревич П.С.* Культурология. Москва: Гардарики, 2006. С. 274.
2. *Камергоев Т.Ж.* Двойник. Новеллы и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 96.
3. *Канкулов З.М.* Затерявшийся в городе. Повесть и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 96.
4. *Лукожева Н.Г.* Шорох. Рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1998. С.144.

THE PSYCHOLOGY AND WORLDVIEW A HERO OF OUR TIME IN SMALL GENRES OF THE KABARDINO-CHERKESS LITERATURE

Betuganova Elena Nartshaovna, candidate of philological sciences, researcher of department kabardino-circassian literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), betuganova.80@mail.ru

In this article an analysis is being done of the main types of character used in short stories written by Karbadinia-Circassian authors, set during the 90s. The Post-Soviet genre opened a new stage is the creativity of authors, characterised by an intensity of thought, focusing on understanding the heroes of a transitional era “like spokesmen of a new time”. In their stories, the authors (A. Keshokov, A. Kemrgoev, B.Kagermazov, B.Gaunov, G. Daurov, Kankulov, R. Atskanov) cast a light upon the process of re-adaption and change undergone by the stories protagonists, while transitioning into an era of post-soviet social interactions. Attention is paid to the fate of a person, and through this to the destiny of society, offering an imaginative perception of human life in its many manifestations. The article draws attention to particular features of a modern reality, that dominated in the new circumstances of the era. It showed how sociocultural situation of XX–XXI’s had a significantly impact in the creation of new heroes in a story genre, and its imaginative realisations.

Keywords: Kabardino-Circassian literature, narrative, socio-cultural, prose of the post-Soviet period; marginalization; spiritual revival, religious motives.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-117-122

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ДИАСПОРЕ

Биттирова Тамара Шамсудиновна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала «Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», tbittir@mail.ru

В статье анализируются литературоведческие исследования в карачаево-балкарском литературном зарубежье. В ней рассматриваются особенности литературоведческих статей и монографий, написанных турецкими авторами карачаево-балкарского происхождения. Анализу подвергается ряд работ, написанных Ведатом Балканом, Адилханом Адилоглу и Мехметом Сары и посвященных творчеству К. Мечиева. Статья содержит анализ вклада авторов диаспоры в развитие национального литературоведения, в изучение творчества классиков и современников, соотнесенность их литературоведческих исследований с художественными процессами, происходящими на исторической родине. Адилхан Адилоглу, Мехмет Сары, Уфук Таукул, Ведат Балкан, Саид Арбатлы и др. литераторы рассматривают творчество карачаево-балкарских авторов в контексте турецкой литературы, часто апеллируя к лучшим ее образцам.

В статье также исследуется творчество С. Дуда, профессора из университета штата Северная Каролина США. В работе подчеркивается ценность его монографии о русской классической литературе, посвященной Кавказу – «Тема Кавказа в русской литературе 18–19 веков» (США, 1971).

Ключевые слова: карачаево-балкарская диаспора, литература, литературоведение, традиции, классики и современники, диалог культур.

Карачаево-балкарское литературное зарубежье в последние десятилетия появилось исследованиями литературного процесса, и оно имеет свои особенности. Прежде всего нужно отметить: литературоведы диаспоры в большинстве своем занимаются анализом творчества авторов, известных на Родине предков. Представители карачаево-балкарского зарубежья Адилхан Адилоглу, Саид Арбатлы, Ведат Балкан и др. посвятили свои исследования творчеству классиков карачаево-балкарской литературы, а также некоторым аспектам современного литературного процесса в самой диаспоре¹.

Внимание исследователей почти одновременно привлекло творчество классика Кязима Мечиева. Адилханом Адилоглу было осуществлено научное издание книги, известной в народе как «Къылыкь китап» (Темирхан-Шура, 1909). Она включала в себя два произведения – «Ийман ислам» К. Мечиева и «Книгу наставлений женщинам» Л. Асанова. Изданная доктором филологии А. Адилоглу книга «Kitabü mürsid in-nisa. Metin. Aktarma. Inceleme» («Книга наставлений женщинам. Текст. Переиздание. Комментарий») является двуязычным исследованием, которое основано на анализе текстов К. Мечиева и Л. Асанова, обнаруженных Биттировой Т.Ш.² Автор снабдил издание обширным научным аппаратом: библиографическим очерком, глоссарием и построчной транслитерацией с арабской графики на латиницу. Текст К. Мечиева сопоставляется с подобными же произведениями турецкой литературы. В данном издании ценным является и то, что ученый соотносит текст Л. Асанова с теми положениями в исламе, на которые опирается автор.

Важным событием в культурной жизни диаспоры следует признать монографию профессора университета Кожатепа г. Кония Ведата Балкана (балкарская фамилия Балаев), написанную в соавторстве с профессором того же университета Мехметом Сары, посвященная творчеству Кязима Мечиева, его духовным произведениям, в частности Мовлюду – «Kazim Meçi'nin Karaçay türkçesi mevlidi» («Мовлюд Кязима Мечиева на карачаевском (тюркском) языке»)³. До написания монографии профессор Ведат Балкан опубликовал ряд произведений на турецком языке, посвященных карачаево-балкарской литературе и культуре⁴.

Монография «Kazim Meçi'nin Karaçay türkçesi mevlidi» знакомит турецкого читателя с творчеством классика, подробно останавливаясь на его поэме. Поэма К. Мечиева сопоставляется с аналогичными произведениями турецкой литературы, в частности, мовлюдом Сулемана Челеби. Книга открывается вступительным словом Ведата Балкана «Кязим Мечиев. Жизнь, личность и сочинения», в котором прослеживаются основные вехи жизни и творчества поэта. Вторая глава посвящена истории издания и сохраненным в устной традиции вариантам поэмы. В этом аспекте для нас интересен записанный автором в диаспоре, в сел. Якапынар у Ханымсат Ёзжан (1933) кязимовский мовлюд. У Ханымсат сохранился дефтер* Халита Тузуна. Он оказался в Турции после Первой мировой войны и умер в 1990 году в г. Афион. Х. Тузун знал поэму наизусть и осуществил ее запись. Ученым дана подробная археографическая характеристика рукописи. В следующей главе, написанной Мехметом Сары, – «Сравнение мовлюд Кязима Мечиева с мовлюдом Сулеймана Челеби» – произведение К. Мечиева анализируется в сопоставительном плане с турецким автором (XIV в).

Сравнение структуры поэмы, ее основных сюжетных линий дает основание ученому говорить о близости двух произведений, несмотря на большой временной разрыв между периодами их создания. Их близость обусловлена не только единой темой – жизнеописание пророка Мухаммада, но и единством тюркской поэтики, констатирует автор раздела. В книге приводятся изданный мовлюд К. Мечиева, а также записанный в диаспоре ее краткий вариант с переводом на турецкий язык, что немаловажно для последующих научных исследований. Авторы приходят к выводу, что поэма Кязима в художественном отношении ничуть не уступает поэме турецкого автора, а в некоторых аспектах и превосходит (в сюжетостроении, в поэтике).

Кязим Мечиев стал излюбленным автором в диаспоре, чему свидетельство и книга Уфука Таукула, изданная в Анкаре в 2010 году и приуроченная к 150-летию классика⁵. Хотя книга и была посвящена юбилею Кязима, в ней нашли место известные основоположники карачаево-балкарской литературы Карамусса, Зантууду, Каспот Кочкаров, Аппа Джанибеков, Исмаил Семенов. Книга открывается несколькими очерками справочного характера, в которых даются сведения о быте, культуре, языке и литературе балкарцев и карачаевцев. По мнению автора, формирование и развитие карачаево-балкарской литературы были обусловлены богатейшим духовным наследием народа: нартским эпосом, историко-героическими поэмами, малыми жанрами. Произведения карачаево-балкарских авторов публикуются с переводом на турецкий язык. В Антологии были напечатаны стихи и поэма «Жаралы жугьтур» («Раненый тур») К. Мечиева с комментариями на двух языках.

Большую работу в деле популяризации карачаево-балкарской литературы в турецком обществе проводит известный в тюркском мире литератор и переводчик, кандидат филологических наук, многие годы работавший представителем Турции в Башкортастане Каншаубий Мизиев. В 2001 году им была издана «Антология балкарской поэзии», в нее вошли стихи выдающихся балкарских поэтов, переведенные на турецкий язык. В 2018 году в Анкаре, в издательстве

* Тетрадь с религиозными стихами.

Союза писателей Евразии «Bengu», вышло второе издание «Антологии балкарской поэзии» Каншаубия Мизиева на турецком языке⁶. По сравнению с первым изданием расширен круг авторов. Скорректированы также биографии поэтов, включены новые стихи, добавлены названия их книг, вышедших за последнее время. В «Антологию...» вошли произведения 47 авторов. Отдельным разделом дается обширный список книг Кайсына Кулиева, изданных на разных языках народов России и мира.

Молодой ученый Мехмед Саид Арбатлы из диаспоры – автор десятков научных публикаций о карачаево-балкарской литературе. Его первое научное исследование (дипломная работа) была посвящена поэме Исмаила Семенова «Актамак», кандидатская диссертация – творчеству и общественной деятельности Кайсына Кулиева. В 2014 году С. Арбатлы была издана книга «*Seni Seviyorum, Hayat – Kaysın Kuliye’v*» («Я люблю тебя, жизнь. Кайсын Кулиев»)⁷. Автор анализирует творчество классика карачаево-балкарской поэзии в широком контексте тюркской словесности, сопоставляя его поэтические открытия с художественными достижениями казахской, турецкой, киргизской поэзии.

Издающийся в Анкаре литературный журнал «*Kardeş kalemler*» («Собратья по перу») – печатный орган Союза евразийских писателей, ориентированный на тюркский мир, посвятил специальный номер карачаево-балкарским авторам – «*Karavaş-malkar edebiyatı. Osel Sayısı*» («Карачаево-балкарская литература – специальный выпуск»)⁸. Публикациям карачаево-балкарских писателей предшествует вступительное слово известного турецкого писателя Али Акбаша, где говорится о единстве тюркского духовного пространства и плодотворности связей между кавказскими и турецкими писателями. В журнале представлено творчество (стихи и рассказы) Кайсына Кулиева, Халимат Байрамуковой, Ахмата Созаева, Фатимы Байрамуковой, Махмута Кубанова, Билала Лайпанова, Кулины Салпагаровой, Исмаила Тохчукова, Мурадина Ольмезова, Азрета Акбаева, Алима Теппеева, Жагафара Токумаева, Ибрагима Гадиева, Хасана Шаваева, Билала Аппаева, Борисби Узденова, Абу-Хасана Хубиева, Шафака Таукула, Уфук Таукула, Аскера Додуева, Уфука Тузмана. Наряду с художественными текстами в журнале напечатана статья Уфука Тузмана о творчестве Алима Теппеева «*Alimni edebiyat mirası*» («Литературный мир Алима»). В ней рассказывается о многогранном творчестве Алима Теппеева, о его вкладе в национальную культуру: «Самая высокая гора Кавказа – двуглавый Эльбрус. Самые прославленные имена карачаево-балкарской словесной культуры Кязим Мечиев и Исмаил Семенов подобны этим вершинам. Классик карачаево-балкарской литературы Алим Теппеев также на пути к этим вершинам», – так предваряет свой очерк У. Тузман. В нем большое место уделяется литературоведческой деятельности А. Теппеева, в частности, его научным публикациям о творчестве К. Мечиева, а также изданному им двухтомнику поэта.

Известный этнограф и историк У. Таукул знакомит турецкого читателя с историей, этнографией, фольклором и подробно останавливается на истоках национальной литературы и упоминает о современном ее состоянии в своем небольшом очерке «*Karavaş-malkar edebiyatı*» – «Карачаево-балкарская литература». Уфук Тузман, подготовивший материалы к изданию, напечатал в журнале также рецензии на материалы журнала «*Минги Тау*» и книги «*Къарачай поэзияны антологиясы. XVIII–XX ёмюрле*» («Антология карачаевской поэзии. XVIII–XX века»), изданный фондом «Эльбрусойд». В рецензии также дана оценка и подготовленной к изданию Союза писателей КБР «*Малкъар поэзияны антологиясы. XX ёмюр*» («Антология балкарской поэзии. XX век»). Дополняет картину развития карачаево-балкарской литературы информация журналиста Хасана Конакова, в которой он рассказывает о газете «Заман» и ее роли в развитии культуры и пропаганде литературы. Посвященный карачаево-балкарской литературе номер журнала «*Kardeş kalemler*» был иллюстрирован историческими фотографиями.

Современные средства связи расширили возможности для развития культуры диаспоры, в том числе и на родном языке. Мухаджиры, проживающие в разных странах и даже на разных континентах, могут обмениваться информацией в режиме on-line. Литературные связи также стали более интенсивны с расширением Интернета и включением в его орбиту всего мирового сообщества. Книга Леман Коч, литературного редактора турецкого вещания в США, можно сказать, – результат такого виртуального общения. Она на протяжении последних лет собирала материал для энциклопедического издания «Mingi taunu kol izlari» («Почерк Эльбруса»), в том числе и в интернет-группах, объединенных общими интересами по сохранению национальной культуры. Составитель широко использовала материал российских авторов, пишущих о диаспоре⁹.

«Заман кьайтмаз ызына, ызынг кьалыр заманда...» («Время не вернется назад, только твои следы останутся в прошлом...») – эпиграф книги полностью отвечает ее содержанию. Что было выдающегося в прошлом, и каким видится будущее современным балкарским и карачаевским деятелям культуры, независимо от места проживания? На этот вопрос ищет ответы составитель книги.

Отдельный раздел книги посвящен поэзии. Вошедшие в книгу авторы, известные на исторической родине поэты наравне с поэтами диаспоры говорят со страниц книги о трагических этапах истории народа, о современных проблемах и размышляют о будущем. Авторы, представляющие поэзию диаспоры, за исключением Арифа Каншау, Ибрагима Ульбашева, Хедие Курбан Авчы, еще раньше вошли в поэтический сборник «С любовью к родине отцов», подготовленный автором этой статьи¹⁰. Данное обстоятельство свидетельствует о новых и тесных литературных связях диаспоры с исторической родиной.

Представляет большой интерес публикации филологов в данной книге. К примеру, статья молодого ученого из диаспоры Саида Арбатлы, исследователя творчества Кайсына Кулиева – «Karaçay-Malkar Diasporasında Edebi, Kültürel Faalietler ve Kültürel Entegrasyon» («Современное состояние литературы и культуры в диаспоре и культурная интеграция») посвящена актуальнейшей культурологической теме. Ученый рассматривает конвергенцию диаспоральной культуры с культурой страны ее принимающей. В анализ включены художественные явления не только турецкой диаспоры, но из стран Европы, США, а также диаспор в странах ближнего зарубежья, куда были высланы балкарцы и карачаевцы в 1943–1944 годах.

К литературоведческим исследованиям в диаспоре нужно отнести и творчество Садыка Дудова (Садык Дуда), профессора университета г. Ралей США (штат Северная Каролина).. Путь в науку о литературе у С. Дуда был хоть и драматичным, но вполне успешным*.

Докторская диссертация Садыка Дудова «Тема Кавказа в русской литературе 18–19 веков» вынашивалась автором годами. Она была ему близка, как пишет сам автор, потому что «кавказская тема является одной из популярных в русской художественной литературе XIX века. Об этом свидетельствует уже тот факт, что

* В своей автобиографии С. Дуда писал: «1968–1996 гг.: член Американской ассоциации университетских профессоров – ААУП... Принимал активное участие во многих аспектах деятельности этой организации, два года служил членом Исполнительного Комитета, служил также вице-президентом филиала штатов Северной и Южной Каролины (1972–1973 учебный год) и президентом того же филиала (1973–1974 учебный год). 1964–1999 гг.: член Американской ассоциации преподавателей германских языков и литератур – ААТГЛЛ» (1, 154–157). Краткая биография ученого и педагога была помещена в юбилейную книгу «Выдающиеся педагоги Америки». В 1974 году был избран членом культурно-академической делегации, посланной в арабские страны. В 1991 г. в составе академической делегации находился в Москве. Делегация состояла из десяти человек – представителей пяти вузов США. Делегация приехала в Москву по приглашению Московского государственного института международных отношений – МГИМО. Делегация подписала трёхлетний договор академического обмена между МГИМО и пятью университетами США.

такие величины русской словесности, как Державин, Жуковский, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Толстой и многие другие обращались к этой теме и находили в ней изобилие материала для воплощения своих творческих идей и идеалов»¹¹. Диссертация С. Дуда, как монографическое исследование, представляет большой интерес, как в научном, так и в культурном плане, ибо является одним из системных исследований обозначенной темы. Широта охвата фактического материала, критической литературы, оригинальный подход к решению поставленных научных задач ставит ее в один ряд фундаментальных исследований о русской литературе XIX века и ее классиках.

Для С. Дуда представляли интерес не только сами произведения о Кавказе, но и отзывы русской критической мысли о тематике и поэтике стихов и поэм авторов, начиная с М. Ломоносова: «До появления кавказских поэм Пушкина образ Кавказа в русской художественной литературе носит довольно фрагментарный и условный характер... Лучшим примером этому служит ода Ломоносова «Ода на день восшествия на престол ее величества государыни императрицы Елизаветы Петровны 1748 года».

Выявить связь реальных исторических событий с сюжетными линиями и фабулами произведений о Кавказе, их достоверность и оценка этих событий мастерами художественного слова – основная задача автора монографии решена на поэтических и прозаических примерах. Он прослеживает, как из десятилетия в десятилетие меняется трактовка войны: «Вопреки романтической традиции 20-х годов XIX века, трактовавшей войну на Кавказе в основном как следствие дикости горских племен, как результата их природной склонности к разбою и хищничеству, в произведениях 30-х годов часто наблюдается стремление к строгой объективности, и к некоторой исторической достоверности. Нередко война объясняется с точки зрения горцев, причины и сущность войны объясняется с их же позиций»¹². Восхищаясь гением А. С. Пушкина, С. Дуда раскрывает миссионерский аспект его творчества. Проследившая динамику пушкинского постижения Кавказа, которого в определенный период уже не устраивает декабристское видение Кавказа (в частности, Бестужева-Марлинского), автор утверждает, что он «работает над проблемой понимания чужой культуры, такого изображения этой культуры, чтобы слова называли вещи, чтобы текст вбирал в себя изображаемое, а не соотносился бы с ним в качестве символа и знака... Это новое направление в творчестве Пушкина было связано, конечно, с его стремлением преодолеть романтизм, то есть с движением поэта к реализму»¹³.

Благодаря заложенному в исследовании большому фактическому литературному материалу, широкому его охвату, как и критической мысли России, объективности характеристики этого материала, монография дополняет существующую научную литературу по заданной теме. Она ценна тем, что С. Дуда приходит к выводу, что русская литература в лучших своих образцах была гуманистической по отношению к борьбе горцев в отстаивании своей свободы.

Литературоведческий труд С. Дуда является связующим звеном карачаево-балкарской диаспоры с культурой России – родиной предков и одновременно свидетельством научных достижений карачаево-балкарской диаспоры в сфере гуманитарных наук. Надо признать, что эта работа также одно из звеньев в цепи взаимообогащения культур США и России.

Литературоведение и литературная критика, посвященные художественной словесности диаспоры, находятся в стадии формирования. Отдельные рецензии и библиографические справки, появляющиеся эпизодически в журналах и альманахах, не раскрывают полной картины становления литературного процесса. Тем не менее, они свидетельствуют о первых уверенных шагах в становлении литературоведения и литературной критики в карачаево-балкарской диаспоре.

Примечания

1. *Adiloglu, Adilhan*. BashüyüknütarihindeülsubardiText / *A. Adiloglu* // Küzgülü. 2007. № 3. B. 19–25; *Adiloglu, Adilhan*. KaraçayMalkarTürkleri. Ankara, 2005. 232 b.; *Arbatlı, M. Said*. Ömer Hayyam ve Kaysın Kuliyeв. Motif Akademi Halkbilimi Dergisi-Karaçay-Malkar Özel Sayısı. 2015. C. 8. S. 16. Ss. 557–572; *Mehmet Sarı*. Vedat Balkan. Kazim Meçi'nin Karaçay türkçesi mevlidi. Afionkarahisar. 2009. 128 s.; *Mehmet Sarı*. Vedat Balkan. «Ak Koçar» (İsmail) Kıssası. Turkdunyası Dilve Edebiyat Dergisi, sayı 9, Bahar, 2000; *Mehmet Sarı*. Vedat Balkan. Kazim Meçi'nin Karaçay Türkçesi «Yaralı Dağkeçisi» (Jaralı Jugutur) Manzumesi. Literature and History of Turkish or Turkish, Volume 4/3 Spring 2009, p. 2390.
2. *Биттирланы Тамара*. Кязимни биринчи китабы // Минги Tay. 2001. № 3.
3. *Mehmet Sarı*. Vedat Balkan. Kazim Meçi'nin Karaçay türkçesi mevlidi. Afionkarahisar. 2009. 128 s.
4. *Vedat Balkan*. Doglat köyü // Birleşik Kafkasya. 1995. № 3; Vedat Balkan. Kazim Meçinin hayati, Edebi kishiligi ve eseplerineden ornekle. Atuin, 1997.
5. *Ufuk Taukul*. Karaçay-malkar halk şayirleri antolojisi. Kazim Meçiyevin 150 Doguyılısnısına. (Антология карачаево-балкарских народных поэтов. К 150-летию со дня рождения Кязима Мечиева). Ankara, 2010.
6. *Miziev Kaşsaubiy*. Balkar siiri antolojisi'nin 2. baskısıçıktı. Ankara'da Avrupa Yazarlar Birliđi // BENGÜ. 2018.
7. *Arbatlı M. Said*. Seni Seviyorum, Hayat! Kaysın Kuliyeв: Hayatı, Sanatı ve Şiirleri, Gece Kitaplıđı, Ankara, 2014.
8. «Kardeş kalemler». Ankara. Mart. 2011.
9. «Mingi taunu kol ızları» («Следы Эльбруса»). Hazirlayan Leman J. Koç. Ankara, 2016.
10. *Биттирланы Т.Ш.* Ата журтну ийнакълап... (С любовью к родине отцов...) Нальчик, 2014; *Биттирова Т.Ш.* Литература и фольклор карачаево-балкарского зарубежья. Нальчик, 2018.
11. *Дудов С.* Тема Кавказа в русской литературе 18–19 веков. США, г. Мичиган, 1971. 548 с.
12. *Adiloglu Adilhan*. Kitabü mürşid in-nisa. Metin. Aktarma. Inceleme. Ankara, 2006. 162 b.
13. *Дудов С.* Тема Кавказа в русской литературе 18–19 веков. США, г. Мичиган, 1971. 63 с.

LITERARY STUDIES IN KARACHAY-BALKAR DIASPORA

Bittirova Tamara Shamsudinovna, Doctor of Philology, Leading researcher of the Karachay-Balkar literature Department of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), tbittir@mail.ru

The article for the first time analyzes literature studies in the Karachay-Balkar literature abroad. It considers the features of literary articles and monographs written by Turkish authors of Karachay-Balkar origin. A number of works devoted to the works of K. Mechiev are analyzed. The article analyzes the contribution of Diaspora authors to the development of national literary studies, to the study of the works of classics and contemporaries. Adilkhan Adiloglu, Sarah Mehmet, Ufuk Taukul is the Balkans, said. writers analyze the work of Karachay-Balkar authors in the context of Turkish literature, often appealing to its best examples.

The article also explores the work of S. dood, a Professor at the University of North Carolina USA. The paper emphasizes the value of his monograph on Russian classical literature devoted to the Caucasus – «the theme of the Caucasus in Russian literature of 18–19 centuries», published in the United States in 1971.

Keywords: Karachay-Balkar Diaspora, literature, literary studies, traditions, classics and contemporaries, dialogue of cultures.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-123-128

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ЛЕГЕНДЫ

Гулиева (Занукова) Фаризат Хасановна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), gfariza37@mail.ru.

Статья посвящена одной из разновидностей устной фольклорной прозы карачаевцев и балкарцев. Поскольку до настоящего времени не было исследований, посвященных карачаево-балкарским религиозным легендам, основной целью работы было дать объективное представление о сущности данной группы произведений и сформулировать ее рабочее определение. Для этого, опираясь на наблюдения и умозаключения предшественников и исходя из конкретного эмпирического материала, выявлены основные свойства, позволяющие отграничить ее от смежных явлений (сказок, преданий, притч, быличек и бывальщин), после чего предлагается определение религиозной легенды как внутрижанровой разновидности. Учитываются такие критерии, как сакральность, наличие элемента чуда, установка на достоверность и т.д. На основе текстов карачаево-балкарского фольклора осуществлена внутрижанровая классификация религиозных легенд. Выделены легенды по своей сути языческие, христианские и мусульманские. В то же время в статье отмечается, что подобное деление весьма условно вследствие переплетения и наслоения различных по времени и характеру верований и представлений. Исследование показало, что лучше всего в народной памяти сохранились языческие легенды, которые позже подверглись некоторым трансформациям под влиянием христианства и ислама. Христианские легенды как таковые зафиксированы не были, число мусульманских легенд также весьма незначительно, однако встречаются переработанные библейско-коранические сюжеты, отдельные мотивы, религиозная лексика, реадаптированные к новым обстоятельствам образы.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, религиозные легенды, язычество, христианство, ислам, синкретизм.

Легенда является одним из жанров, традиционно относимых исследователями к несказочной прозе. Если углубиться в историю данного термина, следует отметить, что изначально под ним понимались тексты письменной христианской литературы, вследствие чего многие фольклористы (В.Я. Пропп¹, Н.А. Криничная², В.П. Аникин, Ю.Г. Круглов³, А.А. Ципинов⁴ и др.), считая сакральность главным жанрообразующим критерием, относили к этой группе лишь повествования о героях священной истории (христианских и мусульманских пророках, святых, шейхах и т.п.). Тем не менее в дальнейшем его трактовка стала намного шире: легендой стали называть народный рассказ, вошедший в традицию и воспринимающийся рассказчиком и слушателем как достоверный, но основанный на чуде, фантастическом образе или представлении⁵, т.е. жанрообразующим критерием здесь является элемент чуда, фантастики.

Тематический состав легенд также определяется учеными по-разному: мифологические (А.М. Аджиев, Т.М. Хаджиева), космогонические (В.Н. Морохин), этиологические (Т.М. Хаджиева) о происхождении животного и растительного мира (В.Н. Морохин), этногонические (В.Н. Морохин), языческие легенды (Х.Х. Малкондуев), религиозные / религиозно-апокрифические (В.Е. Гусев, В.Н. Морохин, А.М. Аджиев, Х.Х. Малкондуев, Т.М. Хаджиева), исторические легенды религиозного

содержания (В.К. Соколова), социально-утопические (В.Е. Гусев, В.Н. Морохин, В.К. Соколова, А.М. Аджиев), исторические (В.Е. Гусев, В.Н. Морохин, Т.М. Хаджиева), социально-бытовые (В.Н. Морохин), топонимические (Т.М. Хаджиева), сатирические (В.Н. Морохин) и др.⁶

Исходя из опыта своих предшественников и особенностей карачаево-балкарского фольклорного материала, нами было предложено деление легенд на религиозные, исторические и топонимические⁷. Религиозные легенды, являющиеся объектом изучения в данной статье, представляют собой повествования, связанные с сакральной стороной жизни их создателей. Их главным жанрообразующим элементом, как было отмечено выше, является чудо, вокруг которого строится произведение. В данном случае оно связано с древними верованиями и религиозными представлениями карачаево-балкарского народа, с именами языческих персонажей, а также героями христианской и мусульманской священной истории. Наличие чудес позволяет отграничить легенды от преданий, сказов и устных рассказов, но в то же время сближает их со сказками, притчами, быличками и бывальщинами. Однако установка на достоверность отличает их от сказок. Несмотря на то, что легендам присуща некоторая назидательность, в них нет непосредственной дидактической направленности притч, а объект повествования более «высокий» по сравнению с быличками, в большей степени связанными с суевериями и персонажами «низшей» мифологии, где фигурируют не божества, пророки, ангелы, святые, шейхи и т.п., а домовые (*юй иеси*), лешие (*агъач киши*), алмосту, шайтаны и джинны и др. Композиция их также различна. По времени создания легенды отстоят значительно дальше быличек и бывальщин, чаще всего сообщающих о событиях относительно недавнего прошлого самого рассказчика, его знакомых или предков.

Таким образом, религиозные легенды представляют собой отдельную внутрижанровую разновидность и обладают набором критериев, способствующих их идентификации (сакральность, наличие элемента чуда, установка на достоверность и т.п.).

Условно религиозные легенды можно подразделить на языческие, христианские и мусульманские. Условность эта обусловлена тесным переплетением различных эзотерических представлений в сознании их носителей, размытостью границ и проницаемостью внутрижанровых разновидностей. Тем не менее стараемся рассмотреть их подробнее.

Наиболее обширный и хорошо сохранившийся сегмент религиозных легенд составляют тексты, отражающие языческие воззрения и культы карачаевцев и балкарцев. Это сказания о языческих божествах (Апсаты и его дочерях, Тотуре / Аш-Тотуре, Аймуше и др.), мифических существах, объектах поклонения (священном дереве Раубазы, различных почитаемых камнях и т.п.)⁸, в которых повествуется о, якобы, имевших место в жизни людей различных событиях, происшествиях, связанных с ними: о наказании Апсаты, покровителем охоты и диких животных, излишне рьяных охотников, о его скорби по безвременно погибшему Тегею, о любви сынов человеческих и дочерей божеств, о различных культах (поклонение шерсти и т.п.) и обрядах (клятвы на цепи и т.п.). Во многих текстах отчетливо заметно влияние христианской и мусульманской религий, что проявляется не только в употреблении соответствующих словесных формул, замене имени Тейри Аллахом, появлении библейско-коранических персонажей, но и в постепенном снижении образов языческих божеств⁹.

Что касается христианских и мусульманских легенд, в этом случае, на наш взгляд, целесообразнее говорить о наличии в произведениях отдельных библейско-коранических сюжетов, которые к тому же чаще всего переосмысливались и переделывались в соответствии с менталитетом народа.

Христианство оставило значительный след как в материальной (различные святилища, церковная утварь, надгробные кресты и т.п.), так и в духовной культуре

карачаевцев и балкарцев. Подтверждением тому служит наличие связанных с данной религией топонимов (*Бабас сабан* «Попово поле», *Байрым юй* «дом Марии», *Байрым килиса* «церковь Марии», *Байрым къала* «башня Марии», *Байрым таи* «камень Марии»), названий дней недели и месяцев (*Геюрге кюн* – вторник, день святого Георгия; *Бараз кюн* – среда, день святой Параскевы; *Байрым кюн* – пятница, день святой девы Марии; *Байрым ай* – февраль, месяц святой девы Марии; *Тотурну ал айы* – март, первый месяц святого Федора; *Тотурну арт айы* – апрель, последний месяц святого Федора; *Никкола ай* – июнь, месяц святого Николая и др.), трансформированных в языческих божеств персонажей священной истории (святая дева Мария – Мария / Байрым; Илья-пророк – Элия; святой Федор – Тотур и т.д.¹⁰), сказок, легенд, притч и преданий на библейские мотивы (о всемирном потопе – «*Билгич-эфенди*» («Эфенди-прорицатель»)¹¹, о Каине¹², о Нухе (Ное) – «*Гыты*»¹³, о Соломоне – «*Сюлемен*»¹⁴ и др.).

Говоря о русских христианских легендах, В.П. Аникин и Ю.Г. Круглов отмечают, что принятие Русью христианства вызвало «проникновение в языческие формы осознания реальности некоторых церковных понятий, а также фантастики библейских книг. Спустя несколько веков можно было уже утвердительно говорить о том, что место прежде существовавшего языческого осмысления жизни заступило своеобразное двоеверие – смешение языческих и христианских понятий»¹⁵. То же самое можно сказать и о карачаево-балкарских легендах. Во многих случаях новые сведения, сюжеты и мотивы переосмысливались и перерабатывались в соответствии с менталитетом, прежним мировоззрением, морально-этическими и эстетическими установками воспринимающего этноса. Все это привело к появлению произведений, в которых языческие представления (анимизм, тотемизм и др.) переплелись с элементами христианского мировидения. Таковы, например, произведения «Эфенди-прорицатель»¹⁶ и «Отчего у ласточки хвост раздвоен»¹⁷, которые правомерно признать интерпретациями библейского сюжета о всемирном потопе, однако адаптированного к конкретным обстоятельствам. В первом случае с его помощью объясняется, почему склоны Эльбруса покрыты льдом, а Арарата всегда покрыты зеленью (первая гора, побоявшись тяжести спасшихся на ковчеге людей и зверей, отказалась принять их, а вторая, несмотря на свои более маленькие размеры, пригласила их остановиться на ней). Во втором разрабатывается этиологический мотив – откуда появилась примечательная особенность у ласточки (в благодарность за то, что змея заткнула своим хвостом пробоину и спасла ковчег и его обитателей от гибели, Ной был вынужден пообещать исполнить ее желание; отправив осу на разведку, змея хотела узнать, чья кровь самая сладкая, однако ласточка помешала этим замыслам, вырвав осе язык; за это обманутая в своих надеждах рептилия попыталась расправиться с обидчицей, но только откусила часть хвоста, сделав его раздвоенным). Примечательно, что данное событие в другой легенде связывается с именем царя Соломона (Сюлемена) и не имеет привязки к потопу¹⁸.

В легенде «Каин»¹⁹ совершение первого на земле преступления, убийства, объясняется не только завистью из-за благосклонности Бога к Авелю, но и более низменными страстями: братья поссорились из-за приглянувшейся обоим девушки.

Таким образом, можно сказать, что предки карачаево-балкарцев трансформировали библейские сюжеты, чтобы сделать их более близкими к своим реалиям и доступными для понимания, внося в них элементы языческих воззрений, в чистом же виде христианские легенды в среде данного этноса не зафиксированы.

Что касается мусульманской религии, ее проникновение на Северный Кавказ было процессом сложным и поэтапным. «Исторические свидетельства, представленные в археологических, нарративных, фольклорных и этнографических источниках, позволяют говорить о том, что ислам, прежде чем стать общенациональной религией, трижды приходил к предкам современных карачаево-балкарцев – IX, XIII, XVII века.

Если первая волна ислама объективно не могла оставить материальных памятников и обширных исторических хроник, то последующие попытки исламизации нашли широкое отражение в письменных источниках»²⁰. С собой ислам принес не только новую культуру, но и письменность: «В силу историко-культурных обстоятельств, связанных с более поздним распространением ислама, в XVIII–XIX веках в Балкарии и Карачае в повседневной жизни больше применялась арабская графика, нежели язык. Арабская графика имела также статус графики делопроизводства – переписка со столичными чиновниками, с соседними округами осуществлялась на ней. Если в начальный период становления мусульманства арабский алфавит проецировался на священные книги и арабскую культуру, со временем он стал выполнять функции национальной письменности»²¹.

Внеся столь значительные изменения в общественную и бытовую жизнь народа, ислам не мог не затронуть его устной словесности. Несмотря на более чем критические отношения к служителям культа, среди карачаевцев и балкарцев сохранилось немало преданий, легенд и притч, сказов, пословиц и поговорок, связанных с мусульманской религией.

Анализируя дагестанские религиозные легенды, М.Р. Халидова пишет: «Мусульманство, утвердившееся в Дагестане примерно с VII–XV вв., коренным образом поколебало предшествовавшую духовную жизнь дагестанского народа. Большие изменения произошли и в области народной словесности. Ислам не мог примириться с произведениями, где действовали персонажи, связанные с миром язычества. Поэтому происходит полное переосмысление древних легендарных сюжетов и образов. Ряд текстов был забыт, другие претерпели изменения в религиозно-мусульманском направлении. Кораническая мифология заняла главенствующее место. Однако архаические элементы в легендах полностью искоренены не были, в результате чего сохранились такие легенды, в которых имеет место своеобразный синкретизм языческих и мусульманских представлений народа»²². Как было отмечено выше, ислам окончательно утвердился на территории Балкарии и Карачая относительно поздно, тем не менее суждения ученого вполне успешно могут быть применены и к карачаево-балкарскому фольклору. Свидетельством тому служат не только сами религиозные легенды («Балкарская легенда о творении женщины»²³, «Легенда о Раубазы»²⁴ и др.), но и тексты мифологической поэзии и прозы, где прослеживается постепенное снижение роли и функций языческих божеств (особенно наглядно прослеживается в повествованиях об Апсаты – божестве охоты и покровителе диких животных) и возвышение значения Аллаха, а также взаимозаменяемость имен Тейри и Аллаха в различных клятвенных, благопожелательных и других формулах.

Легенд, связанных непосредственно с исламской религией, культурой, без явной примеси языческих элементов, среди карачаевцев и балкарцев зафиксировано очень мало («Конец мира, или страшный суд»²⁵, «Гифирит и джинн Сарса»²⁶). Возможно данное обстоятельство обусловлено тем, что ислам пришел вместе с арабским языком, что способствовало распространению духовной литературы в списках, созданных на основе арабской графики, а также деятельностью просветителей, общественных и религиозных деятелей, стремившихся к искоренению наследия «дремучего» прошлого и насаждению новой культуры.

Таким образом, анализ карачаево-балкарских религиозных легенд показал, что, несмотря на условное деление на языческие, христианские и мусульманские разновидности, данные произведения чаще всего представляют собой сложное переплетение различных по времени и характеру представлений. Следует также отметить живучесть языческих верований, которые сумели вобрать в себя трансформированные элементы христианства и даже после окончательного принятия ислама и идеи единобожия сохранились в остаточной форме, приспособившись к новым реалиям.

Примечания

1. *Пропт В.Я.* Жанровый состав русского фольклора // *Пропт В.Я.* Фольклор и действительность: Избр. ст. М.: Наука, 1976. С. 46–82.
2. *Криничная Н.А.* Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987. 325 с.
3. *Аникин В.П., Круглов Ю.Г.* Русское народное поэтическое творчество. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.
4. *Цитинов А.А.* Мифо-эпическая традиция адыгов. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 177 с.
5. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Сов. энцикл., 1987. С. 177; Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 11. Ма–Мо. М.: Большая Российская энцикл., 2002. С. 102.
6. *Гусев В.Е.* Эстетика фольклора. Л.: Наука, 1967. С. 123; *Соколова В.К.* Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. С. 273; *Морохин В.Н.* Прозаические жанры русского фольклора. Хрестоматия. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1983. С. 176–177; *Аджиев А.М.* Устное народное творчество кумыков. Махачкала: Изд-во ГУП «Типография ДНЦ РАН», 2005. С. 318; *Малкондуев Х.Х.* Фольклор и фольклористика // *Очерки истории балкарской литературы.* Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. С. 13–14; *Хаджиева Т.М.* Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 566.
7. *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. С. 38.
8. *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Языческие легенды карачаевцев и балкарцев // *Проблемы современной кавказской и тюркской филологии и этнографии.* Сб. науч. ст. Нальчик: Изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. С. 52.
9. Там же. С. 54–56.
10. *Малкондуев Х.Х.* Балкаро-карачаевская мифология // *Антология народной музыки балкарцев и карачаевцев.* Т. I. Мифологические и обрядовые песни и наигрыши. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2015. С. 16.
11. Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания): В 2-х томах. Т. 1 / сост., предисловие Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эльбрус, 1999. С. 402–403.
12. Фольклор карачаевцев и балкарцев в записях и публикациях XIX – середины XX в. / сост., вступ ст. и комментарии А.И. Алиевой, Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эльбрус, 2016. С. 331–334.
13. Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания): В 2-х томах. Т. 2 / сост., предисловие Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 448.
14. Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула... Т. 1. С. 401.
15. *Аникин В.П., Круглов Ю.Г.* Указ. раб. С. 188.
16. Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула... Т. 1. С. 402–403.
17. Фольклор карачаевцев и балкарцев... С. 99–101.
18. Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула... Т. 1. С. 401.
19. Фольклор карачаевцев и балкарцев... С. 331–334.
20. *Биттирова Т.Ш.* Карачаево-балкарская духовная литература: рукописное наследие. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. С. 26.
21. Там же. С. 29.
22. *Халидова М.Р.* Легенды // *Традиционный фольклор народов Дагестана.* М.: Наука, 1991. С. 285.
23. Фольклор карачаевцев и балкарцев... С. 96–98.
24. Личный архив Гулиевой (Занукоевой) Ф.Х.
25. Фольклор карачаевцев и балкарцев... С. 102–104.
26. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Балкарский фонд. П. 22, п. 31.

KARACHAY-BALKARIAN RELIGIOUS LEGENDS

Gulieva (Zanukoeva) Farizat Hasanovna, Candidate of Philology, Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal

State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), gfariza37@mail.ru.

The article is devoted to one of varieties of oral folklore prose of karachais and balkarians. Since until now there were no studies, devoted to karachay-balkarian religious legends, the main aim of the work was to give an objective concept about essence of the given group of works and formulate its working definition. For this purpose, leaning on observations and conclusions of predecessors and proceeding from specific empirical material, a definition of a religious legend is given, basic properties, that allow to distinguish it from similar phenomena (fairytales, stories, parables, bylichkas and byval'shchinas), are revealed, after that a definition of religious legends as intragenre variety is proposed. There are taken into account such criteria, as sacredness, presence of an element of a miracle, installation on reliability, etc. On the basis of texts of karachay-balkarian folklore classification of religious legends is carried out. Pagan, christian and muslim legends are allocated at its core. At the same time in article it is marked, that such division is very conditional, due to the intertwining and stratification of various on time and character beliefs and representations of karachais and balkarians. The study showed, that pagan legends, which later underwent to some transformations under influence of christianity and islam, were best preserved in national memory. Christian legends as such were not fixed, the number of muslim legends is also very insignificant, however there are advanced biblical-koranic plots, separate motives, the religious lexicon, readapted to the new circumstances images.

Keywords: karachay-balkarian folklore, religious legends, paganism, christianity, islam, syncretism.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-129-134

ФОЛЬКЛОР В ТРУДОВОМ ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ АДЫГОВ (на материалах, приуроченных к ведению домашнего хозяйства)

Гутова Ляна Адамовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский промышлэм и их влияние на воспитательный процесс. Вместе с тем, представлены фольклорные тексты приуроченные к выполнению того или иного вида труда: песни при обработке шерсти, обрядовая песня при уваливании сукна, разные вариации песен посвященные мифическим божествам – покровителям разных видов деятельности (песнь о Мазитхе-покровителе лесов и охоты, Даушгерги – покровителе охоты и наездничества, Тлепше – боге огня и кузнечного ремесла). Также приводятся примеры из нартских сказаний, связанных с трудовой деятельностью. Таким образом, в статье рассматривается обучение детей ведению домашнего хозяйства в комплексе с сопутствующими фольклорными материалами, что благотворно влияет на воспитательный процесс, как с физической, так и с эстетической точки зрения.

Ключевые слова: Тлепш, Мазитха, Даушгерги, Зекоатхе, Пшимазитхе, игры-подражания, гуащэ унэ – гость-гость, гъавэ лъапIэ – дорогой урожай.

В адыгской народной педагогике особое внимание уделялось играм детей, направленным на развитие трудовых способностей. Игры-подражания были связаны с ведением домашнего хозяйства и скотоводства [*гуащэ унэ* или *гость-гость*], земледелия [*гъавэ лъапIэ – дорогой урожай*]¹, ознакомления с воинскими и охотническими навыками, рукоделия и шитья (для девочек).

Как отмечают ученые-этнографы², представители народов Северного Кавказа, в частности адыги, в процессе воспитания передавали навыки и умения профессиональных знаний своим детям. Так, земледельцы приобщали своих детей к земледельческим работам, скотоводы к правильному содержанию и уходу за животными, плотники, кузнецы и ремесленники, золотошвейки и рукодельницы обучали детей, братьев, сестер всем тонкостям своего мастерства.

До появления товарно-денежных отношений адыг-крестьянин должен был владеть разными видами труда, необходимыми в быту. Земледелец мог ухаживать за животными, самостоятельно изготавливать некоторые орудия труда, деревянную утварь и мебель, заниматься строительством, плотничеством и т.д. Кроме того, ввиду своего стратегического положения Кавказ непрерывно подвергался нашествиям чужеземцев. Коренное население этого края было вынуждено защищаться то от одних, то от других завоевателей. Поэтому каждый мужчина, независимо от сословной и всякой иной принадлежности, должен был быть в любое время готовым к защите своего дома, селения, края. Иными словами, от него требовалось владение оружием и боевым искусством. Представители же того слоя общества, который принято называть аристократическим, по сути своей были не

мирными владельцами земель или имущества, а воинской кастой. Данным обстоятельством обусловлены многие особенности поведения, рода занятий и даже внешнего вида адыга, непременным атрибутом костюма которого стало оружие.

На долю мужчин традиционно доставались наиболее тяжелые и наиболее опасные виды деятельности. Мальчики-подростки помогали старшим в меру своих возможностей. К примеру, они были помощниками даже в таком ответственном деле как строительство: «во время строительства дома или каких-либо ограждений, подростки 10–16 лет привлекались к плетению из хвороста. Для этого взрослый обычно вплетал в колья наиболее толстую часть хвороста, а тонкий конец поручал мальчикам»³. Здесь дети были даже незаменимы в возведении дома – от его основания до самой кровли.

Согласно сведениям, сообщенным С. Хан-Гиреем, адыги были неприхотливы в быту, мебель и утварь в доме состояла из самого необходимого. Значительная часть вещей (чашки, ложки, столы круглые на трех ножках, другие предметы обихода, изготавливаемые из дерева или глины), делалась своими руками, но со вкусом⁴.

Поэтому мальчиков с раннего возраста обучали разным ремеслам, в том числе кузнечному, плотницкому, шорному, гончарному.

Затрагивая тему кузнечества, следует упомянуть о боге огня и кузнечного ремесла Тлепше. О нем детям рассказывали много преданий из нартских сказаний. Согласно легенде Тлепш мог опускать руки в огонь выплавлять железо, изготавливать орудия труда и оружие из железа и стали. С обращения к Тлепшу начинались все кузнечные работы. Вот одна из песен, которую пели во время плавки металла:

*О, бог железа, Тлепш! Помоги ты нам,
Чтобы железо расплавилось хорошо,
Чтобы оно стало мягким как тесто –
И поддавалось бы легко обработке!*⁵

Кульг железа достаточно высоко ценился у адыгов, поэтому в древние времена клятва, данная в кузнице, имела особенную силу.

Детям-подросткам прививались знания о разных видах трудовой деятельности, а кузнецы, плотники, ювелиры зачастую обучали своему ремеслу всех подрастающих в семье мальчиков (сыновей, племянников, соседских ребят).

В то же время, труд женщин-крестьянок был весьма нелегко, так как они принимали активное участие в постройке домов (обмазке глиной и побелке дома), готовили еду для всей семьи, занимались ткачеством, обработкой шерсти, изготовлением циновок, шитьем и вышиванием. Помимо того, содержание дома и двора в образцовом порядке, уход за детьми тоже ложился на женские плечи. Девочки же, перенимали знания ведения хозяйственных дел у матерей, бабушек, теток и т.д.

Активное участие девочек-подростки принимали в таком нелегком труде как ткание. М. Меретуков, ссылаясь на Н. Анфимова, пишет, что: «ткацкое ремесло у адыгов было широко распространено. Оно носило домашний характер». Говоря о многочисленных находках предметов прядельно-ткацких станков, автор отмечает следующее: «Вернее всего, что в каждой семье в какой-то мере занимались прядением и ткачеством⁶. Этот же исследователь пишет, что ткацкий станок имел такое простое устройство, что на нем могла работать и девочка⁷. В ткаческом производстве одним из тяжелых видов труда было уваливание сукна. «Поэтому, при выполнении этого трудного процесса прибегали к помощи мальчиков-подростков и даже мужчин. Несколько человек становились на разостланное сукно, и, топтали его, ногами ... Уваливание продолжалось 8–10 часов. Во время этой работы использовали обрядовую песню»⁸. К сожалению, автор не приводит текста самой песни. Нам тоже не удалось обнаружить песен, приуроченных к данной трудовой операции. По всей видимости, для облегчения трудового процесса могли петь любую другую песню с соответствующей ритмической организацией.

Наряду с ткачеством широко распространенным занятием было изготовление бурок. Бурочное производство начиналось с обработки шерсти для укладки. Прежде всего, организовывалась взаимопомощь по расчесыванию шерсти (*цыпх щыжьэху*). Со ссылкой на исследования А. Куниной, С.Х. Мафедзев пишет, что этому виду работы предшествовало обрядовое действие с участием детей. Оно больше было зафиксировано среди шапсугов: «Когда кто-нибудь хотел приступить к обработке шерсти, он приглашал соседей помочь ему. ... Перед тем как приступить к работе, собравшиеся в доме хозяина, привязывали детям руки за спину и посылали их по аулу. Они заходили в каждый дом со словами: «У такого-то обрабатывают шерсть. Дайте нам подарки». Обходя, таким образом, весь аул, дети возвращались в дом к хозяину шерсти, который развязывал им руки и раздавал подарки всем присутствующим. Только после этого приступали к работе»⁹.

Обработка шерсти и изготовление шерстяных изделий — многоступенчатый процесс. Согласно сведениям, приводимым М.А. Меретуковым, который обстоятельно описал этот процесс, «...прежде всего шерсть сортировали, отделяя длинную — косицу от мягкой — подшерстка. В этой работе принимали участие и девочки-подростки. Вслед за этим шерсть сушили, расчесывали на гребне, взбивали лучком»¹⁰.

Как уже было сказано, в обработке шерсти принимали участие и девочки, тем самым, они получали практические навыки этого нелегкого труда. Для облегчения и ускорения работы чесальщицы пели песни. В фольклорных материалах есть несколько вариантов ее исполнения. Одна из наиболее интересных записей, выполнена в среде бжедугов:

Цыпхэ, цыпхэ, чэтао!
 Нууоу дэсри шьхамыпх,
 Пшьашьэуи дэсри пхырий.
 Цыпхынэ тызышьыгъэм
 ТипсэкЮдэр ыдэжь,
 ТипсэкЮдэр ыдэжь.
 1. Мафэрэ осым ырочъа,
 Чьэщырэ чьыгымы госа,
 Чатэри егъофафа,
 Мышьэри егъэхакъуа.
 2. Къэзыухъэ къохьырэм
 ИкIақlor тэпх,
 Къэзыухъэ къохьырэм
 ИкIақlor тэпх,
 ШэкIыпхьэрэ къэзыхьырэм
 ИкIақlor тэпх¹¹ —

1. Чесалка, чесалка — меч острый!
 Старушки, что за ней, платком не повязаны,
 Девушки, что за ней, чесальщицы неутомимые.
 2. Шерсть чесать собравший нас,
 За наше мученье в ответе,
 Шерсть чесать собравший нас,
 За наше мученье в ответе.
 3. Днем по снегу носится,
 Ночью возле дерева сидит,
 Мечом играет,
 Медведя реветь заставляет.
 4. С охоты добычу приносящему
 На бурку [шерсть] расчесываем,
 С охоты добычу приносящему
 На бурку [шерсть] расчесываем.

Большая часть содержания песни имеет непосредственное отношение к процессу труда. Однако есть и отступления: даются шуточные характеристики участницам выполняемой операции и хозяину дома, которому предназначено изделие. Важное значение имеет непередаваемое в тексте перевода сочетание звуков. Это в данном случае становится основным средством художественной организации текста наряду с четким ритмом, призванным организовать слаженную работу. В тексте используются такие приемы организации стиха как подхваты (повторения одного звука или сочетания звуков, находящихся в конце одного стиха и в начале следующего: *чэтао – ныуоу, ирочъа – чъэшырэ*), параллельные конструкции (*ныуоу дэсрэ – пшьашъэуи дэсэр, мафэрэ – чъэшырэ*), повторы сочетаний (*иклакlor тэпх – ...иклакlor тэпх*).

В песне упоминается об участии девушек в работе: «*Пшьашъэуи дэсэри пхырый*» – *Девушки, что на ней <за чесалкой> – чесальщицы неутомимые*. Также поется и о том, что обрабатываемая шерсть, готовится для будущей бурки, причем песня возвеличивает и ее будущего хозяина: «*Къэзыухъэ къохъэрыпэм иклакlor тэпх* – *С охоты добычу приносящему на бурку шерсть расчесываем*». В то же время, в шуточной форме говорится и о нелегком труде женщин-чесальщиц: «*Цыпхынэ тызышлыгъом, тинсэуклодэр ыдэжь* – *шерсть чесать собравший нас, за наше мученье в ответе*».

Отсюда следует, что в обработке шерсти принимали участие не только опытные женщины-мастерицы, но и девочки, и молодые девушки. Такого вида взаимопомощь была необходима для передачи знаний и умений подрастающему поколению.

Вариантов изготовления бурки было несколько, в зависимости от местности, где ее изготавливают. Например, в некоторых местах Адыгеи уложенную шерсть обрызгивали теплой соленой водой. В других местах, где проживали адыги, уложенную шерсть опрыскивали теплой водой без добавления соли. Приведем один вариант изготовления бурки, о котором мы узнали в ходе наших полевых экспедиций:

Сперва, обваливали и пропитывали кислым молоком баранью шкуру (с той стороны, где шерсть), затем сворачивали ее и оставляли так на два-три дня. По истечении времени разворачивали шкуру и снимали руками шерсть с кожи (к тому времени шерсть уже легко сходила). Ее расчесывали, сушили, затем трепали, прочесывали шерсть чесалкой, а после взбивали шерстобитным смычком. Далее клали на землю специальный плетень, равномерно раскладывали на нем клочья шерсти, также равномерно обрызгивали ее водой, а потом уплотняли длинной гладкой палкой (по типу скалки), катая ее по всей поверхности. В зависимости от того, насколько плотной должна была быть бурка, снова накладывали слой шерсти, повторяя те же действия. Таким образом, получалась валяная шерсть. После этого бурке придавали нужную форму. Чтобы она выглядела красивее, ее начесывали специальным скребком. Пуговицу плели из галунной нити и нашивали на бурку вместе с кусочком кожи (чтобы прочнее держалась). Бурка могла быть как белого, так и черного или коричневого цвета¹². Лучшие бурки кавказских мастериц не пропускали ни капли воды даже в сильный дождь. При этом они были легкие и прочные. Из войлока изготавливали также шапки (*уцилэ пылэ*) и ноговицы (*уцилэ лъей*). Из оставшейся кожи изготавливали обувь с голенищем (*лъахъстэн вакъэ*) и без голенища (*гуэншырыкъ*). До того как ее изготовить кожу окрашивали ольхой и мяли кожемялкой, чтобы кожа была мягкая, а обувь удобна для ног.

Изделия из кожи могли изготавливать как женщины, так и мужчины. Мафедзев С.Х. приводит пример изготовления кожаного ремня из труда И.Ф. Бларамберга «... наподобие всех горцев, они (адыги) изготавливают ремни, вырезая бычьей или козьей шкуру на длинные полоски, которые прикрепляют одним концом к дереву или какому-либо другому предмету, и затем протягивают между двумя деревянными брусками, которые сильно сжимают руками. После неоднократного

повторения этой операции, ремень становится таким же мягким, как если бы он был сделан из лучшей дубленой кожи и таким прочным, что его невозможно было разорвать ...»¹³.

Об изготовлении адыгами изделий из кожи упоминается и в нартских сказаниях. Нарт Шамазоко, чтобы проверить мастерство Сатаней-Гуаши перерезает кинжалом шнурок на рукояти плети и просит ее изготовить ему новый. Завязав новый шнурок, Сатаней, в свою очередь, хочет удостовериться в силе нарта. Гость, сев на коня, с размаху бьет его плеткой, да так что звук плети, заставил все селение, где жила Сатаней забраться на колья заборов.

Вторым ударом гость бьет коня и направляет его вниз. Люди бегут к Сатаней.

В третий раз хозяин бьет своего коня и направляет его так, что грязь выбитая копытами задних ног, перелетает через голову коня, бьет его с размаху и скачет вперед¹⁴...

Здесь внимание акцентируется на элементе состязательности, стимулирующем обе стороны: Сатаней-гуаша демонстрирует высокое искусство изготовления плети, достойной только героя, а нарт – необычайную богатырскую силу.

Отметим, что детей из высших слоев общества не обучали сложным бытовым видам труда. Мальчиков дворянского происхождения в основном обучали военному искусству, наездничеству, уходу за лошадьми, охоте. Говоря об охотнических навыках нельзя не сказать о Мазитхе (*Мэзытхэ*), боге-покровителе лесов и охотников, а также о Даушгерги (*Дауцджэрджий* – адыгская форма имени св. Георгия), покровителе охоты и наездничества, Зекоатхе (*Зеклуатхэ*), боге, покровительствующем участникам походов. Детям в занимательной форме рассказывали предания, легенды об этих богах, пели песни, что подтверждало значимость и покровительство божеств в занятиях определенного рода.

В гимне, посвященном Пшимазитхе, внешность божества описывается так:

*Тебя именуем тха лесов. Усы твои – червонное пламя.
Тебе в моленьях изливаем щедро кровь – питье красное.
Зарезан в дар-жертву тучный белый козел, угодный тебе.
Перед тобой молодая жена неплодная на коленях долго стоит.
Белорукий – ты знаешь все.
Могучий – низко клонишь вершины дубов.
Одежда твоя – шкура тучного тура.
Ложь твоя – место для тела слона.
Чистым серебром оковано тело твое,
Чистым серебром окованы рога твои,
Стрела-сердцевина красного кизила ядреного.
Лук у Мезитхи из ореха – белого дерева.
Головою тряхнешь – по лесу шум идет.
Тогда зверь – о горе! – в норе содрогается.
Нынче расскажем все о Мезитхе¹⁵.*

Другой мифический персонаж Даушгерги (*Дауцджэрджий*) был закреплен в фольклоре адыгов со времен принятия христианства как святой – покровитель наездников и охоты. Даушгерги, согласно христианским верованиям – святой Георгий. По преданию адыгов, он убил дикого «лесного человека» и спас, похищенную им девушку по имени Наго¹⁶. В его честь сложили песню, где восхваляется подвиг Даушгерги:

*Си уэрэди, си уэрэди, уэ уи уэу, уэредэ,
Угурлыжэ, угурлыжэ.
Уэредэ уэрэиэ, пицыхуэ и банэт иджы,
Уэр хуэгъуабжэ, уэрэ хуэгъуабжэти рэуиэ,
Уи хэ гъуабжэжэ гуцэхэр*

*Уэ кЛэльэф я Густ, я Густ.
Уаредэ, я Гус цхьэкГэрэ, рэуэией,
Гьуэдыджмэ исхэр ар зэдэдизахуэти, рэуэией,
Гэзахуэм дыкГуэмэ,
Ар цыГуэ, айрэ цытГуэтэжынт, цытГуэтэжынт.
Си уэрэдиц, уэуцуэ, уэ махуэт,
Сэрмахуэти рауэией, Дауиджерджий гуицэм,
Уей, тхьэшхуэр и гьусэти, рауэией, пэцабэ гьусэти, рэуэ,
Ар напэхухэр и кЛэст, уэр и кЛэст¹⁷ –*

*Моя песня, моя песня (уауцуау, уареди, уо)
счастье приносящая, счастье приносящая!
У Псыихо заросли серые, серые,
Наши собаки серые матери, что добывают,
то им и пища, то им и пища!
Моя песня, моя песня, счастливая!
В глубоких норах обитающие – ,
Наша общая добыча,
В Азахо поехали бы, там, о своих неудачах,
Мы забыли бы, забыли бы!
Моя песня, моя песня, счастье приносящая!
Дауиджерджий с богом великим, пребывает,
Сам всегда с мягкокрылым, белолыцая, его добыча,
его добыча (перевод наш).*

Помимо песен и легенд охотническо-наезднического цикла детей, особенно из привилегированных сословий, обучали **цЛэгьыбзэ** – тайному охотническому языку, которым пользовались наездники.

О боге наездничества, **ЗекГуэтхэ** (букв.: походный бог) не сохранилось никаких нарративных данных, нет и описаний его внешности. Каждый представлял его себе по-своему, но, тем не менее, к нему обязательно обращались с благопожеланиями перед выступлением в поход.

Девочек принадлежавших дворянским семьям, не обучали тяжелым работам: они не работали на земле, не ухаживали за скотиной, не выполняли сложных работ связанных с шерстью, изготовлением бурок или обуви из кожи. В основном они занимались вышиванием, шитьем, мелкими домашними хлопотами. Но в этих занятиях они должны были достичь высокого совершенства. В преданиях и сказках нередко основой сюжета оказывается искусно выполненное изделие, увиденное юношей, который задается целью непременно найти девушку, которая изготовила его, и жениться на ней.

В заключение, стоит отметить, что каждый адыг, будь то князь, дворянин либо обычный вольный крестьянин, непременно обучал своих детей тем видам труда, которыми им положено было владеть по статусу. Несмотря на то, что дети княжеско-дворянского происхождения не знали того ремесла, которым владели крестьянские дети, в походах, на охоте, наряду с освоением воинского искусства они также подвергались всяческому испытанию, устраиваемым для них родителями или аталыками. Отсюда следует, что адыг, неважно какого он происхождения, с самого детства обучался преодолевать самые различные трудности как в ратном деле, так и труде. Это формировало стойкий терпеливый характер и способствовало адаптации личности в обществе, что соответствовало правилам и нормам адыгского этикета.

Примечания

1. Мафедзев С.Х. Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 97–98.

2. Там же. С. 108; *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1983. С. 74.
3. *Мафедзев С.Х.* Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 152.
4. *Хан-Гирей С.* Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 236.
5. *Меретуков М.А.* Развитие металлургии у адыгов в XIX в. // Ученые записки АНИИ. Майкоп, 1968. Т. 8. С.67.
6. *Меретуков М.А.* Кустарные промыслы у адыгов. // Этнографическое исследование. Качество. Майкоп, 1981. Вып. IV. С. 11.
7. Там же. С. 13.
8. Там же. С. 13.
9. *Мафедзев С.Х.* Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 153.
10. *Меретуков М.А.* Кустарные промыслы у адыгов. // Этнографическое исследование. Качество. Майкоп, 1981. Вып. IV. С. 18.
11. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. I / под ред. Гиппиуса Е.В. М.: Советский композитор, 1980. С. 57–58.
12. Личный архив Л.А. Гутовой.
13. *Мафедзев С.Х.* Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 155.
14. Нарты. М.: Детгиз, 1957. С. 150.
15. Кабардинский фольклор. М.–Л.: Academia, 1936 – переиздание: Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 95.
16. Адыгэ Гуэрыуатэхэр. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхьль тедзапэ, 1963. Н. 89–93.
17. Там же. С. 94–95.

FOLKLORE IN THE LABOR EDUCATIONAL PROCESS (by the materials timed to housekeeping)

Gutova Lyana Adamovna, Candidate of Philology, senior researcher of the adyghé folklore sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), adam.gut@mail.ru

The article presents different types of labor activity, applied in everyday life, in traditional society. These are such kinds of labor as weaving, sewing, embroidery, construction, carpentry, poetry and blacksmith's, craft, etc. The work deals with the education of children in domestic crafts and their influence on the educational process.

At the same time, there are folklore texts dedicated to the performance of one or another type of work: songs during the processing of wool, a ritual song with the fall of cloth, various variations of songs dedicated to mythical deities – patrons of various activities (songs about Mezhitkha – the patron of forests and hunting, Dauschergy – the patron of hunting and horseman/sheep, Tlepsh – the god of fire and blacksmith's craft). Examples of the Nart sagas are also connected with employment. Thus, the article deals with the teaching of children to the household in combination with accompanying folklore materials, which has a beneficial effect on the educational process, both from a physical and aesthetic point of view.

Keywords: Tlepsh, Mezhitkha, Dauschergy, Zekoatkhe, Pshimazitkhe, role-playing games, guasha una – guest-guest, g'ava l'apa – dear harvest.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-135-141

О НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ И ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Кучмезова Лариса Борисовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), larisakuchmezova@mail.ru

В статье рассматриваются фонетические и лексические особенности диалектной лексики карачаево-балкарского языка. Целью статьи является изучение значений диалектных слов, их описание в сравнении между собой и литературным языком, оценки и выводы по ним. На основании сопоставительного анализа проводится сравнение и разграничение смысловых границ диалектных слов Ц-диалекта исследуемого языка. Подробному анализу подвергаются обиходно-разговорные формы, которые вследствие взаимодействия литературного языка и диалекта представляют собой самую позднюю языковую формацию и возникают как результат формирования определенной комфортности коммуникации и выражают тенденцию к экономии средств выражения при структурировании лексических единиц. Кроме того, оцениваются различные приемы употребления диалектизмов в художественной литературе и в устном народном творчестве.

Ключевые слова: диалектная лексика, тюркская диалектология, общелитературный язык, диалектизмы малкарского говора, вариант, обиходно-разговорный язык, цокающий диалект, языковые нормы.

Как известно, в становлении общенародного языка карачаевцев и балкарцев принимали и принимают участие ряд народностей определенного ареала. Соответственно, в образовании общенародного языка участвуют диалекты данного языка. Описание различных диалектов в сравнении их между собой и в сопоставительном изучении с литературным языком, оценки и выводы по ним не утратили научного значения.

Карачаево-балкарский язык имеет два диалекта: 1) основной или чокающий (Ч-диалект), который лежит в основе литературного языка, и 2) цокающий (Ц-диалект). В зависимости от места жительства балкарцы имеют локальные названия по ущельям, где они селились. Так, балкарцы, имея общее этническое название *таулу* или *малкърарлы*, подразделялись по месту расселения на баксанцев (*басханчы*) – жителей Баксанского ущелья, чегемцев (*чегемли*) – жителей Чегемского ущелья, безенгиевцев (*бызынгылы*) – жителей Безенгиевского ущелья, холамцев (*холамлы*) – жителей Холамского ущелья и верхнебалкарцев (*малкърарлы*) – жителей Верхнебалкарского ущелья. Отметим, что по ряду параметров сведения о диалектах, по данным диалектологических источников, сильно отличаются друг от друга, из-за разрозненности и расселения балкарцев по разным ущельям. Изучение различных особенностей диалектов с точки зрения доступности и простоты при сравнительном описании выявляются во взаимодействии с общелитературным языком.

Лексика диалектов карачаево-балкарского языка изучалась в разное время и становилась темой нескольких исследований¹. Влияние диалектной лексики на карачаево-балкарский литературный язык до сих пор остается достаточно

актуальным вопросом тюркской диалектологии, одной из малоизученных областей современного карачаево-балкарского языкознания. В отмеченных работах на выявление и изучение фонетических, лексических особенностей диалектной лексики не было обращено должного внимания. Фонетические и лексические особенности диалектов карачаево-балкарского языка описаны в основном в сравнительном плане, и не исследованы в полном объеме.

В данной статье рассматриваются некоторые фонетические и лексические особенности диалектной лексики в сравнении с литературной нормой, их звуковое оформление, а также их лексикографирование; предпринимается попытка определить статус диалектной лексики в целостной системе исследуемого языка.

Вопрос о диалектном членении карачаево-балкарского языка неоднократно поднимался многими исследователями в разное время и решался по-разному. Самым распространенным мнением в настоящее время является то, согласно которому основными диалектами считаются: 1) карачаево-баксано-чегемский (чокающий диалект) и 2) малкарский (цокающий диалект). В основе литературного карачаево-балкарского языка лежит регламентированный баксано-чегемский диалект.

Следует обратить внимание на то, что первым на диалектные различия данного языка обратил внимание венгерский ориенталист В. Прёле², который в своих исследованиях отмечал диалектные расхождения, считая язык карачаевцев и балкарцев разными языками.

На некоторые фонетические различия цокающего и чокающего диалектов балкарского языка указал в своё время также Н.А. Караулов³, рассматривая какое-то «пришептывание» наряду с «прицокиванием». У.Дж. Алиев впервые отметил, что «...расхождений внутри балкарского языка больше, чем между балкарским и карачаевским языками, что в Балкарии почти каждое ущелье говорит на своем говоре, точно также имеются различия в Большом и Малом Карачае»⁴.

У.Б. Алиевым и А.Ж. Будаевым карачаево-балкарский язык разделен на три диалекта: карачаевский, промежуточный – баксано-чегемско-хуламо-безенгийский и малкарский⁵.

В.И. Филоненко в своей «Грамматике балкарского языка...» и в других работах, рассматривая диалектные различия, членил язык только балкарцев на три диалекта: 1) чокающий; 2) цокающий; 3) смешанный⁶.

А.М. Аппаев полагал, что в основу классификации диалектов можно положить признак цоканья, но в дальнейшем отошел от этого принципа, и, исходя лишь из территориальных признаков, выделил в языке балкарцев (без карачаевского) четыре диалекта: черекский, хуламо-безенгийский, чегемский, баксанский⁷, а впоследствии – пять диалектов⁸. Однако такая точка зрения со временем была подвергнута справедливой критике⁹ и не была принята, так как никакими языковыми фактами не подтверждается.

Наиболее соответствующей современному состоянию карачаево-балкарского языка представляется классификация, предложенная Ш.Х. Акбаевым, который на основе богатого материала, собранного во всех районах Карачая и Балкарии, делит карачаево-балкарский язык на: основной (карачаево-баксано-чегемский), или чокающий диалект с баксано-чегемским говором, малкарский, или цокающий диалект, хуламо-безенгийский переходный говор¹⁰.

На наш взгляд, более правильным представляется классификация, предложенная Ж.М. Гузеевым с учетом нового фактологического материала: ц/з диалект с малкарским и хуламо-безенгиевским говорами и ч/ж диалект с карачаевским и баксано-чегемским говорами¹¹.

Таким образом, как было уже сказано выше, на основании имеющегося фактологического материала следует отметить, что в карачаево-балкарском языке выделяются два диалекта: основной, или чокающий (с баксано-чегемским и карачаевским говорами), который лежит в основе литературного языка, и цокающий (с малкарским и хуламо-безенгиевским смешанным говорами).

Цокающий диалект представлен жителями Черекского района в Балкарии и Урванского района в Ташлы Тала, характеризуется следующими диалектизмами: фонетическими, лексическими и семантическими.

Фонетические диалектизмы отражают особенности звуковой системы данного диалекта. Таковыми, например, особенностями являются цокание и зокание. Цокание – это замена шипящей аффрикаты **ч** чокающего диалекта, лежащего в основе литературного языка, свистящей **ц**, например: *кёч/кёц* «переехать» (*здесь и далее авторский перевод*), *юч/юц* «три», *ач/ац* «открыть»; *ац/ач* «голодный», и др.

В этом диалекте имеет место также зокание – замена звука **ж/дж** литературного языка звуком **з**: *жол/зол* «дорога», *жер/зер* «земля» и т.д. Однако в цокающем диалекте встречается определенное количество слов, в которых такая замена не происходит: *мажал* «лучше», *ажир* «жеребец», *ажал* «смерть; смертный час», *жур* «косуля», *мажар* «сообразить», *жети* «семь», *жубуран* «суслик» и т.д.

Кроме того, для цокающего диалекта характерны и следующие особенности: 1) переход литературного **п** на **ф**: *тапды/тафты* «все в порядке», *патеген/фатеген* «керосин» и др.; 2) употребление **ф** вместо литературного **б**: *быттыр бол/фыттыр бол* «становиться хуже» и т.д.; 3) употребление **ф** вместо **п** в тех случаях, когда слово с конечным **п** принимает аффикс, начинающийся с глухого согласного, или в тех случаях, когда за указанным словом следует слово с начальным глухим согласным: *къанса/къафса* «если укусит», *кёф тьююлдю/кёп тьююлдю* «немного» и др. Переход **п** на **ф** наблюдается и в том случае, когда **п** употребляется после сонорного согласного **л**: *чолту/цолфу* «ковш» и т.д.; 4) замена **з** на **с**: *зыраф бол/сыраф бол* «прийти в негодное состояние», *таз/тас* «таз»; 5) переход **г** на **к**: *гурт тауукь/курт тауукь* «наседка», *гогуш/кокуш* «индюк»; 6) переход **с** на **ц** на стыке корня и аффикса перед глухими согласными **ш, ф, х, т, с**: *ассын/асцын* «пусть вешает», *кетсин/кетцин* «пусть уходит» и др.; 7) переход **ж** на **д**: *жулдуз/дулдуз* «звезда»; 8) переход **ё** на **е**: *чёллеу/целлеу* «подсолнух, семечки» и др.

Лексические диалектизмы – это слова, которые совпадают с общелитературными по значению, но отличаются своим звуковым комплексом. По справедливому мнению У.Б. Алиева, в языке карачаевцев и балкарцев различают следующие лексические особенности: 1) разные слова для обозначения одних и тех же понятий. Например, *хау/хеуа/хоу/хоуа* «да», *чокай/цуукал/кекел* «чуб», *ал бота/гефхин/хота* «фартук» и т.д.; 2) синонимические пары, одни из которых активизированы в одном, другие – в другом диалекте. Имеются синонимические пары, которые одинаково относятся к словарному составу всего языка; один из этих синонимов больше употребляется в одном диалекте, другой – в другом. При этом малкарский диалект может быть противопоставлен карачаевскому варианту карачаево-балкарского языка. Например: *мырзы/къайын* «береза»; *зурнук/турна* «журавль»; *сабан агъач/къалажюк* «соха»; и вариантные диалектизмы: *тыпыр/тыфыр/тыбыр* «очаг»; *инбаиш/умбаиш* «плечо» и др.; 3) антонимичные синонимы: *ёзен (малк.)* «равнина»/ *ёзен (карач.)* «ушелье»; *жанла (карач.)* «удаляйся от кого»/ *жанла (малк.)* «приближайся к кому»; *чегет (малк.)* «северная сторона» / *чегет (карач.)* «лес» и т.п.¹²

Ш.Х. Акбаев отмечает, что «собственно лексические диалектные различия – это различия, образующиеся соответственными явлениями, соотносительные члены которых представляют собой различные звуковые комплексы, имеющие одно и то же значение (условно: слова разные, предмет, обозначаемый ими, один)»¹³. Сопоставление таких разнодиалектных слов показывает, что соотносимость их друг с другом определяется семантической общностью. Например: *саут* «посуда, сосуд» / *адыр* «кухонная посуда», *гылан* (ц.диал.) / *дауур* (лит.), *дауур-дууур* «шум, гам, гвалт» и др.

Семантические диалектизмы – это слова, совпадающие в написании и произношении с литературными, но отличающиеся от них своим значением.

Они по отношению к литературным словам являются омонимами. Например, *жингирик* (*ц. диал.*) «громкий плач» и *жингирик* (*лит.*) «локоть» и др.

Безусловно, в процессе развития литературного языка часть исконных элементов устаревает и выходит из употребления, продолжая, тем не менее, функционировать в диалектах и говорах¹⁴. Так, например, цокающий диалект характеризуется тем, что имеет очень богатую лексику и вбирает в себя слова, которые отсутствуют в литературном языке. Например: *фотку* «древесная опилка», *цорбат* «крыша», *хырык* «бревно для крыши», *алафота* «лебеда», бора «эхо», *бохция* «пояс», *фулму* «мучная пыль», *гюрегей* «чернослив», *гефхин* «фартук», *кифе* «тяпка», *кыфьца* «слива» и т.д.

В цокающем диалекте есть и слова, которые функционируют в форме, не совпадающей с литературной нормой, например: *жети* «семь», *жыкъыр* (грубый) *зыкъыр* (зыбыр) (*лит.*) *жыкъыр* (*малк.*) «жесткий (о шерсти)», *жинк* «горящий уголек», *жылан* (*лит. жилиан*) «змея», *жанк* «клок шерсти», *жыгъери* «щепка», *жыгъыр* (*лит. зыгъыр*) «гравий», *жыгыра* (*лит. зыгыра*) «дикий укроп» и др.

Особое внимание следует обратить на правописание диалектных слов и диалектных вариантов литературных слов, например, *зумуртха* «яйцо», *къумурича* «муравей», *целек* «ведро», *бурцакъ* «фасоль», *зыю* «пешком», *цырца* «тарелка», *цацыраф* «поспешно», *цыхдым* «я вышел (из дому)», *зылауукъ* «слеза», *зынындан* «следом», *зырыкъ* «платье», ушхол «кишка» и т.д. В современном карачаево-балкарском литературном языке во всех словарях данные слова написаны следующими образом: *жумуртха*, *къумурчха*, *челек*, *бурцакъ*, *жаяу*, *чырча*, *чачырап*, *чыкъдым*, *жилямукъ*, *ызындан*, *бѣхчия*, *жыырыкъ*, *чеги* и т.п.

Диалектные слова встречаются во всех пластах лексики. Одним из путей их проникновения в литературный язык является умелое, умеренное использование диалектизмов в СМИ и в языке художественной литературы представителями цокающего диалекта¹⁵. Например, такие диалектные слова как: *кыйтхы* «борона»*, *кырка* «деревянное приспособление с круглым отверстием для прикрепления кожаной веревки», *балам* «калина» часто встречаем в художественной литературе исследуемого языка, несмотря на то, что в нормированном литературном карачаево-балкарском языке вместо них закрепились: *тырнаууч*, *гири*, *муркку*.

В словарях обобщается и производится четкое разграничение смысловых границ диалектных слов карачаево-балкарского языка и отмечается пометой *диал.* – диалектизм, *малкъ.* – малкъар сѣз, или *ц. диал.* – цокающий диалект, *ч. диал.* – чокающий диалект, *къарач.* – къарачай сѣз, карачаизм. Так, ТСКБЯ включает в себя общеупотребительную лексику карачаевцев и балкарцев, а также диалектные слова¹⁶. Некоторые из них не имеют эквивалентов в литературном языке. Включение таких слов в толковый словарь мотивируется необходимостью вовлечения их в литературный язык. Ср.: *хылтер* ат, *ц. диал. мусор/ юй кир*; *серрай* сыф. *ц. диал.* избалованный, къ. *сер*; *юлкю* ат, *ц. диал.* кустарник, къ. *котур* и др.

Обобщая, следует отметить, что фонетические и лексические особенности цокающего диалекта карачаево-балкарского языка по своим лексическим особенностям близки к холамо-безенгиевскому говору, т.е. ареал его лексических особенностей, наблюдается непосредственно в Черекском районе КБР, а именно в селениях: Верхняя Балкария, Верхняя Жемтала, Тамакъла, Бабугент, Къашхатау и Хасанья, и в Урванском районе в селении Ташлы-Тала. Диалектизмы находятся с литературными словами в синонимических отношениях. Например, «корзина, плетень» *чалман/цалман* (*ц. диал.*)/*чалы/четен/тышхы*, «кадушка, кадка, бочка, чан» *кюштел* (*ц. диал.*)/*чыккыр/джыккыр*, «береза» *мырды* (*ц. диал.*)/*къайын* и др. Материалы диалектной лексики балкарского варианта карачаево-балкарского

* Интересно, что в кабардино-черкесском языке литературное слово *кыитхъ* (борона) является производным от глагольной формы повелительного наклонения *кыитхъ* (поцарапай)¹⁷

языка показывают, что диалектизмы малкарского говора в большинстве случаев противопоставлены словам всех остальных говоров (*цегет* «теневая сторона»/ *чегет* «лес»; *жалла* «подойди ко мне»/ *жанла* «удаляйся от меня»).

Некоторые диалектные лексемы балкарского варианта карачаево-балкарского языка, не изученные и не вошедшие в толковые словари, с другой стороны, имеют интегрирующие особенности и являются частью общетюркской лексики, например, *балам* «калина», *алафота* «лебеда», *бурцакъ* «фасоль». К их числу относится и слово *итбурун* «шиповник» (буквально «собачий нос»), состоящее из двух компонентов *ит* «собака»¹⁸ и *бурун* «нос».

Список сокращений

б.-ч. – баксано-чегемский говор

карач. – карачаевский говор

лит. – литературный вариант

малк. – малкарский говор

ТСКБЯ – Толковый словарь карачаево-балкарского языка

х.-б. – холамо-безенгиевский говор

ц. диал. – цокающий диалект.

Примечания

1. *Алиев У.Б.* Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963. Т. 3. 84 с.; *Алиев У.Б.* Избранные труды: в 3 т. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2012. Т. 1: Работы по языкознанию. 368 с.; Т. 2: Работы по языкознанию. 368 с.; *Гузеев Ж.М.* Об одной особенности сингармонизма в цокающем диалекте карачаево-балкарского языка // Ученые записки КБНИИ. Т. 27. Серия филологическая. Нальчик, 1975. С. 131–133; *Гузеев Ж.М.* Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. Нальчик: Эльбрус, 1985. 194 с.; *Гузеев Ж.М.* Фонетические и морфологические особенности цокающего диалекта карачаево-балкарского языка // Советская тюркология. Баку, 1986. № 3. С. 34–36; *Гузеев Ж.М.* Фонетические особенности малкарского диалекта карачаево-балкарского языка // Советская тюркология. 1974. № 5. С. 62–66; *Кучмезова Л.Б.* Влияние диалектов на формирование норм литературного карачаево-балкарского языка в условиях наддиалектности // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 2. Нальчик. С. 148–152; *Кучмезова Л.Б.* Проблемы преемственности диалектной лексики в карачаево-балкарском языке // Вопросы кавказской филологии. Выпуск 10. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. С. 171–181; *Махиева Л.Х., Кучмезова Л.Б.* Стратификация карачаево-балкарского языка с точки зрения диалектных особенностей. *Motif Akademi Halkbilimi Dergisi*. 2015. № 16. С. 693–702.

2. *Prohle W.* Karatschaishe Worterverzeichnis Kellei Scemle, t.10. Budapest, 1908; *Prohle W.* Karatschaishe Studien, t.15, 1914–1915; *Prohle W.* Balkarische Studien, I – Balkarische Studien, II. Т. 16. 1915–1916.

3. *Караулов Н.А.* Краткий очерк грамматики (горско-тюркский язык). Кисловодск, 1930.

4. *Алиев У.Дж.* Карачаево-балкарская грамматика: (горско-тюркский язык). Кисловодск: Крайнациздат. 1930. 197+6 с.

5. *Алиев У.Б.* Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963. Т. 3. 84 с.; *Будаев А.Ж.* Система фонем современного карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1968. 151 с.

6. *Филоненко В.И.* Грамматика балкарского языка: фонетика и морфология. Нальчик: Каббалкгосиздат. 1940; *Филоненко В.И.* Загадки горцев Северного Кавказа (таулу элберле). Уч. зап. Пятигорского госпединститута. Пятигорск, 1957. Т. 15. 550 с.

7. *Аппаев А.М.* Диалекты балкарского языка и их отношение к балкарскому литературному языку. Л., 1941; Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд.-во, 1960. 78 с.

8. *Аппаев А.М.* Диалектная основа карачаево-балкарского литературного языка // IX конференция по диалектологии тюркских языков. Тезисы докладов и сообщений. Уфа, 8–10 сентября 1982. С. 84–90.

9. Акбаев Ш.Х. Диалекты карачаево-балкарского языка в структурно-генетическом и ареальном освещении. Карачаевск: Изд.-во КЧГПУ, 1999. 258 с.; Гузеев Ж.М. Фонетические и морфологические особенности чокающего диалекта карачаево-балкарского языка // Советская тюркология. Баку, 1986. № 3. С. 34–36; Гузеев Ж.М. Фонетические особенности малкарского диалекта карачаево-балкарского языка // Советская тюркология. 1974. № 5. С. 62–66.
10. Акбаев Ш.Х. Диалекты карачаево-балкарского языка в структурно-генетическом и ареальном освещении. Карачаевск: Изд.-во КЧГПУ, 1999. 258 с.
11. Гузеев Ж.М. Фонетические и морфологические особенности чокающего диалекта карачаево-балкарского языка // Советская тюркология. Баку, 1986. № 3. С. 34–36.
12. Алиев У.Б. Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963. 84 с.; Алиев У.Б. Избранные труды: в 3 т. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Т. 3. ООО «Полиграфсервис и Т»), 2012. Т. 1: Работы по языкознанию. 368 с.; Т. 2: Работы по языкознанию. С. 215.
13. Алиева Т.К. Вариантность слова и литературная норма (на материале карачаево-балкарского языка). Ставрополь: Ставроп.кн. изд.-во, 2006. 288 с. С.18.
14. Кучмезова Л.Б. Проблемы преемственности диалектной лексики в карачаево-балкарском языке // Вопросы кавказской филологии. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. Вып. 10. С. 175.
15. Махиева Л.Х. Отражение диалектической лексики в художественной литературе карачаево-балкарского языка // Теоретические и методические проблемы национально-русского двуязычия. Материалы Международной научно-практической конференции. К 85-летию Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. 2009. С. 307–309.
16. Гузеев Ж.М. Предисловие к ТСКБЯ // Толковый словарь в 3-х томах / гл. ред. Ж.М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 1. С. 16–20.
17. Кумыкова Д.М. К вопросу субстантивации прилагательных в кабардино-черкесском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 4 (42). С. 137.
18. Мусуков Б.А. Лексико-семантическое поле слова *ит* «собака» в тюркских языках // Материалы международной II Байкальской конференции «Имя. Социум. Культура». Улан-Уде, 2008. С. 35–37.

LEXICAL FEATURES OF DIALECT WORDS MALKAR DIALECT OF KARACHAY-BALKAR LANGUAGE AND THEIR REFLECTION IN THE TRANSLATION DICTIONARIES

Kuchmezova Larisa Borisovna, Candidate of Philology, Researcher of the Karachay-Balkarian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», kuchmezovalarisa@mail.ru

This article discusses the lexical features of dialect vocabulary and their reflection in the translated dictionaries on the material of the Karachay-Balkar language. The purpose of the article is to study the meaning of dialect words, their description in comparison with each other and the literary language, evaluation and conclusions on them. Based on the comparative analysis of the Russian-Karachay-Balkar and Karachay-Balkar-Russian dictionaries, the comparison and differentiation of the semantic boundaries of the dialect words of the malkar dialect of the Karachay-Balkar language in the translated dictionaries is made.

Keywords: Dialect vocabulary, Turkic languages, Karachay-Balkar language, dialect, lexical, semantic peculiarities.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-142-147

РОДОВЫЕ ПРЕДАНИЯ ЧЕГЕМСКОГО ОБЩЕСТВА (Сарбашевы, Акаевы и Аппаевы)

Малкондуев Хамид Хашимович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), malkanduev47@mail.ru

Статья посвящена анализу передающихся из поколения в поколение устных народных повествований о патронимиях Сарбашевых, Акаевых и Аппаевых, являющихся древними чегемскими субэтническими ответвлениями балкарцев. Данная тема остается малоизученной в карачаево-балкарской фольклористике и этнографии. Однако следует отметить как положительное явление записи русских путешественников-ориенталистов Вс.Ф. Миллера, М.М. Ковалевского, Н.П. Тульчинского и др., а также труды по карачаево-балкарским патронимиям, фратриям, родам и атаулам А.И. Мусукаева, И.М. Шаманова, Ю.Н. Асанова.

В работе рассматриваются песни, легенды, предания, топонимические и гидронимические названия, связанные с историей патронимий Акаевых, Аппаевых и Сарбашевых. Многие из них бытуют до настоящего времени в Черекском и Чегемском ущельях Кабардино-Балкарии и по сей день могут рассматриваться в качестве информативного материала, что создает базу для изучения родословия той или иной патронимии. Осуществляется краткий экскурс в исторические события XIV–XV вв., которые стали судьбоносными для народов Центрального Кавказа. Согласно данным проанализированных текстов, указанные роды переселились в старинный чегемский аул Булунгу из степей или Большой Балкарии и хорошо приспособились к новым территориальным условиям. Проведенное исследование показало, что, несмотря на художественную условность, в целом, родовые предания могут служить источником определенной информации об истории формирования карачаево-балкарского народа и отдельных его фамилий.

Ключевые слова: несказочная проза, предание, песня, композиция, род, фратрия, патронимия, Балкария, Чегем, Булунгу.

Согласно мотивам карачаево-балкарских легенд и преданий, передававшихся из поколения в поколение, жизнь тюркских племен, вытесненных после жестокого похода Аксак Темира (апрель 1395 г.) и из-за набравших затем силу черкесских племен из равнин и лесостепной зоны Центрального Кавказа в высокогорья Главного Кавказского хребта, была в новых пространственно-географических условиях сложной, а порой и драматичной. Однако этнический состав здешних мест оставался пестрым, т.к. автохтонное население древних алан-дигорцев все еще составляло ощутимую его часть.

По временной локализации эти сложные события, очевидно, относятся к XV–XVI вв. В это время резко меняется и этническая карта Северного Кавказа, что было связано с падением Золотой Орды (1430 г.), затем и Большой Орды (1503 г.). Быстро разлагается и их преемница Ногайская Орда. Резко сокращается в горах, ущельях и степях Западного Кавказа набиравшее силу аланское население, т.к. Аксак Темир был особо беспощаден к иноверцам, т.е. неисламскому населению.

В первых упоминаниях о балкарцах Чегемского общества говорится о том, что они живут высоко в горах в узком, глубоком ущелье и сакли их напоминают

орлиные гнезда в скалах. Наиболее ценным сообщением здесь является сведение о том, что жители этого небольшого поселения живут в постоянном страхе из-за набегов своих соплеменников, жителей аула Зылгы, что было расположено на левом берегу течения реки Черек Малкарский (Балкарский). По сообщению жителей этого поселения, значительную роль в освобождении их от произвола своих соплеменников, сыграл Хасан, из рода Кулиевых и молодые царицы – Баймурза и Жанмурза, прибывшие сюда из Абазинии. «На их вопросы, почему селение находится в таких недоступных скалах, жители ответили, что ниже жить им нельзя, так как их враги – соседи-балкарцы будут их тревожить постоянными набегами; тогда братья (Баймурза и Жанмурза – Х.М.) предложили поселку свои услуги для защиты от врагов», – писал в 1903 г. замечательный собиратель фольклора народов Кавказа Н.П. Тульчинский¹.

Выработанный ими стратегический план по завлечению и нанесению зылгыйцам сокрушительного удара сработал успешно, после чего жители этих небольших поселений Лыгыт и Кочхар-Таш начали значительно расширять территорию своего жизненного пространства на юг и восток.

Зафиксировано и сказание о том, что чегемцам в нанесении ими удара по зылгыйцам-малкарцам оказали деятельную помощь карачаевцы, проживавшие в то время в хорошо укрепленной со всех сторон местности Донгат, расположенной на правом берегу реки Кардан.

Вскоре недалеко от бурной речки Булунгу-су появляется аул Булунгу и на правом берегу небольшой речушки Кардан (с дигорского «Снежная река») более десяти семей закладывают основания своих домов. Со временем здесь вырастает замечательный аул Думала. Географическое расположение его выгодно отличалось от других поселений: наличие нарзанового источника, родников, богатая трава, плодородность земли и т.д.

За отсутствием каких-либо архивных и рукописных документов, главным источником при работе над обозначенной проблемой нам послужили данные устной народной словесности, содержание которых, мы должны это признать, в ряде случаев весьма сомнительно, т.к. одни варианты сказаний противоречат другим, что вполне допустимо в устной традиции любого народа.

Одними из первых поселенцев аула Булунгу, наряду с Кулиевыми, Таппасхановыми, Этезовыми, Баразовыми, Теппеевыми, были Сарбашевы, Акаевы и Аппаевы, на родовые предания которых мы в основном и опирались при написании данного фольклорно-этнографического исследования.

Согласно одним устным сказаниям, отцы и деды Карчи и Сарбаша жили в прошлом в районе нынешнего Кенже (по другому звучанию – Генже). Их было девять братьев. Отца звали Карабатыр. Семеро из них и пожилой отец погибли, защищая эту землю от своих врагов, которыми могли быть либо полчища Аксак Темира, либо черкесы. После этого оставшиеся в живых братья Карча и Сарыбаш отступают в Черекское ущелье в Большую Балкарию.

Существует и предание о том, что однажды Большую Балкарию посетил один из ногайских ханов. Своих сыновей Карчу и Сарбаша он оставляет здесь и дает наказ, как царевичам, править этим обществом, что в реальности представляется весьма сомнительным².

В повествовательных элементах этих преданий, как нам представляется, много надуманного, привнесенного позднее, в них довольно сложно, да и невозможно отличить реальные события от вымышленных.

Братья Карча и Сарбаш прославились в Балкарии как трудолюбивые и отважные люди. Однажды один из внуков Сарбаша посещает село Булунгу в верховьях Чегемского ущелья. Его кунаку очень понравилось седло коня пришельца, и тот отвечает гостеприимному хозяину-чегемцу, что весной пришлет своего сына к нему, т.к. он большой мастер в кузнечном деле, в изготовлении седел, плугов, тяпок, топоров, ножей и других орудий труда. Так оно и случилось: молодой человек,

мастер на все руки, на двух навьюченных лошадях весной прибывает из Большой Балкарии в Булунгу, в гости к другу своего отца. Далее предание повествует о том, что он сразу же становится любимцем этого недавно образованного поселения. К нему обращаются люди и из близлежащих аулов Кам, Лыгыт, Эль-Тюбю, Думала с просьбой изготовить им для семейных и хозяйственных нужд плуги, ножи, гвозди, подковы, седла, что он делает мастерски и на совесть.

У гостеприимного чегемца была привлекательная дочь. Вскоре становится ясно, что между молодыми людьми существует взаимное тяготение друг к другу, и она не по воле своего отца выходит замуж за пришельца из Большой Балкарии. Со временем у него появляются дети, и жители села продолжают относиться к нему с большим уважением, т.к. он обладал хорошим чувством юмора, большим трудолюбием и помогал людям всем, чем мог.

Но отношения его с тестем оставались сложными: он не упускал возможности при людях посмеяться над зятем, рассказать о нем что-то унизительно-смешное и неприличное, и это продолжалось долго. Однажды зять предупредил старика, что если тот не прекратит его оскорблять, он убьет его прилюдно. Время шло, и трагедия вскоре произошла: когда тесть в очередной раз оскорбил на ныгыше зятя-малкарца, тот вытащил из-за пояса свой самодельный револьвер и выстрелом убил его. Согласно преданию, старик-чегемец был из рода Таппасхановых и звали его Батыр, а зятя звали Тотук.

Этот случай обсуждался на совете старейшин села и Тёре Чегемского ущелья. Они оправдали поступок молодого кузнеца из рода Сарбашевых, и он остался здесь жить навсегда, не теряя родственную связь с Карчаевыми и Сарбашевыми, проживавшими в Большой Балкарии.

Со временем в Чегемском ущелье их стало много, но социальный статус Сарбашевых в народе был весьма скромным³.

Проходили годы и столетия и снова произошел трагический случай следующего характера: праправнук Тотука Сарбашева Байтуган в начале XX в. убивает праправнука Таппасханова Батыра Эсенея, что письменно засвидетельствовано: об этом писал в одной из своих публицистических работ Мисост Абаев, осуждая неумелые действия миротворцев по такому делу: «Эти наши туземные почетные судьи мало того, что мешают миру, но еще материально причиняют убытки лицам, коих они склоняют на свои решения. Приятно было бы, если бы такие судьи прекратили вовсе свои действия»⁴.

Причиной человеческой смерти в этот раз народная молва называет разные факторы: спор между ними из-за земли, спор из-за лошади и незабытое прошлое, что часто вспоминали Таппасхановы.

Существует сказание о том, что Сарбашев Байтуган только опередил событие, первым нанеся смертельный удар ножом по своему противнику Эсенею, якобы, угрожавшему ему мстостью за убийство его прадеда в далекие времена. Слухи об этом случае по-разному трактуются в устах людей до настоящего времени.

Позже Сарбашевых стало много. Они расселились по селениям Нижний Чегем, Яникой, г. Чегем, г. Тырныауз и т.д. Ныне в с. Булунгу они считаются одной из довольно многочисленных патронимий.

Акаевы и Аппаевы

Весьма интересны родовые предания, сохранившиеся об Акаевых и Аппаевых. Они передаются из поколения в поколение в устной форме и дают ясную картину об истории и образе жизни данных патронимий.

Согласно этим сказаниям, в далекие времена ногайские степи покидают двое братьев на лошадях, в полных боевых доспехах, ведя с собой по две молодые кобылицы. Ружья у них были хорошие, а мечи из крепкой стали.

В Баксанском ущелье в районе Гестенти, что выше нынешнего поселения Быллым, как только братья, убив оленя, принялись свежевать его, к ним подходит небольшая конница кабардинцев и дает знать, что эта земля князя Казия и что они – его сторожевые люди, а потому юноши должны отдать им эту тушу. Они же отвезут ее своему князю, который ожидает их с добычей.

Здесь между братьями из Ногаев и людьми князя возникает спор. Первые говорят, что согласны уступить половину туши оленя, а остальное заберут с собой. Здесь как-то они приходят к общему мнению: кабардинцам отдают голову, шкуру и половину мяса и вступают с ними в мир и согласие.

Люди Кази указывают им, как можно добраться до верховьев Чегемского ущелья. Братья доходят до района нынешнего Ак-Топрака, а затем по течению реки Черка Чегемского поднимаются вверх, где застают небольшие аулы Эль-Тюбю, Лыгыт, Кочхар-Таш и Булунгу.

Они останавливаются в ауле Булунгу, где проживало несколько десятков семей. Братья сразу же находят себе место в этой небольшой общине. Наиболее сложной проблемой для балкарцев Чегемского ущелья оставалась охрана южных границ его от постоянных набегов воинственных сванов, которые угоняли сельские стада с пастбищ, располагавшихся в основном на границе между Сванетией и верховьями Чегемского ущелья. Бывали случаи, когда они похищали с целью продажи и малых детей.

По народным преданиям братьев звали Аппа и Киши и принадлежали они к роду Акаевых, что говорит об их ногайском происхождении. Они прославились как смелые, отважные и беспощадные к врагам люди. У подножья Большого Кавказского хребта в местности Мёлюшкю братья построили заставу, а на некоторых опасных участках поставили дозорных.

Сохранились сказания о том, что они наводили страх на беспокойных южных соседей мастерским владением оружием и способностью просчитывать их маршруты, на что мы уже обращали внимание в своих исследованиях по несказочной прозе карачаево-балкарского народа⁵.

Большую равнину, что расположена в ущелье Гара-Аузу, у подножья Большого Кавказского хребта, по сей день называют *Киши тюзю* (в концепте: «Поляна Киши»). По народным сказаниям, он сеял здесь ячмень и получал хороший урожай.

Еще в 1960–70 гг. в народной памяти сохранялись десятки произведений о том, как женщины и мужчины Чегемского ущелья долго и мучительно оплакивали смерть Киши и Аппы, почти навсегда избавивших жителей этих мест от дерзких сванских набегов, приводивших к разным нежелательным последствиям, хотя в целом отношения между ними в основном оставались доброжелательными, а в ряде случаев и сохраняли родственные связи, т.к. сванский компонент здесь был огромен.

На левом берегу бурной реки Булунгу-су, на небольшой возвышенности Мижирген по случаю смерти Акаева Киши был выложен из камня склеп небольшого размера (2,5 м. на 3,5 м. и высотой 2,5 м.), где его и похоронила община. Данный памятник по сей день бережно охраняется потомками отважного защитника этой земли и другими жителями села. По сей день в народе его называют *Киши-Гешенеси* (в интерф.: «Могильный памятник Киши»).

Киши и сам вел далеко не мирный образ жизни: совершал набеги на земли соседних народов, угонял их табуны, а иногда и похищал детей. В народной памяти сохранилось предание о случае, когда где-то в степи он похитил мальчика лет восьми-девяти и воспитывал его у себя как родного ребенка.

Существует сказание и следующего характера: похитив ребенка у ногайца, он продает его дигорцу, а затем выкупает у него обратно. Сохранился и небольшой поэтический текст, строящийся на лирическом монологе отважного абрека Киши,

в котором до некоторой степени вырисовываются и его личные качества, как человека, ведущего беспокойный образ жизни:

*Узакъ жерлеге жол салдым,
Ногъайлыдан тартып алдым,
Дюгерлиден сатып алдым.
Къабартыдан жылкы аудардум.
Эбзени сакълап турдум,
Тыхтенгенде жанын алдым,
Алай ол сабийни бермедим.
Къумукълуну къулгъа тутдум,
Кеси юйюмде ёсдюрдюм,
Баламдан башха кёрмедим,
Энчи бир зат бёлмедим⁶.*

Путь держал я в далекие земли,
У ногайца его отнял (силой).
У дигорца выкупил (обратно).
Из Кабарды табун пригнал.
Свана я подкараулил,
У Тыхтенгена отнял его жизнь,
Но ребенка защитил (от кражи).
Кумыка в неволе держал,
В своем доме его растил,
Относился (к нему) не иначе как к своему ребенку,
Ничего другого я (себе) не позволял.

Как видно из этого небольшого текста, хотя и трудно в нем заметить какие-либо художественно-эстетические достоинства, здесь наблюдаются целый ряд кавказских этнонимов («ногаец», «дигорец», «сван», «кумык»), топонимы «Кабарда», «Тыхтенген», верно передающие образ жизни в этом беспокойном регионе в прошлые века, где было обычным явлением совершать набеги одних грабителей на других. Этно-национальные проблемы вряд ли играли здесь какую-либо значимую роль. Главное было достичь своей цели любым путем: удачным набегом на соседей, грабежами и кражей всего, что приносило материальное благополучие.

Сказание далее гласит, что, повзрослев, он начал доказывать, что принадлежит к знатному аристократическому роду Аппай, а потому к нему следует относиться не как к холопу, а как к уздену-дворянину, ибо он хорошо помнит своих родителей и трагическое прошлое, то, как он был похищен из своей общины и привезен в Чегемское ущелье. Конечно, верить всем этим мотивам не стоит.

Об этом существует интересная легенда, в которой дается объяснение кодекса аталычества как национальной этнографической традиции кавказских народов на примере исследуемой нами проблемы: «С.С. Киржанов, В.П. Невская, Е.Н. Студенецкая, И.М. Шаманов замечают, что аталычество в эпоху феодализма приобрело окраску феодализма и строилось на основе взаимной выгоды. Обычай аталычества определил фамильное наименование Аппаевых из Булунгу. Передавая фамильное предание своих предков, Аппаева Захират Аппаевна (верно Дудаевна – Х.М.), 1903 г.р., с. Булунгу, рассказала, что семь поколений назад два брата Акаевых никак не могли найти общий язык со своими таубиями. Те всячески их притесняли и издевались, пытаясь добиться полного повиновения братьев. Тогда Акаевы решили в целях своей защиты использовать древний кавказский обычай: взяли на воспитание ребенка по имени Аппа у одного из влиятельных князей, живших на равнине. С этих пор между семьями аталыка и эмчека устанавливались родственные связи. Акаевы обеспечивали себе поддержку и защиту, заставив тем самым прекратить притязания местной феодальной фамилии.

Акаевы объявили Аппу повелителем и настолько полюбили воспитанника, что, вопреки принятым традициям, попросили родителей молодого человека оставить его навсегда в Булунгу. Единственным условием близких и родных Аппы было – женить его на девушке знатного происхождения. Избранницей оказалась девушка из фамилии Эттеевых, считавшихся в Чегеме узденями»⁷.

Эта информация была записана в 1968 г. д.ф.н., профессором А.И. Мусукаевым в с. Булунгу Чегемского района КБАССР. Нам же представляются более близкими к истине предания старины о том, что в данном случае аталычество как институт благоденствия, традиционно выполнявший покровительскую функцию, сыграло доминирующую роль в родовых отношениях между Акаевыми и Аппаевыми. Позднее оно стало носить не совсем корректный характер, т.к. Аппаевы иногда давали знать Акаевым о своем привилегированном социальном статусе, что приводило к нежелательному диалогу между ними.

Нам запомнился состоявшийся в 1958 г. диалог между Дудой Аппаевым (1861–1959), отцом упомянутой Захират Аппаевой (1903–1981), и моим отцом Хашимом Малкондуевым (1896–1965), в котором они делились друг с другом сведениями об одном случае из отношений между Аппаевыми и Малкондуевыми. Они вспоминали следующее: отец Дуды Аппай-хаджи, уважаемый уздень-дворянин, выдавал свою дочь Керимат замуж за сына Малкондуева Курман-хаджи Мусу; договорившись, чтобы не допустить этот брак, Аппай-хаджи посетили сорок всадников из числа чегемских узденей-дворян, т.к. родство между Аппаевыми и недавними пришельцами из Сванетии Малкондуевыми стало бы социально неравным явлением. Но к тому времени Малкондуевы успели стать весьма зажиточными и даже смогли купить земли на равнине, напротив нынешнего селения Лечинкай на правом берегу реки Черек Чегемский (1887 г.)⁸.

Хотя бракосочетание между ними прошло успешно и Малкондуевыми был выплачен огромного размера калым и т.д., неожиданно для всех Муса умирает в своем родном селе Думала, где компактно проживали Малкондуевы, а Керимат Аппаева, спустя какое-то время, выходит замуж за Аккизова (Таппасханова) Аче Исаевича (1880–1966)⁹.

Предания также сообщают, что в роду у Аппаевых был десяток многодетных семей, которые со временем переехали жить в Хулам, Балкарию, Хабаз, Карачай, Дигорию, но держались сплоченно, не забывая о своих исторических корнях.

Таким образом, на примере ряда устных повествований мы кратко рассмотрели родовые предания одних из наиболее древних патронимий балкарцев Чегемского общества Сарбашевых, Акаевых и Аппаевых. Исследование показало, что в основном они однотипны, носят информативный характер, в них четко обозначаются названия местностей, имена людей и особенности социального уклада жизни. Некоторые из этих произведений значительно мифологизированы, что наблюдается на примере повествований о дружбе Киши Акаева с матерым волком, смерть которого горько оплакивает волчица, жившая с ним парой¹⁰.

Акаевы традиционно славились своим героизмом и отвагой. Так, по сей день в памяти жителей с. Булунгу жива молва о том, как однажды, когда явились в село собирать дань люди крымского хана, один из сыновей Киши выстрелом из ружья убил одного из этих пришельцев. Еще в 1960 гг. в древнем квартале Акаевых показывали огромного размера сосновый столб, опору сакли, продырявленный в середине пушечной когда-то пулей.

К сожалению, когда в 1960–70 гг. массово строили новые дома, сакля была разобрана, а ту легендарную пулю взяли себе на хранение дети Акаева Абдул-Керима Аминовича.

Таким образом, следует признать, что через произведения несказочной прозы мы познаем многое о жизни, истории и деятельности карачаево-балкарских патронимий и фратрий, которые жили в прошлом сплоченно и защищали внутриродовые интересы.

Примечания

1. *Тульчинский Н.П.* Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // Фольклор карачаевцев и балкарцев в записях и публикациях XIX – середины XX в. / сост., вступ ст. и комментарии А.И. Алиевой, Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эльбрус, 2016. С. 260.
2. Личный архив Малкондуева Х.Х. Записано в 1978 г. в с. Верхняя Балкария от Карчаева Зекерии.
3. Личный архив Малкондуева Х.Х. Записано в 1982 г. в с. Булунгу от Аппаева Магомед Башировича.
4. *Абаев М.* Наши миротворцы // Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное: в 2-х томах. Т. 1 / сост. Т.Ш. Биттирова. Нальчик: Эльбрус, 1993. С. 157.
5. *Малкондуев Х.Х.* Этническая культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 2001. С. 73–74.
6. Личный архив Малкондуева Х.Х. Записано в октябре 1979 г. в с. Булунгу от Кулиева Назира Хасановича (1922 г.р.).
7. *Мусукаев А.И.* К истокам фамилий: предания и легенды. Нальчик, 1992. С. 35.
8. Личный архив Малкондуева Х.Х.
9. Личный архив Малкондуева Х.Х. Фольклорно-этнографические записи 1970–80 гг.
10. *Малкондуев Х.Х.* Поэтика карачаево-балкарской народной лирики XVI–XIX веков. Нальчик: Эль-Фа, 2000. Ч. 1. С. 130–131.

TRIBAL LEGENDS OF THE CHEGEM SOCIETY (Sarbashevs, Akaevs and Appaevs)

Malkonduev Hamid Hashimovich, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), malkanduev47@mail.ru

The article is devoted to the analysis of transmitted from generation to generation oral folk narrations about patronymies of Sarbashevs, Akaevs and Appaevs, which are ancient Chegem subethnic branches of the balkarians. The given subject matter remains rather poorly studied in karachay-balkarian folkloristics and ethnography. However, it should be noted as a positive phenomenon the records of russian travelers-orientalists Vs.F. Miller, M.M. Kovalevsky, N.P. Tulchinsky and others, as well as works on the karachay-balkarian patronymies, phratryes, families and atauls of A.I. Musukaev, I.M. Shamanov, Yu.N. Asanov.

The work deals with songs, legends, legends, toponymic and hydronymic names, connected with history of the patronymies of Akaevs, Appaevs and Sarbashevs. Many of them exist as an informative material in the Cherek and Chegem gorges of Kabardino-Balkariya to this day, that creates a basis for studying of genealogy of one or another patronymy. A brief excursion into the historical events of the XIV–XV centuries, which became fatal for the peoples of the Central Caucasus, is carried out. According to the analyzed texts, specified families moved to the old Chegem aul Bulungu from the steppes and Big Balkariya and adapted well to the new territorial conditions. The study showed that, despite the artistic convention, in general, tribal legends can serve as a source of certain information about the history of formation of karachay-balkarian people and its separate surnames.

Keywords: unfairy-tale prose, legend, song, composition, family, phratry, patronymy, Balkariya, Chegem, Bulungu.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-148-154

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Настоящая статья – одна из последних научных работ, вышедших из-под пера незадолго до полного завершения, чем объясняются некоторые логические разночтения и стилистические шероховатости. При подготовке материала к печати редколлегия не посчитала возможным какое-либо вольное вторжение в текст. Были внесены лишь минимальные исправления в области пунктуации и стиля изложения с полным сохранением содержания и умозаключений автора.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ В АДЫГСКИХ СКАЗКАХ

Хагожеева Лиана Славовна, младший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), liana1771@mail.ru

В статье рассматривается характер художественного отражения в фольклоре принципов, составляющих базовую основу этического кодекса адыгского и дворянского этикета, и имеющих общегуманистический характер. Это, прежде всего, почти-тельность, вежливость, уважение к окружающим (старшим и младшим по возрасту, родителям, женщине), сознание ценности человеческой жизни, уважение человеческого достоинства. Соблюдение этих принципов было одним из определяющих качеств личности в адыгском обществе, соответственно, и идеального героя в фольклоре. Они стали центральным мотивом в разных жанрах фольклора. В данном ряду они нашли отражение и в сказочной прозе. В работе основное внимание обращено на эстетическую функцию этих мотивов в изображении идеального фольклорного персонажа. Анализируются основные формы объективизации мотивов, связанные с установкой на уважение личного достоинства человека. Привлекаются сравнительные материалы из фольклорных и этнографических источников.

Ключевые слова: фольклор, сказка, адыгское общество, фольклорный герой, сюжет, художественное осмысление мотива.

Как известно, сказка по своей жанровой природе создает идеальных персонажей. Она вкладывает в образы героев черты, которые в системе мировоззрения представителей определенной этнокультурной традиции отражают всю шкалу общепринятых аксиологических ценностей.

Основные нравственно-этические принципы кодекса адыгэ/уэркъ хабзэ, которыми руководствовало адыгское традиционное общество, сформировали ряд приоритетов, в которых они реализовывались. Таковыми были, прежде всего, принципы почительности, вежливости, уважения к окружающим (старшим и младшим по возрасту, родителям, женщине), сознание ценности человеческой жизни, уважение человеческого достоинства, в том числе в его наиболее изысканной и утонченной форме (*уэркъ хабзэ*).

Установка на уважение личного достоинства человека обусловила отсутствие в адыгском обществе проявлений раболепия, излишнего самоуничижения. Этими же принципами регулировалось и поведение самой аристократии не только по отношению друг к другу, но и по отношению к низестоящим. Князьям и уоркам не позволительно было проявлять высокомерие по отношению к своим подданным. Уважение достоинства личности как стержневого нравственного принципа адыгского общества находит воплощение в адыгских сказках. Так, например, в сказке «НэфыцIэ цыкIумрэ хъаныпхъумрэ» жестокому князю дают достойный отпор свободные крестьяне (лхукъуэлI): «*А махуэм цыцIэдзауэ хъанхэ я бынунагъуэри абыхэм я пыхъуэпышэхэри къуажэм дагъэкIыну, ижъ ижъыжкIэ дянэкIэ ахэр хъаныншэу, пцы-уэркъ ямыIэу, зэкъуэши-зэбыну зэдэпсэуну <унафэ яцIац>*» – «*С этого дня решили, что семья хана и его приспешников должны уйти из села,*

и с тех самых старых-престарых времен решили жить одной семьей, как родственники и братья, без князей и дворян»¹.

В сказке находит свое отражение имевшее место у адыгов, в частности кабардинцев, право покинуть своего князя, если тот по той или иной причине переступал черту, нарушая права своих подданных.

Идеалы рыцарского кодекса предусматривали уважительное отношение младших к старшим, фактически независимо от сословной принадлежности. И все же модель отношений «старший/младший» определялась не только возрастными параметрами, но и положением в обществе, а также половой принадлежностью. Правилами адыгского этикета регламентировались обязанности старшего и младшего в самых разнообразных жизненных ситуациях, а воинский, наезднический образ жизни определял функции. Сказка детально описывает правила поведения младшего – хагарея* – во время похода или путешествия. В обязанности младшего во время поездок входили уход за лошадьми и спутниками: во время привала, остановки в пути он должен был разнуздать и стреножить лошадей, дать им корм, напоить; затем добыть дрова, развести огонь и приготовить пищу. Перед началом нового пути в установленной последовательности оседлать лошадей своих спутников.

Строгость в соблюдении обязанностей внутри отряда наездников была обусловлена воинским бытом и образом жизни и представляла собой своего рода воинский устав. Каждой детали придавалось большое значение. Очередность седлания лошадей во время похода, по свидетельству Б.Х. Бгажнокова, признавалась настолько важной, что стала предметом рассмотрения на собрании представителей высших сословий Кабарды. В результате было принято решение, что вначале следует оседлать лошадь младшего, чтобы не заставлять ждать старших его по возрасту и статусу всадников². Соответствующие требования к младшему во время похода или наезда (зекIуэ) подробно описываются в адыгских волшебных сказках. Например, в сказке «Сын батрачки» три всадника, проезжающие мимо дома, где живет юный князь-пши, приглашают его на охоту. Приглашение в данном случае означает своего рода вызов, с целью испытать юношу. Он добывает коня и снаряжение и отправляется в путь. В течение трех суток, проскакав вместе со спутниками весь день, юноша охотится, добывает еду, готовит, ухаживает за лошадьми, а его спутники нарочито не предлагают ему разделить с ними трапезу, не приглашают на ночлег в шалаш. Юный князь демонстрирует благовоспитанность и выдержку: безропотно выполняет свои обязанности, без приглашения не садится есть и остается ночевать под открытым небом, а наутро вновь седлает коней и продолжает путь. Помимо безупречного выполнения обязанностей младшего в поездке молодой князь демонстрирует тонкое знание этикета, в соответствии с которым без приглашения нельзя садиться за стол и есть, располагаться на ночлег. Юноша проявляет выдержку, скромность, не заявляя о себе и о своих желаниях и нуждах.

Правила адыгского этикета строго регламентируют пространственное расположение, которое должны занимать путники по отношению друг к другу, в основе чего лежит модель «старший – младший». В вышеописанной сказке молодой князь узнает тайну трех всадников, с которыми он выехал на охоту: оказалось – его спутники девушки. Путешествие тут же прерывается, и по предложению спутниц княжича, они пускаются в обратный путь. Статус молодого князя меняется. Теперь он, мужчина, старший и, в соответствии с этим, изменяется и его место внутри группы: *«Теперь юноша ехал в середине, а девушка, которой он коснулся ночью, поехала слева – теперь она, как младшая, должна была обслуживать своих спутников. Когда вечером сделали привал на обратном пути, девушка пошла в лес, добыла козу, приготовила ужин. Юноше отдали лучшие куски, в знак уважения в его присутствии не сажались»*³. Согласно этикету, если путников двое,

* Хозяин.

младший должен ехать (или идти) с левой стороны. Когда путников трое, самый младший находится с правой стороны. Если старшему понадобится послать его с каким-то поручением, ему не надо нарушать общий строй.

Семиотически значимым в репрезентации уважения к старшему было вставание при появлении старшего, стояние в его присутствии. Вставание как знак уважения – одно из основополагающих правил адыгского этикета. В адыгских сказках положительные персонажи ведут себя в соответствии с этим правилом, и, напротив, невыполнение его используется как один из штрихов, рисующих образ отрицательного персонажа. Например, в сказке «Сын батрачки» великан-иныжь не встает при виде гостя, зашедшего к нему: «Юноша зашел к иныжу, но тот даже не встал в знак уважения к гостю»⁴. Не встает пред героем, демонстрируя тем самым невежество, отсутствие воспитания, и надменная красавица Биче («Бичэ»).

В сказке «Долетмиз» как прием, подчеркивающий принципы правильного поведения, используется инверсия. В знак почтения к старшему молодой человек не мог сесть в его присутствии и, конечно, не мог пользоваться его услугами. Старуха-нагучица, которая стала его названной матерью, советует юноше вести себя в полном противоречии с правилами. Она велела ему привезать коня к большой коновязи, войти в дом, не вставать когда старик принесет столик с едой, и, как положено по обычаю, не говорить, что не будет есть пока он стоит, и не предложить ему садиться. А когда старик придет в снова прислуживать, принять его приход как должное.⁵ Прием инверсии в сказке призван подчеркнуть непреложность существования этической и этикетной нормы для членов адыгского общества.

Почтительное отношение младших к старшим, одна из неукоснительных норм поведения в адыгском обществе, находит отражение в сказках самыми различными проявлениями: «Нет, сын мой, – говорит герою один из персонажей сказки, – я вижу, ты приехал из дальних краев. Если бы ты не искал достойных мужчины подвигов, не уехал бы так далеко от родного дома. Коли не хочешь опозориться, то послушай старшего и зайди в дом». Не мог Едидж обидеть старшего, вот и завернул к нему во двор».⁶ В этой же сказке герой говорит предавшему его мужчине: «Выведи коня! **Я моложе тебя и не могу приказывать старшему, но в обращении с леуном это позволительно**»⁷. Предательство, по нормам адыгской системы нравственных ценностей, столь тяжкий грех, что позволяет герою обращаться со старшим, предавшим его тестем без должного почтения.

Установки, регламентирующие поведение в оппозиции «старший/младший», находят отражение в различных жанровых разновидностях адыгской сказки, например, в сказке о животных («Лиса и барсук»), в которой персонажи-животные ведут себя в соответствии с правилами адыгского этикета, принятого в человеческом сообществе: «Как же нам быть? Не станем же мы есть мясо тут же на дороге, словно собаки! Мы съедем его **по всем правилам!** ... Давай выясним, кто из нас **старше**, тот пусть и съест мясо»⁸.

В соответствии с правилами отношения к старшему брату ведет себя и герой сказки «Пшитль»: «С тех пор братья стали жить-поживать в дружбе и согласии. Мальчик вставал рано, готовил для брата еду, вовремя разжигал огонь, приносил воду, убирал в доме. Так прожили они много лет»⁹.

Асланмиз, герой другой сказки «Сын батрачки», прежде чем отправиться к первой жене, затем к матери, заручается согласием родителей своих жен, оказывая им тем самым должное уважение. Асланмиз не только настоящий воин, но и рыцарь, воспитанный в традициях адыгэ хабзэ. Совершив много подвигов, он живет счастливо со своей женой. Но вот он загрустил о своей первой, которая не знает, что с ним, и это его печалит. Его вторая жена идет к своему отцу, и тот дает согласие, чтобы они отправились к первой жене. Затем герой печалится о матери, которую он оставил так надолго и которая также не имеет вестей о своем приемном сыне. «Спасибо, что решили **испросить моего согласия**. Хотите – поезжайте с ним», – сказал князь»¹⁰.

В нормах адыгского этикета прослеживается некая двойственность, неоднозначность отношения к женщине. С одной стороны, мужчина занимает главенствующее положение в обществе, что демонстрирует вышеупомянутая сказка. С другой – «почтительное, вежливо-скромное отношение» к женщине – одна из основных установок и стандартов взаимного обхождения, закрепившихся в адыгском этикете и нашедшем свое изысканное выражение в кодексе знатного воина (уэркъ хабзэ).

Различные аспекты рыцарского по своим принципам отношения к женщине достаточно подробно освещены в работах исследователей Б.Х. Бгажнокова¹¹, Х. Шогенова и З.П. Кардангушева¹², А.М. Гутова¹³, А.С. Мирзоева (А.С. Марзей)¹⁴ и др. Согласно правилам и установкам адыгэ хабзэ, в частности, мужчина должен был оберегать женщину, оказывать ей всяческую помощь; оказывать ей знаки внимания и почтения во время празднеств и игрищ. Дворянский этический кодекс уэркъ хабзэ включал в себя в качестве обязательных элементов рыцарское поклонение женщине¹⁵. Победитель состязаний, осуществлявшихся во время различных торжеств, согласно правилам, должен был вручить свой приз одной из признанных красавиц или одной из почитаемых женщин. Красотой девушки восхищаются, превозносят в здравицах-хохах; на праздниках и игрищах в честь красоты девушки производят выстрелы, оспаривают честь танцевать с нею¹⁶. По описанию А.-Г. Кешева, «...гегуако славил княжну на манер трубадуров Прованса: «Ты краса и гордость земли адыгской... Твои глаза краше блестящих звезд на синем небе. Твой стан гибче камыша, что растет на берегу Белой реки...»¹⁷.

Адыгская сказка так же строится на принципах благородного, рыцарского отношения к женщине, как и этические императивы реальной действительности. В сказках прекрасные девушки восседают на высоких креслах-шагиндаках, им поклоняются, их красоту воспевают, а их расположения добиваются герои («Сафил и Мылигу», «Приключения молодого пши»). Герой обязательно приходит на помощь женщине или девушке, попавшей в плен, похищенной великаном-иныжем, чудовищем-благо, или злодеями, предназначенной на съедение дракону, который запрудил реку. В сказке «Хъан таурыхъ» – «Сказка о хане» герой, несмотря на смертельную опасность оказаться сброшенным вниз, отказывается первым подняться из глубокой ямы, посчитав это ниже своего достоинства и настаивает на том, чтобы первой поднялась девушка¹⁸.

В сказке «Младший сын старика» герой приходит на помощь красавице Глетанай. *«Возвращаясь из леса, я заметил, что какой-то великан уносит красавицу Глетанай... Юноша вскочил на коня. «Покая мне не будет, пока не отмишу обидчику и не верну девушку... Мое слово твердо!» – воскликнул юноша и пустился в погоню за иныжем»*¹⁹. Герой сказки «Батыр, сын медведя» не соглашается поднимать раньше девушки на поверхность земли, рискуя остаться в яме и погибнуть: *«Когда спустили сапетку* за младшей, она сказала: «Теперь садись ты, иначе твои друзья могут бросить тебя здесь!» – «Нет, – отказался Батыр, – ты женщина, я не могу подняться раньше тебя»*²⁰. В сказке «Пщыкъуэдзэм и таурыхъ» – «Сказка о помощнике князя» герой Иласыр освобождает женщину и наказывает похитившего ее злодея²¹. Идеальный герой волшебной сказки бескорыстен в своем благородстве. В сказке «Карбеч» двое мужчин похитили девушку и держат ее в яме, потому что она обоим отказала в замужестве. Карбеч наказывает обидчиков, забирает девушку, привозит ее домой, ждет пока она войдет в дом, и, не дожидаясь изъявлений благодарности, уходит.

Статус женщины в адыгском обществе определялся ее ролью и значимостью в общественной жизни. В обществе женщин мужчина-воин и рыцарь не имел права выражать открыто свой гнев, выказывать грубость, произносить бранные слова. Одним своим появлением женщина могла прекратить поединок. В сказке «Едидж» герой в присутствии женщины укрощает свой гнев в отношении предавшего его

* Сапетка – корзина.

злодея. *«Видеть тебя не хочу, – ответил Едидж. Ты хотел разбогатеть и избавиться от меня, но тебе это не удалось. Поклонись в ноги этой женщине: ради нее я укротил свой гнев»*²².

Благородные сказочные герои не берут побежденных красавиц в жены принуждением или силой, красавицы не становятся наложницами или рабынями героя. Спасенные героем сказки девушки становятся ему нареченными сестрами, а чаще всего сами предлагают ему взять себя в жены. Победенная в поединке героиня сказки говорит: *«Иджы уэ укъыстеклуащ, уэ сыриуфызиц»* – *«Ты и победил меня, и я [теперь] – твоя жена»* (Сказка «Лыфыым и къуэ зейншэ» – «Настоящего мужа сын-сирота»)²³.

Бережное, уважительное отношение к женщине – одна из граней отношения адыгского воина-рыцаря к слабым и незащищенным. Существует целый ряд сказочных сюжетов и мотивов, который рисует женщину как личность ни в чем не уступающую, а в некоторых случаях и превосходящую мужчину по уму, силе, мужеству, ловкости. В адыгских сказках находит воплощение идея равенства, а порой – превосходства женщины над мужчиной. Героини волшебных сказок – женщины-воительницы, которые не уступают мужчине в силе, мужестве и храбрости. В сказке «Нормэрышхо – большой Нормэр» загадочный всадник в белых одеждах и на белом коне и превосходящий всех воинов в силе и ловкости оказывается женщиной, а впоследствии женой героя («Нормэрышхо – Большой Нормэр»)²⁴. Аналогичные мотивы содержатся также в сказке «Лыфыым и къуэ зейншэ» – «Настоящего мужа сын-сирота»²⁵. Героиня, побежденная в поединке, не только предлагает себя в жены, но становится верным другом и помощником героя, помогает ему отомстить обидчикам – украсть ханскую дочь – и берет на себя их защиту от отряда преследователей.

В сказке «Богатырь-женщина» князю по прозвищу Хмурый пши и его другу хану изменяли жены и поэтому они решили истребить всех женщин не только в подвластных им аулах, но и во всей стране. Однако после встречи со стариком, рассказавшим им историю о необычайно сильной, мужественной и храброй женщине, которая отомстила иньям за убийство ими ее отца и трех братьев, князь и хан, устыдившись, отказались от своих намерений²⁶. В сказке «Умная девушка» героиня с честью выдерживает испытание на сообразительность, а затем, став женой пши, выполняет, казалось бы, невыполнимые задачи, поставленные ей мужем. В сказке воплощено убеждение, что женщина не только не уступает мужчине в храбрости, стойкости, мужестве и силе характера, но может и превосходить его, оставаясь при этом женщиной – внимательной, заботливой и ранимой (героиня-воительница сказки, победившая врагов-иньжей, заботливо готовит еду для князя, плачет и даже хочет покончить с собой, вспоминая об убитых отце и братьях) («Богатырь-женщина»).

Почитанию женщины-матери в кодексе созданных этических и этикетных правил и норм принадлежит особое место, что отражено и в сказке. Чувство долга по отношению к своей матери, родителям не дают герою сказки наслаждаться счастьем, пока он не увидит и не позаботится о своей матери. («Озермес», «Курджи-муко Лаурсен», «Сын батрачки» и др.). В сказке «Сын батрачки» герой Асланмиз печалится: *«Я доволен своей жизнью, вы меня ничем не огорчаете», – говорит он своим женам, озабоченным его печалью и задумчивостью. – Но не дает мне покоя моя мать. Знать не знаю, что с ней. Выехал я однажды на охоту и с тех пор не возвращался домой. Как она там одна-одиношенька?»*... *«Поехал Асланмиз в родной аул и нашел свою названную мать в нищете и грязи. Его жены нагрели воды, выкупали старушку, одели ее в чистую одежду. Вскоре он построил хороший дом и матери и себе. И стали они жить дружно, не доставляя матери ни забот, ни огорчений»* («Сын батрачки»)²⁷.

Поскольку основной принцип отношения фольклора к действительности заключается в ее художественном отражении, нельзя воспринимать ту систему

взаимоотношений, которая представлена в сказании, песне или сказке, как зеркальное отражение реально действующих в обществе правил. Есть в фольклорных текстах случаи, когда некоторые нормы поведения и выставляемые условия продиктованы художественными задачами. Так, например, непереносимое лишение жизни всякого неудачливого жениха, когда только одному лишь герою удается не только самому сохранить свою жизнь, но и обрести невесту, есть не что иное, как художественная условность, призванная создать эмоциональное напряжение. С учетом подобных обстоятельств и можно судить об отражении системы этикетных отношений в реальном обществе и их эстетически аккумулированных формах в фольклоре.

Примечания

1. Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Папка 6-и. Пасп. 5.
2. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 96 с.
3. Адыгские народные сказания и сказки / сост., вступ. ст. и примеч. Ш.Х. Хута. Май-коп: Адыгейское книжное издательство, 1993. 336 с. С. 282.
4. Там же. С. 278.
5. Там же. С. 192.
6. Там же. С. 112.
7. Там же. С. 116.
8. Сказания и сказки адыгов / сост., вступ. ст. и коммент. Ш.Х. Хут. М.: Современник, 1987. 320 с. С. 347.
9. Адыгские народные сказания и сказки... С. 217.
10. Там же. С. 284.
11. *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978. 160 с.; *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 229 с.; *Бгажноков Б.Х.* Логос игрища. Мир культуры. Вып. 1. Нальчик: Эльбрус, 1990. 208 с.; *Бгажноков Б.Х.* Черкесское игрище. Сюжет. Семантика. Мантика. Нальчик: Культур. центр «Адыгская энциклопедия», 1991. 188 с.; *Бгажноков Б.Х.* Антропология морали. Нальчик: Изд. отд. КБИГИ, 2010. 128 с.; *Бгажноков Б.Х.* Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. 510 с.
12. *Шоджэн Х., КъардэнгъуцІ З.* Адыгэ хабзэу щыІахэр. Налшык. 1995. 135 с. [*Шогенов Х., Кардангушев З.* Адыгский этикет в прошлом. Нальчик, 1995]. (на каб. яз.).
13. *Гутов А.М.* Этюды о кавказском этикете. Нальчик: Эльбрус, 1998. 124 с.
14. *Марзей А.С.* Черкесское наездничество – «зекІкуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 301 с.
15. *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет... С. 55.
16. *Хан-Гирей С.* Записки о Черкесии / Вступ.ст. и подгот. текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. Нальчик: Эльбрус, 1978. 333 с. С. 91.
17. *Кешев А.* Избранные произведения / вступ. ст., подг. текстов Р.Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1976. 264 с. С. 112–113.
18. Таурыхъэмрэ хъыбархэмрэ. Налшык: Эльбрус, 1970. 156 с. [Предания и сказки. Нальчик: Эльбрус, 1970].
19. Адыгские народные сказания и сказки... С. 138.
20. Там же, С. 235.
21. Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Папка 6-е. Пасп. 11.
22. Адыгские народные сказания и сказки... С. 116.
23. Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Папка 6-ж. Пасп. 15.
24. Адыгские народные сказания и сказки... С. 229–230.
25. Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Папка 6-е. Пасп. 11.
26. Адыгские народные сказания и сказки... С. 166.
27. Там же. С. 285.

COMMUNICATIVE IMPERATIVES IN ADYG TALES

Hagozhcheva Liana Slavovna, Junior Researcher of the Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), liana1771@mail.ru

The article discusses the nature of the artistic reflection in folklore of the principles that constitute the basic basis of the ethical code of the Adyghe and noble etiquette, and which are of a general humanistic nature. First of all, this is reverence, politeness, respect for others (older and younger in age, parents, woman), awareness of the value of human life, respect for human dignity. Compliance with these principles was one of the defining qualities of the individual in the Adyg society, respectively, and the ideal hero in folklore. They became the central motif in various genres of folklore. In this series, they are reflected in fabulous prose. The work focuses on the aesthetic function of these motifs in the image of the ideal folklore character. The author analyzes the main forms of objectivization of motives associated with the installation on respect for the personal dignity of a person. Comparative materials from folklore and ethnographic sources are involved.

Keywords: folklore, fairy tale, Adyg society, folk hero, plot, artistic understanding of the motive.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-155-161

**«ПЕСНЯ ВОЛКА»: К ЖАНРОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ
В СИСТЕМЕ АДЫГСКОГО ФОЛЬКЛОРА
(сравнительно-вариативное исследование)**

Тхамокова Жена Галимовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

В статье предпринимается сравнительно-вариативный анализ произведения, жанр которого определяется как песня-сказка. Для рассмотрения избрана «Песня волка», исполняемая чаще всего в певческой форме, но сюжетом, композиционными особенностями и характером образов имеющая выраженные признаки сказки о животных. Персонажи песни-сказки представлены как типичные носители свойств, которые обычно приписывает им традиция прозаического нарративного жанра. Своеобразие заключается в архаическом сочетании певческой формы со сказочным сюжетом и персонажами. Также обращается внимание на функцию рассматриваемого произведения и характер его варьирования. Такой подход на адыгском материале предпринимается впервые, что определяет степень новизны и актуальность выполненной работы в целом.

Ключевые слова: песня-сказка, жанровые особенности, вариативность, сравнительный анализ, персонаж, волк.

Сказки о животных признаны в фольклористике как одна из основных разновидностей жанра, который считается наиболее популярным и многообразным в жанровой системе народного словесного искусства. Ш.Х. Хут, автор первого монографического исследования адыгской сказки, утверждал, что данная жанровая разновидность не занимает большого места¹ в репертуаре адыгских исполнителей.

Мы полагаем, что такое утверждение требует уточнений, поскольку оно было вызвано тем, что автор не мог располагать достаточно полным объемом фактических материалов, относимых к сказкам о животных. Наша работа в области систематизации сюжетов и мотивов адыгской сказки с применением международных каталогов позволяет нам отметить не менее, чем 83 типа сюжетов*. При этом данное число не окончательное, так как работа над указателем сюжетов адыгских сказок еще не завершена, и пополнение числа типов вполне вероятно. Мы имеем основание признать не только сюжетно-тематическое многообразие, но также широкую популярность сказок о животных в фольклоре адыгов и их важное место в репертуаре исполнителей.

Ни один из типов сюжетов адыгских сказок названной жанровой разновидности еще не подвергался обстоятельному сравнительно-типологическому изучению на современном уровне. Данная статья является попыткой обратить внимание на важность устранения этого пробела в адыгском сказковедении – рассматривается одна стихотворная сказка «Песня о волке». Но вначале необходимо определиться с жанровой принадлежностью произведения. Дело в том, что сюжет произведения сугубо сказочный, но форма исполнения нетипична для данного жанра – это

* Тхамокова Ж.Г. Указатель сюжетов адыгских сказок о животных по системе Международного указателя сказочных сюжетов Аарне-Томпсона (Личный архив автора).

не прозаическое повествование, а песня. Если за основной признак определения брать форму (что вполне резонно), то надо признать, что мы имеем дело с песней. Однако даже при этом условии надо заметить, что и в песенной форме существуют произведения разных жанров, в том числе и песни-сказки.

Сюжет рассматриваемого произведения несложен. Охотясь за добычей, волк попадает в ловчую яму; он воет, причитая о своей горькой участи, клянется никогда не посягать на род того, кто его извлечет из западни; подошедшие на его вой лиса (корова или др.) не поддаются на его льстивые уговоры спасти его, напоминая о его злодеяниях против них, но старая лошадь (осел) берется выручить волка – она наклоняется к яме, волк, вероломно вцепившись в грудь, затаскивает спасителя в яму, съедает, и, опираясь на ее кости, выбирается из ямы, либо, по совету лисы, охотники (табунщики) убивают его в яме.

Сюжет относится к наиболее популярным в сказочном репертуаре адыгов. В публикациях и неопубликованных записях нами выявлено десять вариантов, зафиксированных в разных местах проживания адыгов на Северном Кавказе – Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Республике Адыгея.

Название текста варьируется – разные исполнители именуют произведение по-разному. Ниже дается таблица, в которой мы постарались отметить все сходства и различия.

Таблица данных по вариантам

Вариант	Источник	Название	Сказитель, его возраст	Место записи, дата	Собиратель	Способ записи	Персонажи кроме волка
I	ФФА* КБИГИ* п. 9, т. 11	Волк	Акяг И., 80 лет	РА, сел. Тохтамукай, 28.05.1960	Курашинов Б.	Руко- пись	Лиса, корова, лошадь
II	Фонотека КБИГИ, кас. 45/3	Плач волка	Кунижев Х.	КБР, сел. Нарган, 1961, Чегемск. р-н	Кардангушев З.	фоно- запись (пение)	Лиса, лошадь
III	ФФА КБИГИ, п. 12а, т. 12	Плач волка, упав- шего в яму	Ордоков М.	КЧР, аул Хабез, 30.08.1957	Эльбердов Х.	Руко- пись	Лиса
IV	ФФА КБИГИ, п. 12, т. 18	При- чита- ние волка	Бганов И., 85 лет	РА, сел. Шинд- жий, 18.10.1958	Керимов М.	Руко- пись	Лиса, корова, лошадь
V	ФФ КБИГИ, п. 12, т. 19	Песня волка	Дышекова Ф.М., 80 лет	КЧР, аул. Хабез 1962 г.	Гукемух А.	Руко- пись	Млад- ший брат (со- бака)
VI	Кн.: «Гуси- лебеди» 1969	Как волк упал в яму	Сб. для детей. Сказитель не обозна- чен	КЧР	Мижгаев М., Бекизова Л.	Печатн.	Лиса, ло- шадь, борзая собака, осел
VII	Фонотека КБИГИ, кас. 450, т. 26	Песня волка	Гонов А., 69 лет	КБР, с. Нарган, Чегемск. р-н, 26.07.1979	Гутов А.М.	фоно- запись (пение)	борзая собака, осел, лиса

VIII	Фонотека КБИГИ, кас. 447, т. 4	Песня серого	Гонов А., 69 лет	КБР, с. Нартан, Чегемск. р-н, 30.07.1979	Тхамокова Ж.Г.	фоно-запись (пение)	Лиса, борзая собака, осел
IX	Фонотека КБИГИ, кол. 614, кас. 39а, т. 5	Песня-плач волка	Хацуков А.Х., 68 лет	РА, 05.09.1981 а. Уляпа Красногвард. р-н	Налоев З.М.	Фоно-запись (пение)	Лиса, осел
X	ФФ КБИГИ, п. 12, т. 20	Песня волка	Лиев Б.Х., 55 лет	г. Карачаевск, КЧР, март 1957	Гукемух А.	Рукопись. Со слов записавшего – пение	–

* Фольклорный фонд архива.

Характеризуя данный текст, прежде всего обратим внимание на варьирование названий. Здесь встает проблема жанра. По большинству вариантов это песня, куда его относят иные фольклористы при публикации (см. таблицу: варианты: V, VII, VIII, IX, X).

Мы солидарны с адыгскими филологами М. Мижаевым и Л. Бекизовой, которые относят произведение к жанру сказок по следующим признакам: есть сюжет, стройная композиция, конфликт, диалоги, образы героев четко обозначены, наличествуют понятия: «добро-зло»². Ш.Х. Хут также справедлив, рассматривая произведение в ряду адыгских сказок о животных³. Сюжет бытует в прозаической форме – классической для жанра сказки, у абазин⁴ – родственного адыгам народа, что тоже подтверждает принадлежность рассматриваемого произведения к жанру сказки.

Сравнение приведенных в таблице вариантов показало, что в композиционном плане они не в равной степени полны и совершенны как художественное произведение. В частности, не во всех записях соблюдается характерная для поэтики сказок троичность повторов, что зависит от количества противопоставленных волку персонажей. Наиболее совершенными в этом смысле оказались первый, четвертый и записанные от одного и того же сказителя разными собирателями в разное время седьмой и восьмой варианты. В четвертый вариант введены четыре персонажа, что приводит к четырехкратному повтору, нехарактерному для поэтики сказки. В третьем и пятом вариантах представлено, помимо волка, всего по одному персонажу, и, следовательно, в них вообще нет характерного повтора, и сказка в эстетическом плане не получает своего развития. Поэтому она остается малоувлекательной для детской аудитории, на которую она рассчитана. Десятый вариант вовсе является фрагментарным, в нем наличествует только начало – мотив охоты хищника, и мы внесли его в таблицу исключительно для полноты охвата имеющихся материалов. Но он интересен наличием строк, каких нет в других вариантах.

Очень важна финальная часть в имеющихся вариантах сказки. Не везде она заканчивается победой волка. Если в четырех вариантах (I, IV, VI, IX) волк становится победителем (он, обманув добродушную лошадь или глупого осла, выбирается из ямы и убегает), то в трех вариантах (III, VII, VIII) волк становится добычей охотников (табунщиков), что происходит с подачи лисы, постоянного персонажа всех вариантов сказки, кроме волка.

При этом наиболее логически мотивированным является гибель волка в варианте А. Гонова (VII, VIII – повторная запись): из трех персонажей на песню-плач волка осел приходит вторым и непременно становится жертвой волка. Но третьей является умная и хитрая лиса, которая не поддается лстивым речам волка. Более того, она и наводит на него охотников (табунщиков). Они убивают волка: зло наказуемо, и это более типичный сказочный финал.

Приведем полный текст одного из вариантов текста с нашим подстрочным переводом - вариант первый. Он относится к наиболее композиционно совершенным, как мы заключили выше, и его первая публикация (1963 г.) сопровождалась нотной шифровкой мелодии в исполнении народного певца КБР Кунижева Х. (вар. II).

Дыгъужь

– Уае махуэми соуши,
Щынахъуэ щӀалэм сыӀуцӀи,
Щынахъуэ щӀалэр згъэжеи,
Щынэхъу жейхэм сахыхьы,
Щынэхъу пшэрхэр къахэсхи,
«Къуацэ лъапэр жьауэщ» –
ЖысӀэри есхьэкӀи.
Пщэфэм къыщызубли,
КӀапэ кӀафэм сыщынэсам,
Дзыгъуэ цӀыкӀум къыгъэсыси,
Къыхэлъэтри сыкъыгъацти,
ЩӀэбгъунлъыкӀейуэ сыщӀэбгъунлъри
Мы нэгъуей мацэм сипкӀащ.
«Сизыхыжым лъэпкъмышх тхьэрыуэ хуэсщӀынуш», –
Жери, дыгъужьыр мэтхьэусыхэ,
Къызыхехри бажэжьейр къос.
– Е зи наплъэ-ӀуплӀэр гуих,
ЛъэнкӀапӀэр щӀэзыхыр зи нитӀ,
Зи тхьэкӀумитӀыр дзасэ,
Сыгытхьэм укыхьа?
– Уэлбанэ махуэ гуцэм соуши,
Щынахъуэ щӀалэм сыӀуцӀи,
Щынахъуэ щӀалэр згъэжеи,
Щынэхъу жейхэм сахыхьы,
Щынэхъу пшэрыр къахэсхи,
«Къуацэ лъапэр жьауэщ», –
ЖысӀэри есхьэкӀи.
Пщэфэм къыщызублэри,
КӀапэ кӀафэм сыщынэсым,
Дзыгъуэ цӀыкӀум къыгъэсыси,
Къыхэлъэтри сыкъыгъацти,
ЩӀэбгъунлъыкӀейуэ сыщӀэбгъунлъри
Мы нэгъуей мацэ гуцэм сипкӀащ.
Сыхыжи мы нэгъуей мацэжьым
Уи лъэпкъ сымышхыжынкӀэ тхьэ сӀуэнщ.
– Дянэ бажиблу дыкъильхуи,
Хьэмэшыпхэм дзыгъуащэ жиӀи дыкъиши,
Уи кӀэр бгъэсысу щэдж къуагъым укыкъуэкӀи,
Ди лъакъуэхэр кӀэщӀти, удз кӀырым дыхэни,
Сэр фӀэкӀи къыумыгъанэу пшхыгъащ.
Сэ уисхыжыхукӀэ ис,
Илъэс минищэ пгызоӀуэ!
СяпӀкӀэ бажэгъуэр къызожьэ,
СяужькӀэ хьэрэ лӀырэ зэпоуэ, –
ЖеӀэри бажэжьейр ӀуокӀыж.
СокӀуэтри щэ соджэ,
Къызэхехри жэмыжьыр къос.
– Е зи наплъэ-ӀуплӀэр гуих,
ЛъэнкӀапӀэр щӀэзыхыр зи нитӀ,
Зи тхьэкӀумэ кӀапитӀыр дзасэ,

Сытытхэм укыхьа?
– Уэлбанэ махуэ гуцэм соуши,
Щынахуэ щалэм сылуши,
Щынахуэ щалэр згъэжеи,
Щынэху жeahэм сахыхьи,
Щынэху пшэрыр къахэсхи,
«Къуацэ лъапэр жьауэш», –
– Жыслэри есхэкли.
Пшафэм къышызубли,
Клапэ клафэм сыщынэсым,
Дзыгъуэ цыкфум кыгъэсыси,
Къыхэльэтри сыкыгъащти,
Щцэбгъунлъыкфейуэ сыщцэбгъунлъри
Мы нэгъуей мацэ гуцэм сипклащ.
Сихьжи мы нэгъуей мацэжъым
Уи лъэпкъ сымышхыжынкфэ тхэ слуэнщ.
– Гъатхэ гуцэм удзыр сыбгъэхъукъым,
Бжыхьэ гуцэм си шкфэхьур уошхыж,
Сэ уисхыжыхукфэ ис,
Илъэс минищэ пгызоуэ! –
Желэри жэмыжыр гуокфыжыр.
Сокфэуэтри зэ гуоугъуэ согуо,
Къызэхехри щцэгуалэжыр къос,
Си тхэусыхэ хузоуатэ:
Сихьжи мы нэгъуей мацэжъым
Уи лъэпкъ сымышхыжыну тхэ слуэнщ.
– Сыт мыгъуэкфэ укысхыжын?
– Уи дыщэ бгъэлыбэр къэший,
Си хьэ лъэбжъанипщфыр хэзгъэнэнци сипхыжынщ,
Пщцэгуалэжыр хьэлэлти
И бгъэлыбэжыр еший,
И хьэ лъэбжъанипщфыр хигъани,
Къызэщцикфэуэри ирилъафи,
Пщцэгуалафэр трихи,
Къупщхьэ-лъапщхьэр кыгъани,
Адрей къэнахэр зэхилъхьи,
Зэхилъхьари и лъэмыжу
Дыгъужыжыр кыкфыжащ.

Волк

«В морозный день иду рысью,
С чабаном молодым встретился,
Чабана молодого усыпил,
К ягням спящим вошел,
Ягненка жирного унес,
«Под кустами тень», – подумав, отнес,
С шейной кожи начав,
К хвостовой коже когда доходил,
Мышонок шевельнул кусты,
Выскочив, испугал меня,
Поскользнулся страшным скольжением,
Прыгнул [угодил] в эту ногойскую яму,*
Кто меня извлечет отсюда, <тому>

* Ногайская яма – вероятно здесь нашло отражение разносторонние связи адыгов с соседними ногойцами. В частности, другая сказка отразила, что ногойцы были хорошими табунщиками, из-за чего князь нанял табунщиком ногойца. Возможно, здесь имеется в виду яма, вырытая ногойцем.

Дам клятву, что не посягну на его род, –
Говоря, так волк сетует.
Услышав <его>, явилась лиса.
– Эй, чей вид жуткий,
От чьего взгляда подкашиваются ноги,
Чьи два уха остры словно вертел,
Какой бог тебя принес?
– В дождливый день, о горе, <я> шел рысью,
С чабаном молодым встретился,
Чабана молодого усыпив,
К ягнтям спящим вошел,
Ягненка жирного выбрал,
«Под кустами тень», – подумав, отнес,
С шейной кожи начав,
К хвостовой коже когда доходил,
Мышонок пошевелил кусты,
Поскользнулся страшным скольжением,
В эту ногайскую яму, о горе, прыгнул [угодил],
Извлеки меня из этой проклятой ногайской ямы,
Дам клятву, что не посягну больше на твой род, –
Говоря, волк сетует.
– Наша мать родила нас семерых,
Вдаль повела «На охоту за мышами», – сказав,
Хвостом своим шевеля, из-за стога снопов ты вышел,
Наши ноги коротки были, и мы в густой траве застряли,
Съел, было, всех, кроме меня,
Пока я тебя извлеку – сиди!
Сто лет желаю!
Впереди меня ждет лисья нора,
Позади меня собаки [борзые] и люди наперегонки несутся», –
Сказав, лиса уходит.
Отступаю и зову три раза,
Услышав меня, явилась старая корова.
– Эй, чей вид жуткий,
От взгляда которого подкашиваются ноги,
Чьи два уха остры словно вертел,
Какой бог тебя принес?
– В дождливый день, о горе, шел рысью,
С чабаном молодым встретился,
Чабана молодого усыпил,
К ягнтям спящим вошел,
Ягненка жирного выбрал,
«Под кустами тень», – подумав, <туда> отнес,
С шейной кожи начав,
К хвостовой коже когда доходил,
Мышонок шевелил кусты.
Выскочив – напугал меня,
Поскользнулся страшным скольжением,
В эту ногайскую яму, о горе, прыгнул.
Вынеси из этой ногайской жуткой ямы,
Дам клятву, что не посягну никогда на твой род.
– Весной, о горе, не даешь пастись в траве,
Осенью, о горе, моего теленка съедаешь,
Сиди, пока я тебя извлеку,
Сто тысяч лет предрекаю!
Сказав, корова старая уходит.
Отступив, один раз кричу,
Услышав, серая лошадь является,
Свою жалобу изливаю:

– Извлеки из этой жуткой ногайской ямы,
Дам клятву, что на твой род больше не посягну.
– Чем, о горе, извлеку?!
– Твою золотую грудь ко мне протяни,
Моими десятью собачьими когтями вцеплюсь и вынесешь.
Лошадь серая была добра,
Свою грудь протянула,
Свои десять собачьих когтей <волк> вонзил,
Всю ее схватив, затанул,
Снял шкуру серой лошади,
Кости оставив,
Остальное сложив,
Сложенное стало ему лестницей и
Волк вышел из ямы.

Сравнение вариантов по художественно-изобразительным средствам в рамках настоящей статьи не представляется возможным – это самостоятельная научная проблема, требующая отдельного внимания. Приведенный здесь научный перевод первого варианта может быть отправной точкой в этом смысле. Пока отметим, что вариант А. Гонова (вар.: VII, VIII) отличается особой художественностью, где плач волка содержит множество междометий.

Интересные результаты можно было бы ожидать и при сравнительном исследовании данного текста с инонациональными вариантами, однако к настоящему времени нами еще не обнаружено соответствия для рассматриваемого типа по указателю сюжетов Аарне-Томпсона⁵. В плане типологическом он сходен с типом АТ 31 «Звери в яме», но здесь надо учитывать и фактические различия в плане содержательном.

Что касается музыкального аспекта, мы с сожалением должны признать, что степени нашей компетенции недостаточно для относительно полной характеристики предмета исследования. Отвергая споры о том, что более важно в песенных жанрах – слово или напев, Н.И. Кравцов писал: «Слово и напев в фольклорном произведении... имеют единую эмоционально-эстетическую направленность»⁶. Мы всецело разделяем такую позицию, добавляя к сказанному, что целостное представление о любом художественном произведении можно получить только с учетом и формы, и содержания. Поэтому в дальнейшем мы намерены углубить наше исследование в этой области с привлечением текстов с нотными шифровками.

Заключая отметим, что «Песня волка» является одним из замечательных произведений животного эпоса адыгов – сказкой в стихах. Она призвана, развлекающая, образовывать и воспитывать детей, преподавать детям знания о животном мире, знакомить с их образами. Развлечение достигается ритмичностью, повторяемостью общих мест, музыкальностью произведения. Его носители различны в исполнении текста, и это зависит от силы памяти человека, перенявшего текст от другого, его эстетического мышления, характера голоса. В жанровом отношении рассмотренное произведение представляет собой песню-сказку, которая, по всей вероятности, сложилась на базе вышеприведенного сказочного сюжета. Это позволяет отнести ее к более позднему этапу формирования песенных жанров адыгского фольклора.

Примечания

1. Хум Ш.Х. Сказочный эпос адыгов. Майкоп, 1981. С. 12.
2. Къру-къру, къаз-къаз (Гуси-лебеди) / Запись и подготовка к изданию Бекизова Л., Мижаев М. Черкесск, 1969. С. 7.
3. Хум Ш.Х. Указ. соч. С. 21.

4. Абазинские народные сказки / Сост., перев. с абаз., вступит. статья, примеч. В.Б. Тугова. Сер.: «Сказки и мифы народов Востока». М.: Наука, 1985. С. 23–25.

5. The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FFC № 3). Translated and Enlarged by S. Thompson (FFC184). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 588 p.

6. Кравцов Н.И. Слово и напев в песенных жанрах фольклора // Н.И. Кравцов. Проблемы славянского фольклора. М.: Наука, 1972. С.106.

THE SONG OF THE WOLF: TO THE GENRE IDENTIFICATION IN THE SYSTEM OF ADYGHE FOLKLORE (comparatively variable research)

Tkhamokova Zhenya Galimovna, Candidate of Philology, Senior researcher of the Sector of Adyghe (Circassian) folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

The article undertakes a comparative analysis of the work. This genre is defined as a fairy tale song. For the consideration selected “The song of the wolf” which is often performed in singing form. At the same time, the plot, compositional features and character of the images in it have pronounced sings of a fairy tale about animals. The characters of the tale are presented as typical bearers of properties that are usually prescribed by the tradition of the prose narrative genre. The uniqueness lies in the archaic combination of the singing form with a fabulous storyline and characters.

It is also paid an attention to the function of the work in questions and the nature of its variation. Such as approach on the Adyghe material is considered for the first time, which determines the degree of novelty and relevance of the work performed as a whole.

Keywords: fairy tale song, genre features, variability, comparative analysis, character, the wolf.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-162-169

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:

- история;
- филология;
- проблемы развития современного общества;
- культурология.

2. Требования к оформлению статей:

2.1. Рекомендуемый объем для статьи – до 15 с. (с учетом требований п.п. 2–4), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.

2.2. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации).

2.3. Название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом.

2.4. Сведения об авторе/авторах на русском языке (фамилия, имя, отчество (без сокращений), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, электронный адрес).

2.5. Аннотация (не менее 100 слов) и ключевые слова на русском языке – шрифт 12 pt.

2.6. Текст статьи должен быть набран шрифтом Times New Roman 14 pt через полуторный интервал; страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после «Примечаний» под заголовком «Принятые сокращения». Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).

2.7. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически; нумерация сквозная, например:

1) Фотометрия и радиометрия оптического излучения. М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.

2) Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора (выделить курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первую и последнюю страницы статьи.

2.8. В конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 2.3.–2.5.) на английском языке.

3. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Первая страница статьи подписывается автором.

4. Вместе со статьей в редакцию представляются:

- 4.1. направление организации, в которой работает автор;
- 4.2. акт экспертизы / заключение о возможности публикации.

Внимание: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному экземпляру и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Усл. печ. л. 15

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 224

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*